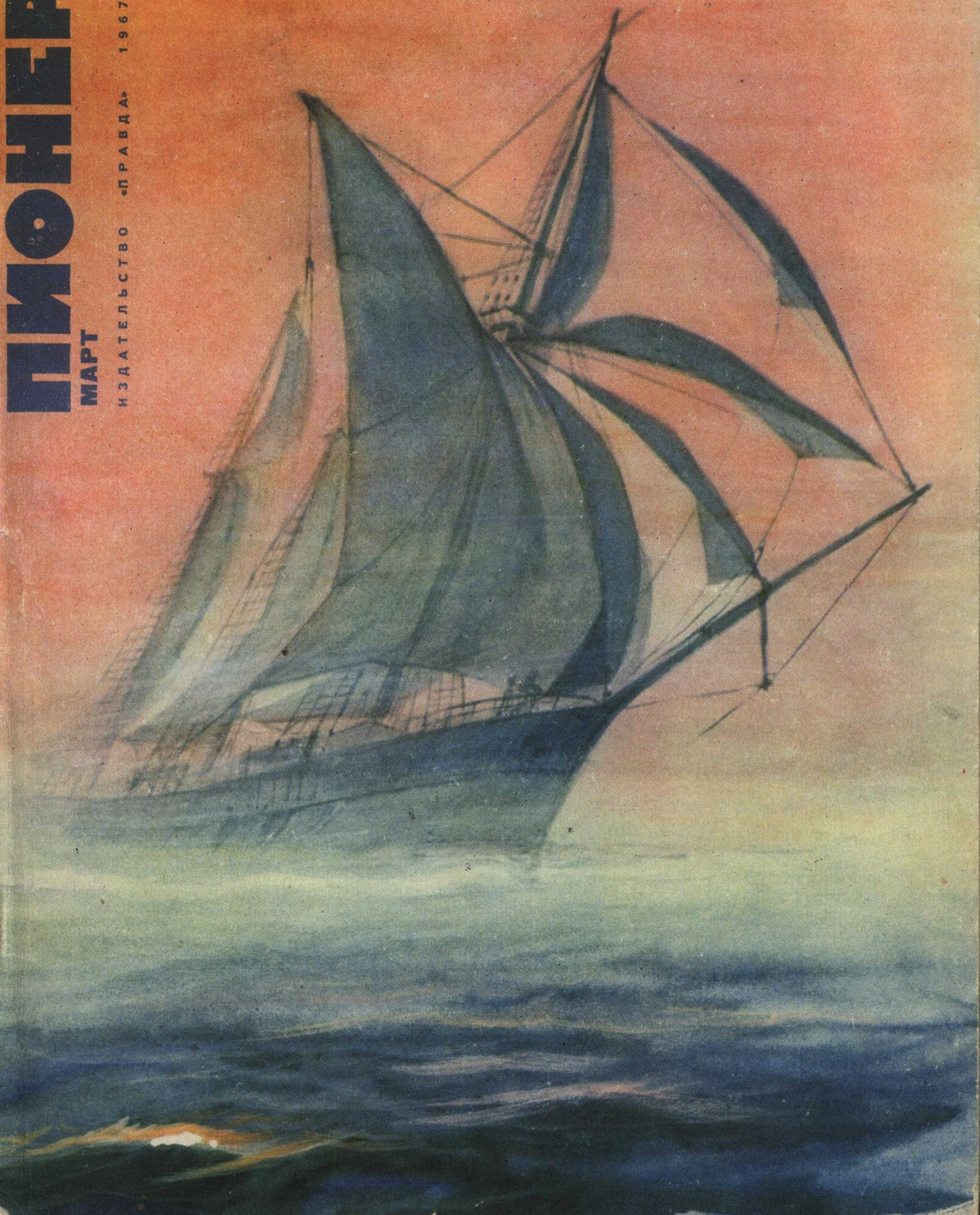

ПИОНЕР

МАРТ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ОПЕРАЦИЯ "ЦВЕТЬ НА БРУСТВЕРЕ"

Делегаты слета знакомятся.

Три дня провели они, участники операции «Цветы на бруствере», в Москве, рассказывали о том, что сделано и что еще будет сделано, показывали свою выставку, встречались с ветеранами московской битвы, знакомились с Москвой, успели крепко подружиться и, уезжая, говорили:

- Приезжайте к нам в Горький!
- Пишите нам в Челябинск!
- Встретимся летом.
- Обязательно!

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

МАРТ

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1967 г.

ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК-ПОЧЕМУЧЕК,
ДЛЯ ДЕВЧОНОК-ОТЧЕГОЧЕК
НАРИСОВАН ЭТОТ КЛЮЧИК...
ПОИЩИТЕ-КА ЗАМОЧЕК!

Володя МЫШКИН

● Умеют ли ребята фантазировать? Отвечаем: да, умеют. На конкурс фантастических рассказов пришло более сотни писем с рассказами. Два из них — Володи Мышкина и Славы Еремеева — мы публикуем здесь. Вас ожидают встречи с тайной!

● Читайте! Павел Антокольский. Стихи.

● Забавная — раз! Загадочная — два! И весьма поучительная история — три! — скрыта в рассказе, который называется «Б и н о к л я».

● Руки, созданные в лаборатории! Операции, о которых еще недавно нечего было и мечтать! Читайте очерк писателя и хирурга Бориса Володина!

● Веселые стихи Т. Белозерова прибыли в этот номер с Урала, а теперь вместе с журналом разлетятся по нашей огромной стране.

● Внимание! В этом номере мы начинаем печатать одну удивительную, полную таинственности книгу. Называется она «Мэри Поппинс», а про что в ней, этого мы нарочно тут не расскажем.

● Выдренок — это выдрин ребенок. Про такого ребенка и пойдет вполне достоверный рассказ.

● Что может быть интереснее географической карты? Что еще, кроме карты, отправит вас, не сходя с места, в путешествие? А какое путешествие сравнится с путешествием по самым главным для страны строительным юбилейного года? Смотрите карту на цветной вклейке.

● В отделе спорта открывается мушкетерская школа скрещенных рапир. Учить фехтовать будет Галина Горохова, пятикратный чемпион СССР и чемпион мира.

● А читали ли вы когда-нибудь легенды мексиканских индейцев? Прочтите!

● Смехотрон, Кораблик, ЧНЧ, Кругосветка и другие отделы, как всегда, на своих местах, и отыскать их вам будет нетрудно.

До нового номера,

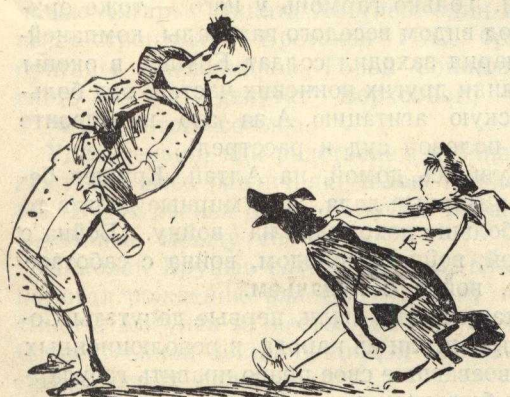
Ваш Ключик

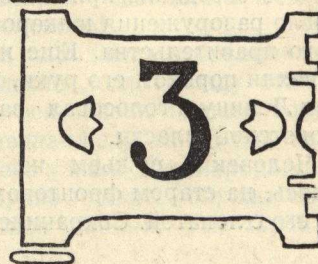
Т. БЕЛОЗЕРОВ

Слава ЕРЕМЕЕВ

Рисунки к рассказу «Бинокля»
сделал художник Е. МЕДВЕДЕВ.

Человек с ружьем... Ты, читатель, конечно, помнишь Шадрина, героя кинофильма? У Николая Васильевича Ерушева такая же революционная судьба. И кто знает, может, Шадрин — это как раз и есть Ерушев?

1917 год. Дни перед Октябрьским восстанием. Избранный своими фронтовыми товарищами в делегаты Второго Всероссийского съезда Советов, солдат Ерушев — в революционном Петрограде. Можно было бы сказать, что Октябрьское восстание сделало Ерушева хозяином своей страны, дало ему в руки власть. Но точнее будет сказать по-иному. Он брал власть в свои руки, штурмуя Зимний. Делегат съезда Советов, он пришел на историческое заседание прямо после уличных боев, после разоружения юнкеров и ареста Временного правительства. Еще не остыла винтовка и пахли порохом его руки, когда он аплодировал Ленину и голосовал за первые декреты Советской власти.

Человек с ружьем не всегда с ружьем. Здесь, на старом фронтовом снимке, вы видите его с лопатой. Сохранился и другой снимок.

П Р А В О

Ерушев не с ружьем, не с лопатой, а с гармошкой. Только гармонь у него — тоже оружие. Под видом веселого запевалы, компанейского парня заходил солдат Ерушев в окопы и землянки других воинских частей, вел большевистскую агитацию. А за это на фронте грозил полевой суд и расстрел!

Вернувшись домой, на Алтай, Ерушев берет за мирные дела, хотя мирные дела в то время больше походили на войну. Война с разрухой, война с голодом, война с саботажниками, война с кулачем.

Вот такими они были, первые депутаты Советов, правители из народа, в революционных боях завоевавшие свое право править государством, в боях гражданской войны защищавшие это право.

П Р А В И Т Ь

На втором снимке в центре — знатный человек Ангары: Никита Хотулев, один из первых строителей Братской ГЭС, бригадир бригады монтажников, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР пятого созыва.

Удивительно, как родственны и близки бывают, при всех различиях, человеческие судьбы! Будто звенья одной цепочки, неразрывно связанные между собой.

Николай Ерушев словом, делом, винтовкой помогал рождению власти трудового народа. Никита Хотулев в жестоких боях Великой Отечественной войны защищал эту власть от гитлеровских полчищ.

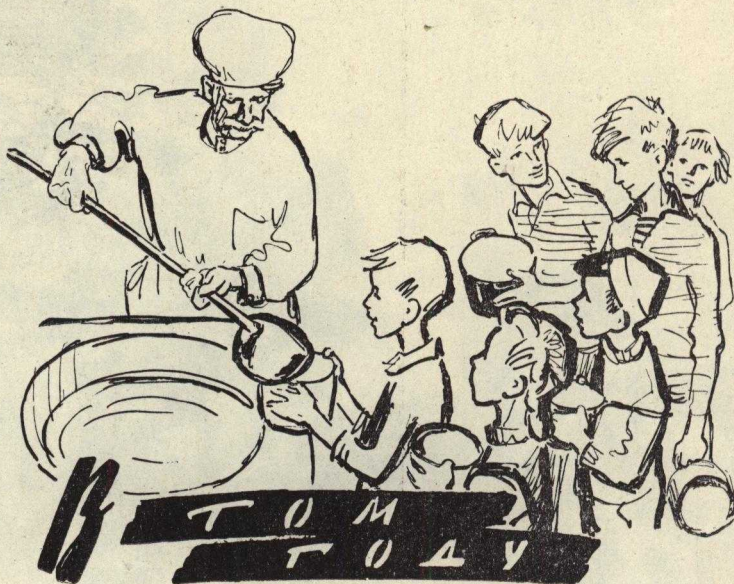
Николай Ерушев — из переселенцев. Еще в прошлом веке, гонимый нуждой, переселился

в Сибирь его отец, покинув в поисках земли и счастья полунищую мордовскую деревеньку. Никита Хотулев тоже из переселенцев. Он пришел в Сибирь с великой армией строителей. Только в другие времена другие и планы. Обузывать могучие реки, создавать новые моря, зажигать электрические солнца в тайге, давать жизнь и энергию новым гигантским заводам и рудникам — вот мечты и дела сегодняшних переселенцев!

Два депутата, два народных избранника... Без малого столетия легло между этими двумя снимками — вся жизнь нашего государства. В эти полвека люди такие же, как те, о которых ты здесь узнал, дети народа, получившие от него право править, служат ему с честью, отдавая свои знания, ум, талант.

Роберт КОЛОТУХИН

Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

ПОВЕСТЬ

Продолжение

ДЕД НАЗАР

Рано утром к нам прибежал взволнованный Соловей.

— Здравствуйте, тетя Рая,— поздоровался он с мамой и зашептал что-то Леньке на ухо.

— Как?!— вскрикнул Ленька и притянул Соловья к себе.

— А вот так,— сказал Соловей, отдирая Ленькины пальцы.— Как будто ты не знаешь, как они это делают!

— В чем дело, Володя, что у вас там за секреты?— спросила мама.

Соловей молча переминался с ноги на ногу. Потом покосился на меня и сказал:

— Там... это... тетя Рая... там, на углу... Штольхи... Ганс Карлович и Дина Ивановна...

— Значит, их отпустили?

— Да нет, их... это... понимаете... их ночью... В общем, выходите за угол. Там уже много наших... А Саньку,— Вовка кивнул на меня,— Саньку вы лучше дома запирайте: не надо ему смотреть... Ты идешь, наконец?!— крикнул он Леньке, который торопливо натягивал тапочки, и выскочил из комнаты.

— Ничего не понимаю,— растерянно проговорила мама и начала спешно собираться.— Куда ты, Шурик?! Не смей!— крикнула она мне вслед, но я уже вихрем летел

через три ступеньки по лестнице. Я мчался по холодным мраморным ступенькам нашей лестницы босиком и почти догадывался, что я сейчас увижу на улице.

Весь наш угол был заполнен людьми. Я протиснулся к столбу и увидел, что старенькая коричневая туфля с левой ноги Дины Ивановны лежит под нею на тротуаре.

Ветерок шевелил редкие седые волосы на голове Ганса Карловича.

Они висели рядом, Ганс Карлович Штольх и Штольх Дина Ивановна. К запястьям их рук была привязана фанера с надписью в три слова. Я не смог разобрать эти слова, что они обозначают, и мне сначала показалось, что оба они — и Ганс Карлович и Дина Ивановна — цепко сжимают эту фанеру посиневшими пальцами, словно боятся уронить. Но когда я внимательно присмотрелся, то увидел, что фанера эта прикручена к их рукам тонкой проволокой.

У моего плеча был бронзовый, перебитый венами, кулак деда Назара. От него пахло свежей рыбой. Дед уже давно не ловил рыбу, но руки сохранили ее запах.

Подошла мама и взяла меня за плечи. «Сейчас уведет»,— вздрогнул я.

— «Мы укрывали евреев»,— прочла мама надпись на фанере. Я почувствовал, как ее пальцы на моих плечах мелко задрожали. Она повернулась к деду Назару.

— Как же это? Когда же это кончится? Дед Назар ничего не ответил, только крепче сжал свой бронзовый кулак.

Возле нас остановился ботаник Гнилосыров.

— Своего даже не пожалели, изверги.

— Вы думаете, что говорите? — накинулся на него дед Назар. — Какой же он им свой?!

Ботаник смущенно молчал. И в этот момент позади толпы закричали сапоги Жиздры: «Тресь, тресь».

Дед Назар прислушался и вдруг развел руками толпу и крикнул:

— Люди! Расступитесь, люди! Дайте этой ползучей гидре посмотреть на свою работу! Расступитесь, люди!

Толпа расступилась и образовала перед Жиздрой проход к столбу. Жиздра попятился назад. Но дед уже схватил его за шиворот и подтолкнул к столбу.

— Нет, ты смотри! Смотри, шкура!

Жиздра упирался, хрипел, щеки его дрожали.

— А, не хочешь?! Не хочешь, гадюка?! — Дед Назар со всего маху въехал Жиздре кулаком между бровей.

Жиздра рухнул на асфальт. Но тут же проворно вскочил.

— Сейчас, сейчас — торопливо шептал он, размазывая по щекам красную юшку. — Сейчас, сейчас. — Он убежал, то и дело оглядываясь.

Кулак у деда Назара был в крови. Мама дала ему платок, и дед, гадливо морщась, вытер кулак.

— Уходите! Уходите: этот негодяй побежал за полициями!

— Да, да, иду, — спокойно ответил дед Назар. Он еще раз взглянул на Ганса Карловича и Дину Ивановну и медленно пошел к воротам. Вслед за ним — мама, ботаник и мы: я, Ленка, Соловей и Жорка Мама-лыга.

Во дворе дед промыл руку под краном и сел возле окон Соловьевых на отвод водосточной трубы. Он, видно, и не думал прятаться. И домой идти не собирался.

— Ну, зачем, спрашивается, вы связались с этим выродком?! Зачем?! — ломая руки, заходил перед ним ботаник.

— Не выдержал. Вот... — виновато улыбаясь, развел руками дед.

— Вам нужно немедленно уходить. Слышите? Немедленно! — трясла мама деда за плечо.

— Нельзя, мне уходить, дочка, — ответил

Весь угол улицы был заполнен людьми.

дед и кивнул на свои окна. — Старуху они мою заберут. Да и цыпят тех — тоже. Вы уж присмотрите за ними. ...Вон, идут. Быстро эта гада обернулась.

Дед Назар медленно поднялся. От ворот к нам приближался уже знакомый рыжий немец, тот, что приходил вчера за Дорой. Рядом с ним — те же полицаи. И Жиздра.

— Старухе моей, граждане, сообщите как-нибудь это... поделикатнее... Чтобы не волновалась, — сказал дед. — И цыпят тех присмотрите, значит, — повторил он.

— Этот? — кивнув на деда, спросил один из полицаев у Жиздры.

— Ага, — хмыкнул тот, и полицейский начал расстегивать кобуру. — Ах ты, партизанская рожа...

— Найн, найн, — остановил его немец дулом «шмайсера». — Партизанен, ходи туда, — указал он деду к воротам. — Шнель!

Деда Назара увели.

Взрослые начали совещаться, как бы «по-деликатнее» сообщить обо всем бабке Назарихе. Мы отошли в сторонку, и Ленька сказал, сжимая кулаки:

— Мы должны отомстить. По-настоящему. Слушайте, что я придумал...

МЕСТЬ

Вечером Ленька притащил на кухню здоровенный красный кирпич и спрятал его за радиатором.

— Хоть одного фашиста, но завтра мы укокошим.

— Укокошим, Леня, — подтвердил я.

— Попомнятся им Штольхи, и дед Назар, и Дора, — продолжал Ленька. — Да не пьаль ты все время глаза на радиатор!

Утром мы с Ленькой вытащили кирпич, вымыли его хорошенько. Потом Ленька вытер его насухо и написал мелом на спинке: «Смерть фашистским акупантам». «Акупантам» не поместилось на одной стороне и пришлось его перенести на другую.

— Ничего, поймут, — сказал Ленька, заворачивая кирпич в тряпку. — Пошли.

Во дворе нас уже ждали Соловей и Мамалыга. Ленька сделал вид, что их не замечает, и молча проскользнул на черный ход, ребята — за нами.

— Готовы? — спросил Ленька.

Соловей и Мамалыга кивнули: готовы, мол. Под мышкой у каждого было завернуто что-то увесистое.

Ленька повернулся ко мне.

— Слушай внимательно, Саня. Слушай и запоминай. Домой мы после операции не вернемся, потому как тут наверняка суматоха поднимется. Так вот, ты разведаешь все хорошенько и приходи после обеда к Жоркиной бабке, в Лермонтовский переулок. Помнишь, где это?

— Ага.

— Ну-ка, повтори.

— Лермонтовский переулок, шесть, во дворе налево, первый этаж.

— Молоток. — Ленька положил мне руку на плечо. — Только пойдешь не напрямик, а через парк Шевченко, чтобы хвост за собой не привести. Посматривай назад. Ясно?

— Ясно.

Взять же меня на чердак Ленька наотрез отказался. Я захныкал и заявил, что расскажу обо всем маме. Тогда Ленька снял руку с моего плеча и дал такую затрещину, что у меня искры из глаз посыпались.

— Ябедничать? — И я замолк. А Ленька

сделал страшную рожу, притянул меня к себе.

— Забожись, что не скажешь!

Я молчал, посапывая: я не знал, как это — божаться.

— Ну! — встряхнул меня Ленька. — Скажи: будь я проклят, если разболтаю кому-нибудь хоть полсловечка.

— Будь я проклят, — покорно повторил я.

— Пошли, ребята, — сказал Ленька и первым стал подниматься по ветхим ступенькам черного хода к чердаку.

Примерно через час возле нашего дома свалился в обмороке фашистский офицер. Кто-то бросил кирпичи с крыши. Правда, кирпичи просвистели у фашиста под носом и вдребезги разлетелись у самых ног. А он брык — и в обморок.

Я стоял у ворот и все видел. Офицер был толстый и лысый. Раскинув руки, он лежал на осколках кирпичей. Неподалеку, уткнувшись лакированным козырьком в лужу, валялась его фуражка.

Первыми к нему подбежали Жиздра и полицей. Они подобрали фуражку, расстегнули ему китель и стали шупать, тормошить. А Жиздра, так тот даже ухо к груди приложил: живой ли? Потом они вместе с полицейем глянули вверх, задрав, как по команде, головы. Жиздра вдруг вскочил и быстро убежал во двор. И тогда я не на шутку испугался: а вдруг он поймает ребят? Я даже похолодел от этой мысли. Но в это время Жиздра выскочил со двора с мокрым полотенцем в руках и начал прикладывать его к лысине фашиста. Офицер зашевелился.

Я с интересом наблюдал, что же будет дальше, и мне так хотелось зафутболить ногой фуражку, которую полицей положил сбоку от себя. Вдруг чьи-то сильные руки втянули меня в подъезд. Я оглянулся: мама.

Днем к нам пришли полицей. Их было двое. Один усатый, с длинными до колен руками; другой маленький, напoмаженный, похожий на черного вертлявого жучка. Он все время вращал пальцами перламутровую тросточку. Как Чарли Чаплин. И прежде чем заглянуть под кровать или в буфет, он обязательно спрашивал у мамы вежливо: «Позвольте?» Усатый, наоборот, молча швырял вещи.

— Где твой байстрюк? — спросил он у мамы, как только вошел в комнату, и с тех пор ни слова. Мама тоже молчала.

Полицей привел Жиздра. Он не вошел в комнату. Сложив на груди руки, он стоял в

дверях и сверлил нас глазками. Потом вдруг сказал:

— Ничего, ребята, я их у ворот постерегу: все равно стервецы домой прибегут. Жрать-то им надо.

Сказал он это, а мне и легче стало: «Дудки с маком они прибегут. Хоть всю ночь стереги, шукура продажная».

Полиции собрались уходить.

— Разрешите?— спросил напоследок маленький и, улыбаясь, шарахнул своей перламутровой тросточкой по лампочке над столом. Лампочка взорвалась, как граната. «Го-го-го!»— Полиция ушла довольные.

Мама опустилась на диван и вдруг заплакала. Столько крепилась, а тут вдруг заплакала:

— Горе ты мое, наказание! Опять натворил что-то...

Жалко мне стало ее, и рассказал я обо всем. И о том, что Ленька без моего сигнала теперь домой не придет, тоже рассказал.

— Ну, погоди! Я ему дам сигнал! Пусть только явится, как сидорову козу высеку! И чтоб ты не смел к нему ходить, понял?

Я обиделся и убежал на кухню. Леньку, моего храброго брата, как сидорову козу!..

В обед я в знак протеста объявил голодовку: молча отодвинул от себя кашу, хлеб и чай на сахарине. Из-за стола не поднялся, посидел немного, сглотнул слюну. Мама улынулась и сказала:

— Ешь давай. Ешь, а то передумую. Вот завернула тут кое-что.— Она придвинула ко мне небольшой сверток.— Отнесешь нашему партизану. Небось, проголодался он там. И к Соловьевым зайди: я уже рассказывала матери.

«ЧИЖИК-ПЫЖИК»

Вот уже третий день я навещаю ребят. Надеваю старый, потрепанный Ленькин пиджак, тубетейку с дыркой на макушке и направляюсь в Лермонтовский.

К Лермонтовскому от нашего дома несколько дорог. Напрямик, через «Спартак», можно выйти к обрыву над Отрадой, а там до Лермонтовского рукой подать. Другой путь, окружной,— через парк Шевченко. Ну, и самый короткий — по улице Чижикова в сторону моря.

Конечно, я выбираю самый длинный, окружной путь через парк Шевченко, потому что Жиздра все еще торчит у ворот — стережет.

...Объявился Жиздра в нашем дворе примерно через полгода после того, как немцы вошли в город. «Жиздра? Живой?!» — ахнули старожилы. «Живой, касатики, живой,— шурился Жиздра и рассматривал двор придирчивым взглядом.— Пожили на дармовщинку при коммунистах,— будя. Теперь мы наведем порядок в собственном доме. Собственном, слышите? Теперь — все к старому».— Жиздра размахисто перекрестился во все углы двора.

У Жиздры была странная фигура: плечи почти отсутствовали, а бедра были широкие, ему даже пришлось сделать разрез сзади на своем вельветовом пиджаке. И все равно две последние пуговицы на пиджаке не сходились. И голова у него тоже была луковицей: красные щеки спадали на воротник, а кверху, где рос пучок волос, голова сужалась.

На следующий день после прибытия Жиздра начистил до блеска свои скрипучие сапоги, распустил бородку и двинулся в поход за квартирой, которую, как он подсчитал (об этом мы узнали позже), жильцы нашего дома задолжали ему ни много ни мало за двадцать лет. До революции, оказывалось, весь наш дом принадлежал одному только Жиздре. Но пришла Советская власть, и Жиздра сбежал. А вот теперь объявился.

Так вот, когда Жиздра вышел во двор, мы с Ленькой в это время как раз цедили воду под краном в ведро. Тут же, неподалеку, копошились Мишка и Ося Цинклеры. Им тогда было по три с половиной года. Жиздра увидел близнецов и остановился изумленный.

— Жидята?! — Он присел и взял ребят за головы.— Как есть жидята...

Ленька подошел, взял Мишку и Осю за плечи и стал перед Жиздрой.

— Никакие они вам не жидята, слышите?

Удивленный Жиздра убрал щеки с воротника и спросил у Леньки:

— Пионер?

— Ну, допустим.

— А ты не допускай, милоч.— Жиздра поднялся, и в коленях у него что-то хрустнуло.— Раз ты пионер, то теперь хвост калачиком. Иначе — отрубим. Понял?— Жиздра поднес кулак к Ленькиному носу.

Но Ленька не отступил.

— Ладно,— Жиздра отряхнул ладони,— мы еще с тобой потолкуем на эту тему.

Потом он вошел в парадное и постучал в дверь к старикам Назаровым.

Не успели мы набрать ведро, как вдруг услышали истошный крик бабки Назарихи:

— Ах ты, жлобина проклятый! Да чтоб я тебе, басурман, хоть копейку!.. Советская власть дала мне хату, и чтоб я тебе, жлобу пузатому!.. Трофимыч, гони этого паразита!

Секунду-другую, пока бабка переводила дыхание и тяжело поднимался со своего места дед, в квартире Назаровых стояла тишина. Потом раздался грохот стульев, хлопнула дверь, и Жиздра кубарем выкатился во двор: вышвырнул его дед Назар.

Чертыхаясь, отплевывая пыль, Жиздра поднялся. Он грозил кулаками в окна Назаровых, проклинал деда и бабушку на чем свет стоит. Окна Назаровых молчали. Жиздра совсем разошелся, осмелел, затряс обеими руками.

— Еще про вашего сыночка дознаются! Дознаются, где он служит! И кому!

Из парадного, неторопливо расстегивая на ходу широкий рыбацкий ремень, показался дед Назар. Жиздра запнулся и зайцем нырнул к себе.

На этом дело и закончилось. Правда, вечером Жиздра подпоил своих дружков-полицаев, и они, размахивая «шмайсерами», ворвались к нам во двор. Устроили погром в квартире Назаровых, избили деда и, все так же горлопая, выкатились со двора. Но с тех пор «походов за квартплатой» Жиздра больше не предпринимал. Только однажды утром он долго и старательно прибивал в подъезде большой белый лист плотной бумаги. Объявление какое-то вешал. Но недолго провисело это объявление: в тот же вечер Ленька сорвал его и принес домой. Мы прочли.

УЛЬТИМАТ

Прошу жильцов моего дома следить за культурным порядком в квартирах и санитарных местах. Запрещаю, без моего на то дозволения, производить самочинный ремонт, портить стены, вывозить мебель.

Квартплатный расчет будет произведен мною с окончательной победой наших доблестных вызволителей — Германских войск.

Хай Гитлер!

Сим владетель дома — Прокофий Жиздра.

Ленька аккуратно свернул «ультимат» трубочкой, перевязал шпагатом и спрятал за шкаф.

— Хай Гитлер, говоришь? Ладно, Прокофий, запомним мы тебе этот «хай».

После того, как «ультимат» исчез со стены, Жиздра совсем затих на некоторое время. Но однажды мы вернулись с братом со

двора домой и увидели его в нашем коридоре. Мамы дома не было. Жиздра взломал дверь в пустующей квартире напротив и пыхтел, стараясь вытащить ореховое зеркало.

Увидев нас, Жиздра на какое-то мгновение смутился и неуверенно затоптался.

— Вот... бебехи вытаскиваю... Ну-ка, подмогните, каштаны. Ты, который поболе, поди-ка сюда, — поманил он моего брата.

Ленька ничего не ответил и, вставляя ключ в замок нашей двери, тихо буркнул:

— Ворюга несчастный.

— Чего, чего? — вкрадчиво спросил Жиздра, подходя к нам. — Ну-ка повтори, чего сказал?

— То, что слышишь, — ворюга.

— Ах ты, бандит!.. — Жиздра выругался и, размахнувшись, с придыхом ударил Леньку в грудь. Ленька упал.

Не помню, что было потом. Помню только противную волосатую руку Жиздры в своих зубах и что у меня на следующий день здорово распухли губы и голова была вся в гулях от Жиздриных сапог...

Вот почему Жиздра нас так ненавидел. Особенно Леньку... Ишь, следит тарантул... Следи, следи, все равно ничего не выследишь. Не такой уж я дурак, как ты думаешь. Я принимаю беспечный вид и, посвистывая, прохожу мимо Жиздры совсем в противоположную сторону, вовсе не туда, куда мне следует идти.

Прежде чем выйти к Лермонтовскому, я долго петляю по кустам и зарослям парка Шевченко. Часто на полянах натыкаюсь на румынских солдат. Сбросив мундиры, отложив в сторону «шмайсеры», они греют на солнце спины, тихо переговариваются между собой и все время при этом разминают своими заскорузлыми пальцами комья земли. Как будто это не земля, а тесто. А один румын, так тот даже землю на вкус попробовал. И не поморщился. Весна. Тоскуют румыны по земле.

Хрустнет у меня под ногами ветка, и румыны, пугливо озираясь, хватаются за свои автоматы. Я прячусь в кустах и пробираюсь дальше.

В Лермонтовском я долго стою за воротами в подъезде дома номер шесть, чутко прислушиваясь к шагам на улице и, только убедившись, что за мною никто не следит, вхожу во двор.

Думаете, я сразу бросаюсь в парадное налево? Да они же мне ни за что не откроют, пока я не просвищу им со двора наш

пароль. Так что я в точности выполняю «инструкцию»: сажусь под окном и небрежно насвистываю: «Чижик-пыжик, где ты был?» И так до тех пор, пока не отодвинется в знакомом окне на втором этаже уголок занавески,— можно входить. Медленно, вразвалочку, я вхожу в парадное, а ребята

дому по яйцу. И никто из них этого не заметил, не обратил внимания. Они проглотили яйца целиком, забыв даже посолить их. Потом Ленька спросил:

— Что новенького? Докладывай.

И я рассказал Леньке, что дома у нас пока тихо, никого больше не забрали, что

— Следи, следи, все равно ничего не выследишь.

тем временем следят, не идет ли за мной «хвост». Правда, вчера, например, они сами же не выполнили «инструкции». Ожидая, пока отодвинется уголок занавески, я битый час насвистывал во дворе «чижика», пока меня не окатили сверху мыльной водой. «Погибели на тебя нет, свистун окаянный!» Оказалось, никого нет дома, все ушли в Отраду.

Сегодня, когда я принес ребятам еду, были они какие-то озабоченные, взволнованные. Они даже не обратили внимания на то, что я принес им целых три куриных яйца. Три! Я обожал яйца и мог бы их съесть, вероятно, десяток, но мама сварила и дала мне только одно. Остальные два, вместе с хлебом и солью, она завернула в бумагу: «Отнесешь Лене». Я принес все три. Каж-

Мишка и Оська по-прежнему живут у бабки Назарихи: бабка никому их отдавать не хочет,— а Жиздра все еще торчит у ворот.

Когда я вспомнил про Жиздру, у ребят кусок застрял в горле. Ленька пригладил ладонью непокорный вихор над правым виском и проговорил:

— Ничего, дай срок, я этого паука сам лично уокошу. Только бы не сбежал.

Потом Ленька сказал мне:

— Вот что, решили мы податься навстречу нашим. Сегодня ночью слышали пушки. Это наши. Немцы так не стреляют. Подадимся мы.— Ленька обвел взглядом комнату.— Надоела мне эта квартира.— И повернулся к Соловью и Мамалыге.— Что-то, а шинельку и автоматик среди своих мы раздобудем.

Я сразу же поддержал Леньку: «Вот здорово!» — попросил его взять меня с собой и сказал, что нужно только предупредить обо всем маму.

— Эх ты, балда! — отмахнулся Ленька. — Да она нас так предупредит, что штанов потом не натянешь.

Я надулся. А Ленька продолжал:

— Пойдем мы одни. Это решено... И ты не пыхти, не пыхти: для тебя тоже задание есть.

Я насторожился.

— Вот что, — сказал Ленька. — Нужно достать оружие. Пистолет ты, конечно, достать не сможешь, а вот нож... Помнишь, тот старый нож с деревянной ручкой? Мама его всегда на кухне держит, в тумбочке. Притащишь, понял?

— Понял, — хмуро ответил я.

Ночью нас разбудили взрывы. Стены дрожали, в буфете танцевала посуда.

Мама быстренько помогла мне сонному одеться, и мы сошли вниз, в подвал.

В подвале было темно. Но чувствовалось, что здесь уже есть люди, много людей. Шепотом переговаривались, и чей-то голос повторял при каждом взрыве:

— Ой, боженьки, боженьки...

Сидели мы долго. И я заснул у мамы на коленях. Приснилось мне, будто мы с Ленькой шарим по нашей кухне и никак не можем найти тот самый нож с деревянной ручкой. И вдруг Ленька как закричит: «Нашел! Нашел!»

Я вздрогнул и проснулся. Это действительно кричал Ленька. Но только не «нашел», а «наши!»

— НАШИ! НАШИ ПРИШЛИ! — орал мой брат где-то там, у самого выхода.

Подвал загудел, зашевелился. Все бросились во двор, на улицу.

А Ленька уже метался по двору.

— Ушел, гадина! Неужели ушел?! — Ленька скрипел зубами от злости. — На чердак, ребя! Скорее!

Обыскали мы чердак, крыши соседних домов облазили. Жиздры нигде не было, исчез.

НАШИ!!!

В садике расположилась походная солдатская кухня. Мы, конечно, со своими кастрюлями тут как тут.

— Спокойно, граждане, спокойно! Не толпись! Соблюдай порядок! Всем хватит, — командовал пожилой повар в белом колпаке. Уповник у повара огромный, с каску.

Здесь, возле кухни, мы и встретили Витьку Гарапилью из соседнего дома. И Гарапиля побожился, что он собственными глазами видел, как Жиздра «драпал» в сторону Большого Фонтана.

— Ладно, — сказал Ленька. — Я его из-под земли выну.

Жоркина очередь подошла раньше нашей. Мамалыга мигом опорожнил свою кастрюлю и снова пристроился к хвосту очереди.

— Лопнешь, Мамалыга! — крикнул ему Ленька.

Мамалыга обиделся:

— А что, я не имею права за два года хоть раз хорошенько похрюпать?! Да, не имею?!

— А я что, возражаю! — крикнул Ленька. — Просто, — говорю, — лопнешь.

— Спокойно, ребята, спокойно, всем хватит, — успокоил их повар, орудуя уполовником.

Поели мы с братом в садике. Домой идти было незачем: мама еще с утра побежала к себе на завод.

А Соловей уволок свою кастрюлю (для матери, а значит, и для Тайки). Сказал, выйдет через полчаса.

Пока мы его ждали, Мамалыга снова ухлебал свой борщ и снова пристроился к очереди.

— Это я для бабки, Лень, — начал оправдываться он, встретив Ленькину улыбочку. — Честное слово, для бабки!

Вернулся Соловей и прилег рядом с нами на траве, закинув руки за голову. Посапывая, подошел Мамалыга с кастрюлей.

— Ну, что, — сказал Ленька. — Может, прочедем все станции Большого Фонтана?

— Можно, — согласился Соловей.

— Нужно, — поправил я.

— А ты? — Ленька повернулся к Мамалыге, возле которого дымилась полная кастрюля борща.

— Лень... Леня... — тяжело засопел Мамалыга. — В другой раз? Завтра? А? Завтра мы не только Фонтан, мы всю Одессу прочедем. А?

— Ясно. — Ленька поднялся. — Пошли, Солова.

И мы пошли. Одни пошли, без Мамалыги.

Начав с Первой, мы пешком прочесали все станции Фонтана. Отбиваясь от голодных собак — мы вооружились дубинками, — заглядывали мы во все дворы, шарили в садах, но Жиздры нигде не было.

А станций этих на Фонтане — шестнадцать. Уже сгущались сумерки, когда мы вы-

Светка спала, а мы стояли и не знали, что же нам предпринять.

шли наконец к последней и очутились у высокой башни заброшенного маяка. Башня стояла на обрыве. Обрыв утюгом выступал в море.

Вдруг как-то сразу стемнело, и начали свою работу сверчки. Мы с Вовкой присели отдохнуть на холодных гранитных ступеньках маяка, но Ленька поднял нас и поволок наверх по крутой винтовой лестнице. И мы очутились в круглой стеклянной макушке маяка.

Казалось, что мы находимся в большом

аквариуме высоко-высоко над землей. Было видно, как внизу серебристая лунная дорожка делит море на две равные части, и даже звезды были видны отсюда, и огоньки Одессы, далеко-далеко. И вдруг все озарилось ярким голубым светом. Наши тени поползли сначала вниз, потом вверх по стеклянным стенкам, и мы догадались, что это салют в городе. Салют в честь освобождения! Город вспыхивал, рассыпался огнями: на Пересыпи, на бульваре, на Куликовом поле. И вместе с ним салютовали корабли, стоявшие на рейде: «Мы вернулись к тебе, Одесса! Мы вернулись».

Домой мы пришли поздно. На углу возле нашего дома в плотном кругу бойцов и гражданских кто-то играл на гармошке, слышался смех, плясали. Мы вошли во двор. Ленька протянул Соловью руку: «Пока», — как вдруг мы заметили три тонких лучика, пробивавшихся из Толяшиной голубятни. Три слабых лучика просвечивали сквозь отверстие, которые пробил пули, когда немец стрелял в Дору Цинклер. «Свет в голубятне? Кто бы это?!»

Мы подбежали к голубятне и приоткрыли дверь. В «кают-компани» на столике горел в надбитом синем блюде огарок свечи, а на топчане, поджав ноги, лежала под шинелью... наша Светка. Светка Немерова! Живая! И в гимнастерке с офицерскими погонами!..

Светка спала, а мы стояли и не знали, что же предпринять. И не могли ничего сказать друг другу, не было у нас подходящих слов. Светка?! Уж не сон ли это?! Я потянулся пальцем к ее погону, но Ленька задержал мою руку:

— Не надо.

Затем он вытолкнул нас из голубятни, вышел сам и, осторожно приподняв дверь, чтобы не заскрипела, прикрыл ее.

Мы присели на камни у двери, опять же ни слова не говоря друг другу. «Наша Светка! С погонами! Может, и ордена есть?»

В воздухе все еще стоял едва уловимый запах вкусного солдатского борща. Гармошка на углу закончила песню о «Катюше» и сразу же, без паузы, перешла на «Трех танкистов». «...Три танкиста, три веселых друга — экипаж машины боевой!»

Я прислонился к двери голубятни и услышал ровное, спокойное дыхание Светки. Светка спала...

Откуда-то из темноты вырос перед нами Жорка Мамалыга. Он, видно, уже знал обо всем, потому что наклонился к Леньке и спросил полупшепотом:

— Спит?

— Дрыхнет,— ответил я вместо брата.

Мамалыга присел рядом с нами и тихо застонал:

— Ой, братцы, я, кажется, объелся! Ой-ой...

— Слушай ты, Жора-обжора,— засипел на него Ленька.— Или ты перестанешь тут вопить, или я сейчас вытолкну тебя со двора.

Мамалыга затих.

Во двор кто-то вошел. Он приблизился к нам, и мы увидели, что это лейтенант. Совсем-совсем молоденький лейтенант. Безусый, в пилоточке.

— В этом доме живете, ребята?

Мы разом поднялись все, кроме Мамалыги.

— В этом.

— А девушку здесь, младшего лейтенанта, не видели? В шинели такая...

— Вы, наверное, про Светку? Так она же...— Но Ленька не дал Мамалыге закончить и пнул ногой.

— Не слушайте вы его, товарищ лейтенант, объелся он сегодня борща солдатского, вот и путает все. Мозги у него, наверное, набекрень повернулись от обжорства. А девушки мы здесь никакой не видели. Мы здесь уже давно сидим. Вы, наверное, дом перепутали, товарищ лейтенант.

— Гм, странно...— Лейтенантик озабоченно огляделся.— Да нет же, именно в этом доме мы с ней сегодня и были. Может, видели, ребята? Очень она мне нужна. Светлана ее зовут.

— Нет, товарищ лейтенант, никакой Светланы здесь не было,— сказал вдруг молчавший до этого Соловей, подпирая плечом дверь голубятни.— Ошиблись вы, товарищ лейтенант. Двор перепутали.

— Гм, странно...— еще раз пробормотал лейтенант, окончательно сбитый с толку.— Ну что ж, до свидания, ребята.

— До свидания, товарищ лейтенант.

Лейтенант вздохнул и ушел расстроенный. А мы снова сели на камни и продолжали молча сидеть. Мамалыга обиженно отдувался. Мне вдруг стало жаль молоденького лейтенантика.

— Лень,— сказал я,— Солова, зачем же мы так, обманули? А?

— Помолчи,— сказал Ленька.— Помолчи, пожалуйста, или я тебе дам по шее.

Затихла гармошка. На улице и во дворе— тишина. А мы все сидели и сидели.

Наконец Ленька поднялся и осторожно приоткрыл дверь: Светка спала.

— Пошли по домам, не проснется она сегодня,— сказал Ленька.

И мы разошлись.

Мама все еще не вернулась с завода. Ленька расстелил нашу кровать.

— Ложись, Саня.— А сам пошел к окну и сел на подоконник.

Я тоже примостился рядом с ним.

— Ты чего?— спросил Ленька.

— Да так,— ответил я.

Вдруг свет в голубятне погас. Мы оба разом вздрогнули и вытянули шеи: «Неужели проснулась?!» Но нет, дверь не открылась, и Светка не вышла из голубятни. «Значит, просто выгорела свечка,— подумал я.— Выгорела и погасла». А Светка по-прежнему спала. Да, видно, здорово она устала за эти два года, наша Светка.

Зря мы так долго сидели вчера на подоконнике: проснулись мы с Ленькой на другой день поздно, часов, наверное, в десять, и нашли в «кают-компании» только записочку под синим блюдцем:

«Мальчики, Леня! Если вдруг будет хоть какая весточка о Толяше, сообщите мне по адресу: Полевая почта 75649, Немеровой С.

Идем дальше, на Берлин! До скорого свидания! Ваша Светка».

Ленька перечел еще несколько раз записочку. Вслух. Свернул и спрятал в карман. Светка все еще не могла поверить, что Толяши нет в живых. И я вдруг понял, почему нам пришлось обмануть вчера того молоденького лейтенанта. Ведь я тоже, скажу вам честно, никак не мог поверить, что нашего Толяши нет в живых. Прошло уже почти два года со дня его гибели, а мы все еще никак не могли поверить в это. Потому что не видели собственными глазами, как хоронили нашего Толяшу. Елена Дмитриевна Стоянович через несколько дней после того, как получила извещение, уехала к родственникам в деревню, и с тех пор мы о ней ничего не слышали.

Кто знает, думали мы, может быть, там, на берегу Днестра, под Овидиополем, лежит совсем не Толяша. И командир Толяшиной части уже давно прислал Елене Дмитриевне вторичное извещение о том, что сын ее, Толяша Стоянович, жив, здоров и героически бьет фашистов.

Кто знает, думали мы и надеялись. Так и Светка. Она, видно, надеялась не меньше нашего.

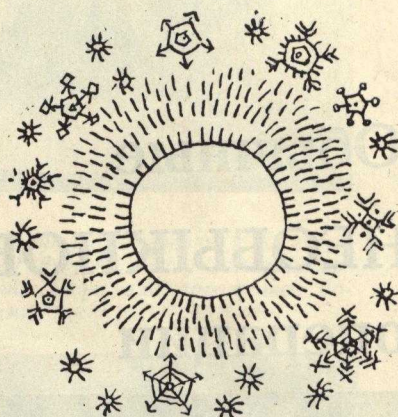
ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

КОСТЁР

Инна ЗАГРАЕВСКАЯ

Рисунки Э. БУЛАТОВА.

Многорукий, многоязыкий —
Лев, дракон или рыжий лис —
Поднимался костер высокий,
Заливая зарею лес.
Он свивал золотые кольца,
Языками лизал дрова
И, натягивая на пальцы,
Как материю, пламя рвал.
Он качался среди стволов,
Рвался к хвосту напролом:
Он хотел долететь до крон
Вместе с золотом и теплом.
Он срывался на вой и визг
Среди груды щепы и шишек...
Все равно опустилсЯ вниз,
Все равно не поднялся выше!

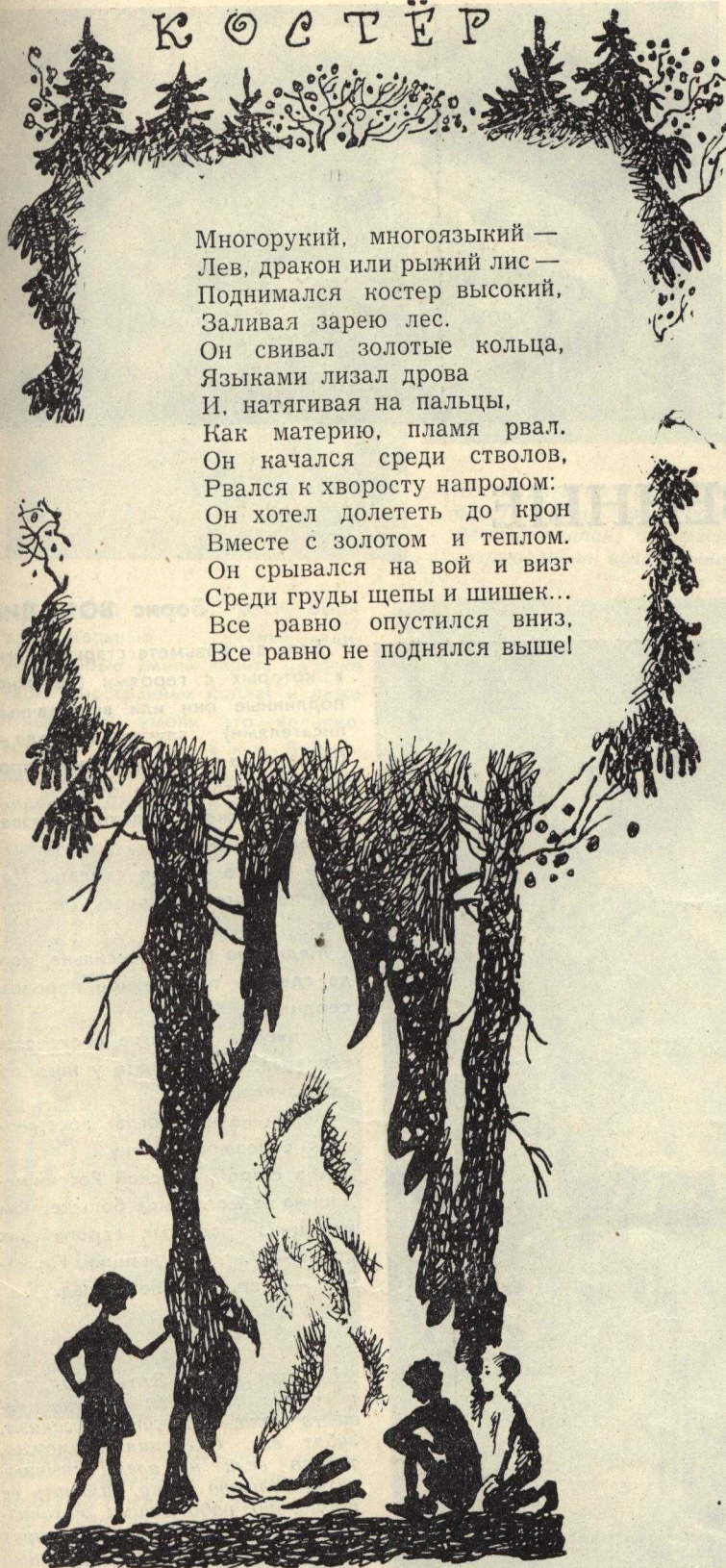
КАКОЕ СОЛНЦЕ

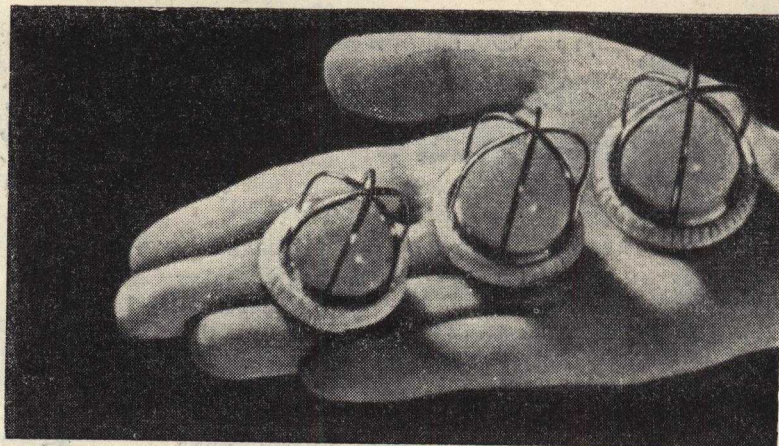
ВО ДВОРЕ !

Какое солнце
Во дворе,
Как будто двор
В прожекторе,
А во дворе
Гора горит,
И окна — фонари.

Врываясь в свет,
Мелькает снег,
Как сотни искр,
Летит к земле,
И застывает в сотни игл —
Не уколись,
смотри!

Блестят пушинки на хвосте
У Шарика,
Звенят сосульки в высоте —
Хрусталики.
Забилась тень
Поглубже в щель:
Ей свет не нужен.
Такое солнце
Целый день,
А дружит...
Со стужей!

Обычные НЕОБЫКНОВЕННЫЕ операции

Борис ВОЛОДИН

Если вы возьмете старые книги, в которых с героями (неважно, подлинными они или выдуманные писателями) случается беда — болезнь, то нередко сможете прочесть что-то вроде этого:

«Врач тяжело вздохнул, развел руками и сказал:

— Ничего нельзя сделать. Медицина, батенька, здесь бессильна».

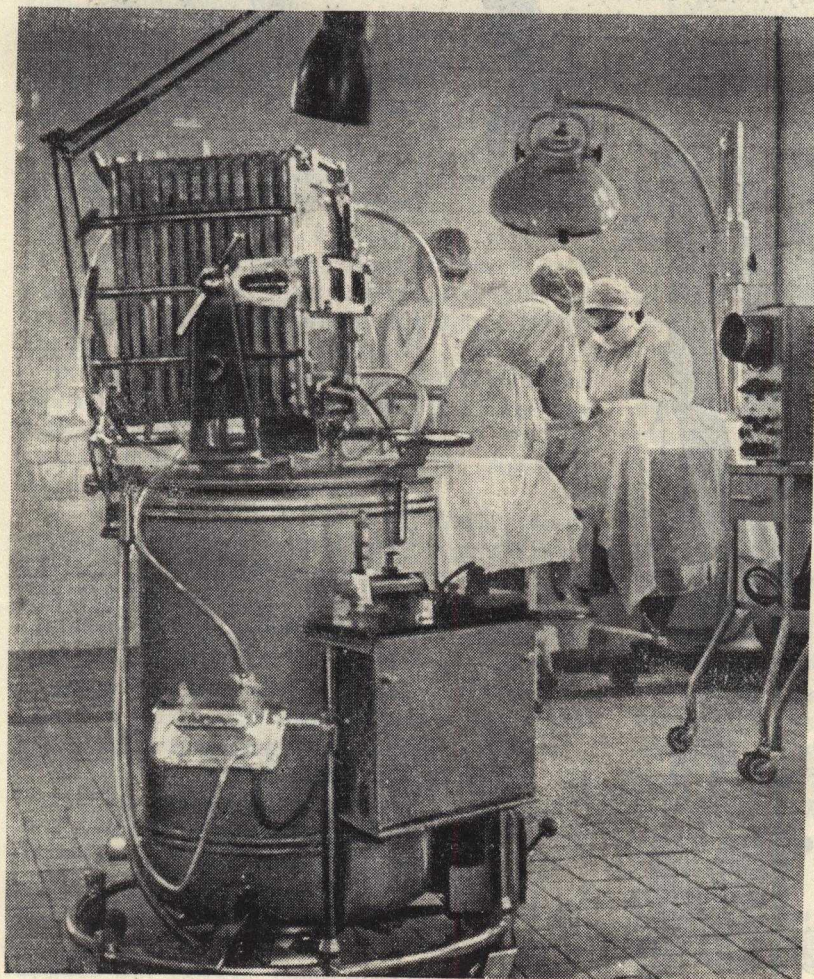
Медицина была бессильна, когда сдавало пораженное пороком сердце...

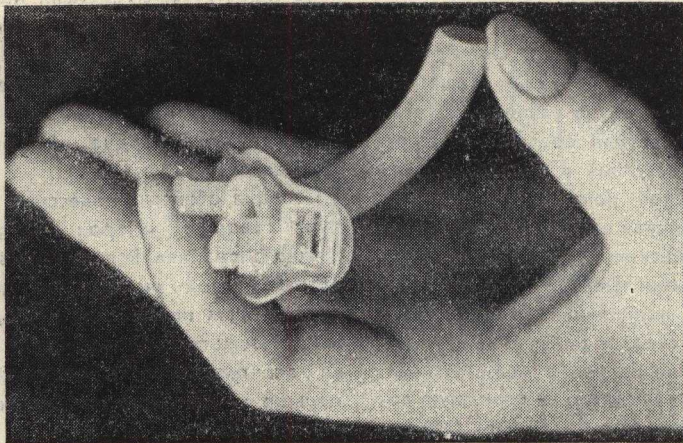
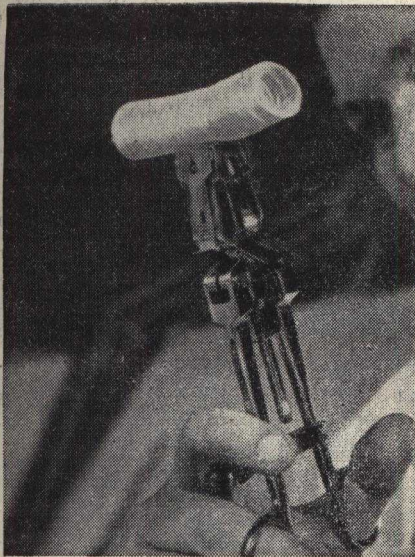
Медицина не могла воскресить человека, если сердце у него останавливалось...

Медицина не могла восстановить отрезанную руку...

А в старой, царской России медицина не могла еще больше, чем медицина развитых европейских стран — Англии, Франции, Германии — пятьдесят лет назад.

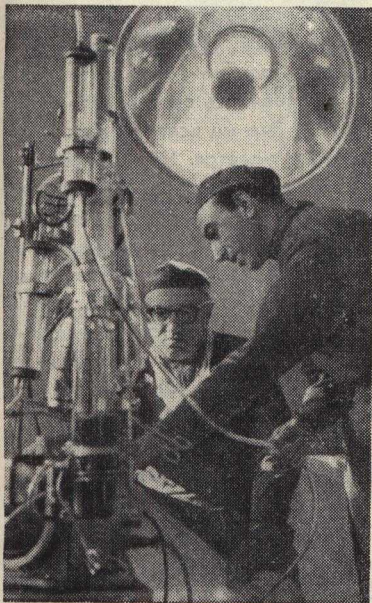
...Болезнь почка. Это значит, что ядовитые продукты обмена веществ отравляют живой организм, губят его. Операция возможна, только если на время «выключить» больную почку, заменить ее нормально работающим механизмом. Вот он перед вами, аппарат «искусственная почка», созданный в Москве советскими учеными.

Посмотрите на три верхних снимка — человек в XX веке поистине стал волшебником! Ему под силу заменять сердечный клапан, омертвевший сосуд или пораженное болезнью горло искусственными.

В старой, царской России были замечательные ученые-медики, которые умели лечить не хуже своих иностранных коллег и даже лучше, как умели это великие врачи В. Н. Бехтерев и С. Б. Боткин. Были в России замечательные хирурги, которые разрабатывали

Знаменитый советский хирург А. В. Вишневский своими операциями на сердце спас тысячи жизней. Рядом с ним в операционной обычно стоит вот эта машина — АИК, аппарат искусственного кровообращения.

Первый человек был «воскрешен из мертвых» советскими врачами в 1942 году. В течение всех двадцати пяти лет с тех пор ученые из специальной лаборатории по оживлению организма продолжают совершенствовать методы борьбы со смертью. Разве верится, что эти резвящиеся на снегу собаки были мертвы в течение целого часа?

новые, неизвестные за рубежом методы операций,— С. П. Федоров, П. А. Герцен, А. В. Вишневский, С. И. Спасокукоцкий.

Но врачей в стране было мало, а замечательных—еще меньше. И крупнейший специалист, который работал в столичном или в большом провинциальном городе, вроде Саратова или Казани, не в со-

стоянии был оказать помощь сотням тысяч людей.

Многие из этих нуждавшихся в помощи людей даже не знали, что есть где-то такой вот замечательный врач, который может им помочь, и лечились у деревенских знахарей, и гибли от их «лечения» тысячами, гибли даже от тех болезней, которые умела вылечи-

вать не очень-то сильная тогда медицина...

Когда свершилась Октябрьская революция, новая, Советская власть одной из важнейших своих задач сделала создание системы общедоступной и бесплатной медицинской помощи.

Советская власть открыла новые медицинские институты, построила десятки тысяч бесплатных больниц и поликлиник во всех городах и селах страны, обучила сотни тысяч врачей и миллионы медицинских сестер — огромную армию борцов с болезнями. Она создала замечательные научно-исследовательские лаборатории. И работающие в этих лабораториях

советские ученые сделали нашу медицину такой сильной, какой она не была никогда прежде.

...Пятьдесят лет назад даже очень умелый и знающий врач говорил: «Порок сердца... Медицина бессильна!»

Сегодня обычный советский хирург говорит: «Порок сердца. Нужна операция». Если ему нужно уточнить свой диагноз, он дает математикам необходимые сведения. Математики обрабатывают их на электронной диагностической машине и получают от машины четкий ответ.

...Хирург идет в операционную, моет руки, надевает стерильный халат и резиновые перчатки и на-

чинает свою работу. Если это нужно, то на время операции останавливается сердце больного, а помощники хирурга тотчас включают большой и сложный аппарат «искусственное сердце — легкие». И больной живет с искусственным сердцем все время, пока хирург заменяет в его настоящем сердце изуродованный болезнью клапан на другой — механический клапан, изготовленный на заводе.

Если бы рассказать все это самому образованному человеку пятьдесят лет назад, он воскликнул бы: «Невероятно! Невозможно!»

И тридцать и двадцать лет назад это называли бы фантастикой.

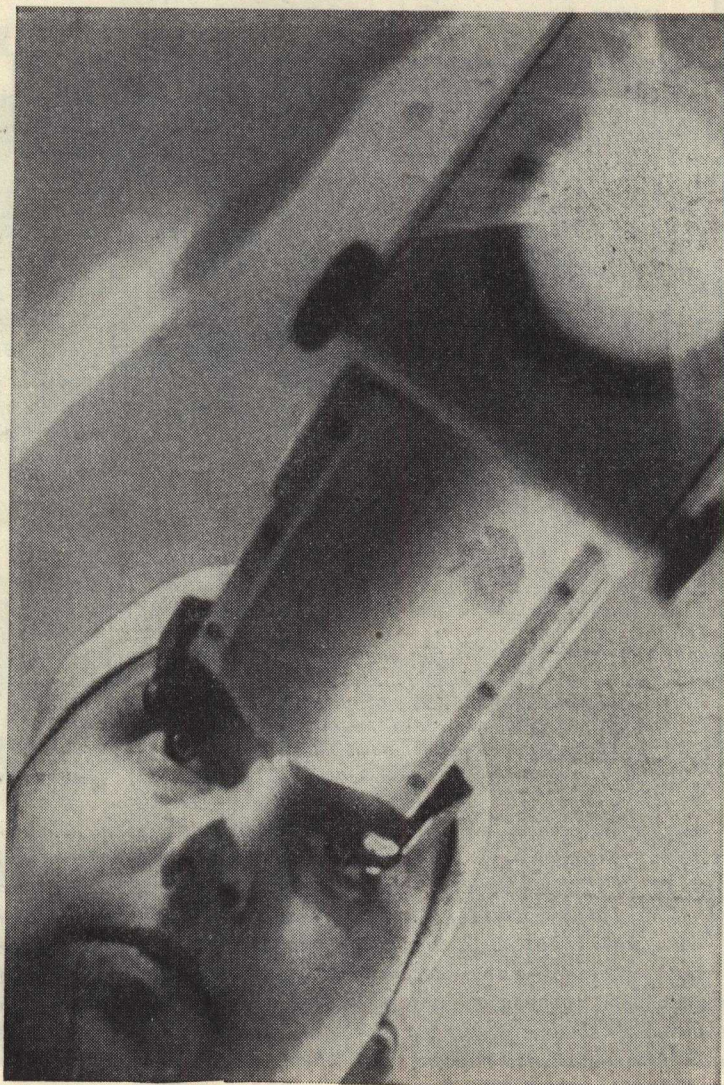
И сейчас еще такие операции, признаем это, и вам и мне все-таки кажутся необыкновенными.

А эти необыкновенные операции стали обычным делом во многих клиниках Москвы, Ленинграда, Киева и Новосибирска — разных городов Советской страны.

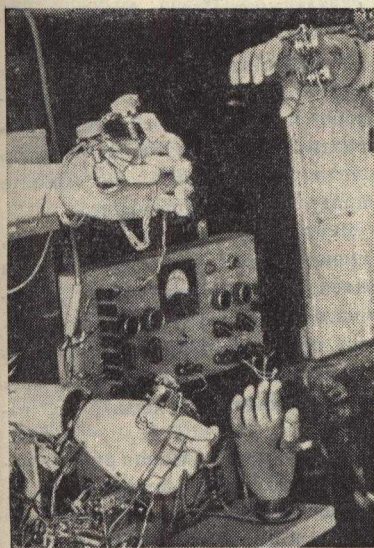
Сейчас врачи «Скорой помощи» в разных городах нашей страны умеют оживать пациента, если при несчастном случае или от тяжелой болезни — инфаркта у него остановилось сердце. Это очень трудно. Это не всегда удается, но все-таки удается. Нам по-прежнему кажется невероятной, необыкновенной эта обыкновенная работа многих советских врачей.

А разве выглядит обыкновенной операция, которую хирург делает не ножом, а световым лучом — ярко-красным лучом, выбрасываемым рубиновым кристаллом лазера?

И разве можно расстаться с ощущением чуда, когда человек, потерявший руку на фронте, выполняет тончайшую работу меха-

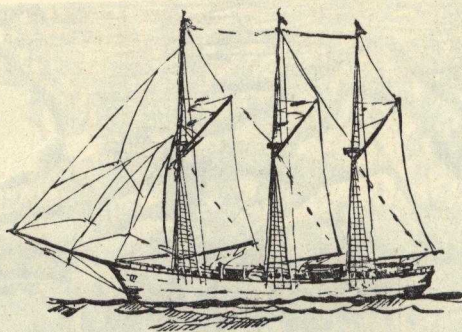
Луч света нацелен прямо в глаз больного — в точку, пораженную болезнью. Врач нажимает кнопку — яркая вспышка длится пять тысячных долей секунды. За это неуловимо короткое время спасен глаз, уничтожена крохотная, но очень опасная опухоль. Так лазер помогает врачам.

Что это? Мастерская роботов?.. И да и нет. В Москве в Научно-исследовательском институте протезирования и протезостроения изготавливают «биоэлектрические руки». Они удивительны, эти механические руки. Они способны воспринимать и выполнять приказы, которые человеческий мозг посылает мышцам. Живая рука, повинаясь этим приказам, выводит буквы на бумаге, ввинчивает винты, перебирает клавиши на рояле. Если биоэлектрическую руку обучить, как обучают их на специальном стенде, который вы видите здесь на снимке, то... потерявший на войне свою правую руку инвалид сможет выполнять с ее помощью тончайшую работу.

нической рукой, созданной для него электронщиками и биофизиками?

Но все эти чудеса постепенно становятся привычными. И все больше новых, казавшихся необыкновенными дел совершает медицина страны социализма.

Корабль-исследователь

На нашей обложке вы видите выплывающее из легкого морского тумана парусное судно. Можно подумать, что оно летит к нам на всех своих парусах из глубокой старины.

Но нет, эта шхуна—наш современник. Мы попросили капитана дальнего плавания АЛЕКСАНДРА БОРИСОВИЧА ЮДОВИЧА, который несколько лет водил эту замечательную шхуну, рассказать о ней. Вот его рассказ.

Парусная шхуна «Заря» — единственное в мире немагнитное судно. Вот уже пятнадцать лет бороздит она моря и океаны. Это судно предназначено для научной работы. Каждое плавание «Зари» — сложная научная экспедиция. На борту парусника — к стати, построен он из немагнитных материалов: дерева, меди, алюминия, — на борту «Зари» с помощью точнейшей аппаратуры ученые ведут уникальные измерения, необходимые тысячам людей во всем мире — морякам, летчикам, ученым. Иными словами, вот уже пятнадцать лет «Заря» ведет магнитную съемку в океанах и морях.

Что же это такое — магнитная съемка?

Начнем с того, что вся наша земля — огромный магнит. От полюса к полюсу протянулись магнитные силовые линии. Но магнитные полюсы, положение которых меняется из года в год, не совпадают с географическими, вот почему стрелка компаса указывает страны света с ошибкой. Ошибка называется магнитным склонением. Морякам и летчикам надо точно знать величину склонения в каждой точке земли — иначе как же вести корабль или самолет по заданному курсу? Кто же даст эти сведения? Только специальное немагнитное судно.

Первым таким судном была американская яхта «Карнеги», погибшая около сорока лет назад в Тихом океане.

Сейчас магнитной съемкой занимается наша «Заря». Судно побывало в портах Европы, Африки, Северной, Центральной и Южной Америки, Австралии, Индонезии, на острове Св. Елены, острове Пасхи и других. Сейчас «Заря» снова далеко от нас — в очередном плавании, в водах Индийского океана.

Рисунок
В. НЕКЛЮДОВА.

ПАВЕЛ

Поэтическое море

«Как выходят в открытое море, мы в открытое время войдем!» — сказал поэт Павел Антокольский, чьи стихи перед вами, ребята.

«Время, как море» — это поэтическое выражение, образ, который, неожиданно сблизив очень разные вещи, позволяет увидеть вдруг многое новое. Но давайте продолжим это сравнение.

Время — настоящее, будущее, прошедшее, то есть вся история жизни людей мира, — вдруг оборачивается «открытым морем», манит вдаль, приглашает к путешествию. И мы не станем от него отказываться. Поплыли? Да, поплыли!

Однако для плавания нужны корабли, это во-первых. Во-вторых же, не забывайте все-таки, что море-то не море, а время. И, в-треть-

МАЛЬЧИКИ

А. Межирову

Рыбацкий катер на причале
В течение двух часов дымил.
А рядом мальчики кричали:
«Ни с места — руки вверх —
за мир!»

Вели осады, рыли ямы,
Ища осколки той войны,
Серьезны, искренни, упрямы,
Как черти, худы и черны.
Их жадное воображенье,
Вертясь на холостом ходу,
Выигрывало все сраженья,
Всем вражьиим силам на беду!

Но вот над бухтой черноморской
Взошла янтарная луна.

АНТОКОЛЬСКИЙ

их, нужен лоцман! Впрочем, сейчас все устроится. Тот, кто придумал сравнить время с морем — сам поэт будет нашим кормчим. А книги его, его стихи и поэмы — вот корабли, прекрасно оснащенные для нашего предприятия.

И еще одно. На карте нашего плаванья может не быть и Африки, и Азии, и даже обеих Америк. Зато мы причалим на своем пути к землям Гулливера и Прометея, доктора Фауста и принца Гамлета. Мы очутимся в средневековой Испании, где ждет нас добрый и храбрый Дон Кихот, во Франции прошлого века, объята революцией... Мы побываем в старой России, под Петербургом, на Черной речке, в роковую минуту дуэли Пушкина с Дантесом.

Корабль нашего поэта пересекает бурный и глубочайший океан человеческой мысли, людской радости, надежд и страданий. На-

званные здесь имена никогда не перестанут занимать и волновать наши умы. И вот человек наших дней, один из интереснейших поэтов, Павел Антокольский, размышляя о сегодняшнем, очень ча-

сто вводит своих читателей в историю. В этом одно из чудесных свойств его увлекательной поэзии.

Вы здесь найдете стихотворение «Мальчики». Не стану пересказывать его содержание, скажу толь-

И мальчики, собравшись
горсткой,
Решили: кончена война.
В их пугачи забился гравий.
И отсырели кобуры.

...Своих дальнейших биографий
Они не знают до поры.
На краткосрочных курсах лета
Они мужают каждый миг.
Они художники. И это
Непроизвольно в них самих.

Давным-давно, когда — не помню,
Я так же точно жил игрой
В заброшенной каменоломне,
И автор пьесы и герой.
Сухое лето было слито
С кусками сланца и кремня.
И целый век палеолита
Стал отрочеством для меня.

Сухое лето облегло
Самосгоранье кратких гроз.
И это — всех начал начало,
Все, чем я жил потом и рос...
С тех пор прошли тысячелетий
Неисчислимые ряды.

...Смеркается. Сырые сети
Лежат у каменной гряды.
Уходят взрослые. А дети
Еще толпятся у воды.
Они вернутся в лагерь поздно,
Улягутся на койки в ряд.
Тревогой разною и грозной
Их сны короткие горят.
Но как бы ни был сон громоздок,
Он держится на крутизне.

Не забывайте, что подросток
Растет, когда летит во сне.

ко об одной стороне этих стихов. Возможно, Павел Григорьевич видел в мальчиках этих ровесников погибшего на фронте сына, о котором написана им прекрасная поэма, а возможно, что эти мальчики — вы, современные ребята. Но присмотритесь к тому, какими рисует их поэт!

Прежде всего он их наделяет этим редким умением — войти в «открытое время». И для того рядом с ними ставит самого себя, тоже мальчика, но только конца прошлого века. А вы, сегодняшние читатели этих стихов, вы-то — ребята уже семидесятых годов, то есть люди второй половины этого века.

Смотрите же! Вдумайтесь! Одно стихотворение забрало в круговорот своих мыслей более чем три четверти столетия и несколько поколений мальчиков. А как богат

событиями этот кусок времени и какими событиями!

Тут и наша революция, перевернувшая весь мир. И огромная война, еще раз перевернувшая этот мир. Время. Мысли. Люди. Вот что может творить поэзия, когда ее мастер не только знает «открытое море времени», но и легко, как опытный лоцман, ориентируется в нем и твердо правит свой корабль.

Корабль поэзии Павла Антокольского красив и строен. В трюмах его много добра, и лишь немногое мы здесь показываем вам. Но при этом знаем, что вы, ребята, не упустите случая выйти в это прекрасное море времени, стихов, мыслей. Оно ведь открыто для всех.

Счастливого плаванья и попутного ветра!

С. АРТАМОНОВ

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Все прошло, пролетело, пропало.
Отзвонила дурная молва.
На снега Черной речки упала
Запрокинутая голова.

Смерть явилась и медлит до срока,
Будто мертвой водою поит.
А Россия широко и строго
На посту по-солдатски стоит.

В ледяной петербургской пустыне,
На ветру, на юру площадей
В карауле почетном застыли
Изваянья понурых людей —

Мужики, офицеры, студенты,
Стихотворцы, торговцы, князья:
Свечи, факелы, черные ленты,
Говор, давка, пробиться нельзя.

Над Невой, и над Невским, и дальше,
За грядой колоннад и аркад,
Ни смятенья, ни страха, ни фальши —
Только алого солнца закат.

Погоди! Он еще окровавит
Императорский штаб и дворец,
Отпеванье по-своему справит
И хоругви расплавит в багрец.

Но хоругви и свечи померкли,
Скрылось солнце за краем земли.
В ту же ночь, из Конюшенной церкви
Неприкаянный прах увезли.

Длинный ящик прикручен к полозьям,
И оплакан метелью навзрыд,
И опущен, и стукнулся оземь,
И в земле святогорской зарыт.

В страшном городе, в горнице тесной,
В ту же ночь или, может, не в ту
Встал гвардеец-гусар неизвестный
И допрашивает темноту.

Взыскан смолоду гневом монаршим,
Он, как демон, над веком парит

И с почившим, как с демоном старшим,
Как звезда со звездой, говорит.

Впереди ни пощады, ни льготы,
Только бури одной благодать.
И четыре отсчитаны года.
До бессмертья — рукою подать.

БАЛЛАДА ПРО ВЕРНОГО ПСА

Он входит как равный
в землянку и в чум,
Ночной бродяга, старый драчун,
Служить человеку-другу.
И спит у огня, тихонько храпя,
И гложет кость на куче тряпья,
И лижет детскую руку.

Не помню — когда. Забыл —
почему,
Но знаю: он родич мой по уму,
По быстрой хватке решений.
А ясностью нрава, терпеньем
в беде
И верностью в дружбе всегда
и везде
Он всех зверей совершенней.

На этом присказке старой —
конец.
Скрежещет железо. Хлещет
свинец.
Ракета красная блещет.
Несется гибель во весь опор.
Но спорит с гибелью старый
сапер.
Идет вперед, не трепещет.

С ним рядом — маленький
рыжий друг.
И нет у друга оружия и рук.
Одно чутье и бесстрашие.
Почуял пес, что за кочкою той
Внезапно дым взовьется густой.
И пес застыл как на страже.

И сразу потом рванулся вперед.
Он молча риск на себя берет:
Ни шагу, хозяин, дескать!
Ты завтра пройдешь поля и леса,
Ты завтра найдешь еще лучше
пса!
Прощай и прости за резкость!

Навеки с нами они дружны,
Порой суровы, порой нежны,
Порой совсем незаметны,
То, зыркнув глазом, во тьме
следят,
То зычным лаем предупредят:
«Ни шагу! Там холод смертный!»

Охотник-сеттер иль пудель-
циркач
По снежному насту несется
вскачь,
Иль старый барбос скребется
В твоё жилище в ненастную
ночь —
Он добрый гость, он может
помочь,
В нём сердце жаркое бьется.

Я это писал на старости лет,
Закутав ноги в мохнатый плед,
Дымя табаком под утро,
А чёрный пудель, по кличке
«Дым»,
Не спал с хозяином, другом
седым,
Глядел в глаза мои мудро.

Он, видно, думал: «Старайся,
пиши!
Во славу моей собачьей души
Слагай хвалебную оду!
Оставь от меня рифмованный
след.

А я за тебя на старости лет
Пойду и в огонь и в воду.
А впрочем, кончай поскорей,
чудак!

И если что сочинил не так,
Не слишком горюй об этом.
Мы оба стоим у той полосы,
Когда пуделяют люди и псы...»
Так пес говорил с поэтом.

Дорогая редакция!
 Мне 14 лет. Я учусь в 8-м классе, но читаю ваш журнал и вижу, что вы помогаете многим людям своим советом. Я тоже хочу обратиться к вам за советом.
 Меня в классе считали хорошей ученицей. До седьмого класса я училась на «четыре» и «пять». Но с четвертой четверти седьмого класса у меня стали появляться тройки и даже двойки. Уроки я учила так же, как и раньше, даже еще лучше. Но отвечать урок, как я отвечала раньше, уже не могла. В начале урока меня почему-то охватывает дрожь. Я боюсь, как бы меня не вызвали. Отвечать урок у нас выходят к первой парте, лицом к классу. Когда я выхожу отвечать, то так краснею, что слезы выступают на глазах. И голос какой-то сдавленный, чужой. А когда сяду на место, рука так дрожит, что не могу писать.
 Что же будет на экзаменах, смогу ли я ответить?!

«Дорогая редакция!

Мне 14 лет. Я учусь в восьмом классе, но часто читаю ваш журнал и вижу, что вы помогаете многим людям своим советом. Я тоже хочу обратиться к вам за советом.

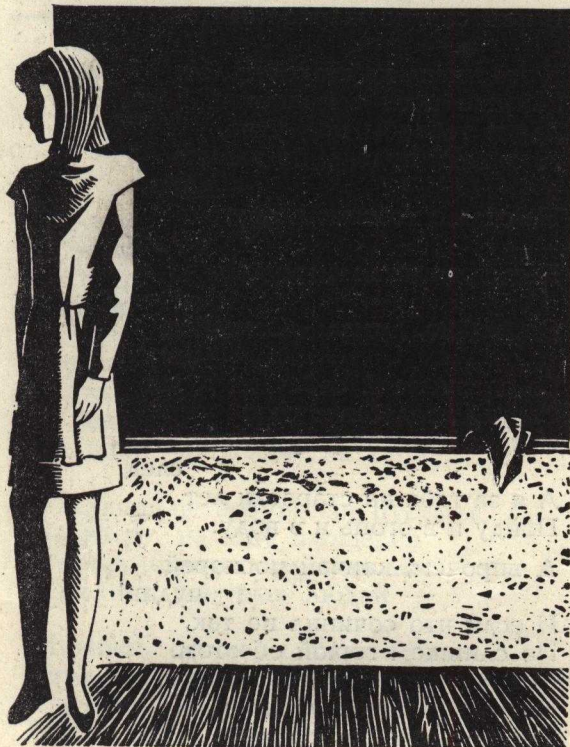
Меня в классе считали хорошей ученицей. До седьмого класса я училась на «четыре» и «пять». Но с четвертой четверти седьмого класса у меня стали появляться тройки и даже двойки. Уроки я учила так же, как и раньше, даже еще лучше. Но отвечать урок, как я отвечала раньше, уже не могла. В начале урока меня почему-то охватывает дрожь. Я боюсь, как бы меня не вызвали. Отвечать урок у нас выходят к первой парте, лицом к классу. Когда я выхожу отвечать, то так краснею, что слезы выступают на глазах. И голос какой-то сдавленный, чужой. А когда сяду на место, рука так дрожит, что не могу писать.

Что же будет на экзаменах, смогу ли я ответить?!

Таня Матвеева,
 п. Архипо-Осиповка,
 Краснодарский край.

ИДУ К ДОСКЕ

Тане Матвеевой отвечает старший научный сотрудник
 Института психологии Академии педагогических наук СССР,
 кандидат педагогических наук
 АИДА ВАСИЛЬЕВНА ЗАХАРОВА

Может быть, то, о чем пишет Таня, какой-то особенный, редкий случай?

Нет, многим сверстникам Тани ее состояние знакомо и понятно. Поэтому давайте все вместе попробуем разобраться, в чем причина Таниной робости, застенчивости, как их преодолеть?

В письме Тани есть такая фраза: «Отвечать урок у нас выходят к первой парте, лицом к классу...» В словах «лицом к классу» и может скрываться одна из причин того необычайного волнения, которое начала испытывать Таня при ответе на уроках в седьмом классе. Почему именно в седьмом? Дело в том, что в этот период жизни (у одних несколько раньше, у других позднее) начинает приобретать совершенно особое, необычайно важное значение мнение о вас ваших товарищей. Проанализируйте внимательно свое поведение, свои переживания, и вы согласитесь со мной. Если раньше главным и почти единственным ценителем своих возможностей вы считали взрослых, учителей в первую очередь, то теперь вы все чаще начинаете прислушиваться к мнению сверстников. Вы все больше и больше

ше думаете о том, как относятся к вам товарищи, как и чем заслужить их признание и уважение. Вас ранит их пренебрежительный тон, высокомерие, иронические замечания, насмешки. Несправедливое отношение одноклассников рождает у вас настороженность, внутреннюю неудовлетворенность, скованность и неестественность поведения.

В этот период жизни очень важен, просто необходим дружный коллектив, в котором каждый из вас в любой момент встретит понимание и поддержку.

Может быть, в том классе, где учится Таня, нет дружеского отношения ребят друг к другу? Может быть, какая-то ошибка в одном из ее ответов была встречена общим смехом, как раз в то время, когда Таня оказалась в затруднительном положении и ей очень нужна была помощь и поддержка? Вполне возможно, что именно этот факт и послужил той «преградой», столкнувшись с которой Таня начала испытывать боязнь «выходить к первой парте» и отвечать урок «лицом к классу».

Очень хочется, чтобы вы серьезно задумались над этими вопросами, ребята.

Что посоветовать тебе, Таня?

Прежде всего постарайся разобраться в причинах твоих страхов и волнений. Правильно понять свои недостатки и их источники — значит наполовину избавиться от них. Если неуверенность в себе вызвана не удовлетворяющим тебя отношением ребят, постарайся не делать из отдельных фактов общих выводов.

Продолжай внимательно прислушиваться к мнению о тебе взрослых и товарищей, но одновременно с этим вырабатывай собственную оценку своих возможностей и способностей. Умение правильно оценивать себя — очень важное качество человека.

Чаще анализируй свои поступки. Это поможет тебе понять причины удач и неудач и в твоих делах и в отношениях с товарищами. Сравнивая себя с другими людьми, отмечай не только свои недостатки, но и достоинства. Ведь очень важно понять, что в твоих поступках, целях, стремлениях является правильным и что — неправильным, чего следует добиваться, от чего воздерживаться.

Чтобы быть более уверенной в себе во время ответа у доски, внимательно прислушивайся к замечаниям учителей при оценке ответов твоих одноклассников, попроси кого-нибудь из друзей или просто сильных учеников класса два-три раза внимательно прослушать твои ответы, вместе их разберите. Пospорьте не только о содержании отве-

та, но и о форме его — о том, в какой последовательности ты говорила, какие употребляла слова, верно ли расставляла смысловые ударения и выбирала интонации. Это поможет тебе в дальнейшем не только более правильно строить свой ответ, но и увидеть, что ценят в ответах учеников твои товарищи.

В твоём письме, Таня, меня настораживает еще одна фраза — «Меня в классе считали хорошей ученицей». Не значит ли это, что внутренне ты ставишь перед собой чрезмерно высокую, может быть, на данном этапе непосильную для тебя задачу, — скажем, непременно быть отличницей или хотя бы одной из самых сильных учениц? Если человек ставит перед собой «сверхзадачу», он очень легко может потерять веру в себя, потому что не всегда все сможет выполнить и каждую небольшую неудачу будет сильно переживать. Цели, которые ты сама ставишь перед собой, должны все время вести тебя вперед, но не очень далеко отрываться от твоих реальных возможностей.

Наконец, еще один совет. Внимательно подумай, какое участие ты принимаешь в общественной жизни класса и школы. Не проявляется ли у тебя неуверенность в себе? Нет ли у тебя стремления отойти в сторону от общественных поручений? Если есть, резко осуди себя за это и, преодолев все «внутренние барьеры», активно включайся в жизнь класса.

Только сознательно преодолевая шаг за шагом свою робость и боязнь, ты избавишься и от неуверенности и от вечных страхов. Если ты сейчас, когда формируется твой характер, твои идеалы и убеждения, сама не будешь активно бороться со своей робостью, она превратится у тебя в черту характера.

Словом, оставь на время свои переживания и волнения и подумай о себе внимательно, здраво и серьезно. Ищи причины своих неудач и преодолевай их. Не считай, что неуспехи в твоей работе что-то непреходящее и обязательное. Если тебе будет трудно, обратись за помощью к учителю или другому взрослому человеку, который тебе кажется наиболее близким и справедливым. Желаю тебе успеха.

Юрий ХАЗАНОВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

РАССКАЗ

Кто-то сказал, что когда человек в первый раз удивился, тогда он и придумал первую в мире сказку. Удивился еще раз — и стихи написал...

Надя часто удивлялась, но стихов никогда не писала. Хотя как-то раз попробовала. На мамин день рождения. Стихи были короткие и без рифмы:

Солнце вышло из-за тучи,
Осветило все вокруг...

Дальше не получилось, но помог папа. Он наморщил лоб так, что морщины поплыли по нему, словно круги по воде, и потом сказал:

...Солнце в мире самый лучший
И полезнейший наш друг.

— Подойдет?

Если не считать этого случая, папа стихов тоже не писал. Но умел удивляться не хуже Нади.

Папа говорил, что понимает, конечно, отчего, например, летит самолет: ведь воздух, обтекающий его крыло, создает подь-

емную силу... Но все равно, говорил папа, каждый раз, когда гляжу на самолет, не могу не удивляться, как все-таки эта огромная железная домина держится в воздухе!

Папа удивлялся и многому другому: цвету закатного неба; силе муравья, который подымает в десять раз больше, чем весит сам; человеческому сердцу, которое в сутки делает сто с лишним тысяч ударов. А в год?..

Но, наверно, больше всего папа удивился, когда узнал, что они проехали на две станции дальше.

— Я же просил проводника... — сказал он.

— Что у них, дел других нет? — ответила мама.

А папа сказал, что, как ему кажется, именно эти дела и входят в обязанности проводника, но мама попросила папу «не рассусоливать» и скорее собираться, не то они проедут до Батуми или даже до Турции.

Папа встал на обе нижние полки и начал снимать чемоданы, и Надя, повернувшись от окна, увидела, что от папы остались одни только ноги, похожие на букву «А». А с вершины этой буквы сквозь шум поезда раздались слова о том, как плохо, когда люди не хотят делать даже то, что им положено, и что с такими людьми докатишься не только до Турции, а и до самой Новой Зеландии...

Но тут поезд остановился, и они выскочили из вагона.

— Слышишь, как шумит море? — сказала мама Наде. — Здесь тоже можно жить. Пойдем искать комнату.

Через десять минут Надин папа уже мысленно благодарил забывчивого проводника, потому что комната, которую они сняли, была просторная, кругом густой сад, и калитка открывалась прямо на пляж.

Надя тоже была довольна. Особенно тем, что по двору бродил черный пес в белых заплатах, а на перилах веранды лежала дымчатая кошка. Пес подошел к Наде, лизнул ей коленку и так взглянул, как будто хотел сразу же про все рассказать: и что ест он не слишком сытно и рассчитывает в этом смысле на Надю, что имя его Тузик, но хозяйка, когда разозлится, зовет его «идивот», хотя он совсем не глупый; что кошкой, вообще-то, быть легче, но Тузик с ней ни за что не поменяется. Даже за тонну костей... И что люди в основном все хорошие. За исключением плохих.

Надя почти все поняла, кроме имени, поэтому сказала:

— Шарик, дай лапу!

И Тузик дал Наде лапу, хотя имел полное право этого не делать.

А еще у хозяйки были куры и большой петух, расцветке которого можно только удивляться, а описать ее невозможно, так же, как нельзя рассказать о красивой музыке.

Первая ночь была шумной: Тузик часто лаял, хозяйка почти на каждый его гавк отзывалась из комнаты: «Замолчи, идивот!» А потом долго разговаривала с кошкой: «Спи, Малыш... Ложись вот сюда... Тыфу на него!.. Идивот!»

Часов с трех, а может, и раньше, петух удивительной расцветки издал свое первое «кукареку» и потом пошел повторять его через каждые пять минут, как заведенный. А в те короткие промежутки, когда не слышно было ни Тузика, ни петуха, ни хозяйки, в Надины уши врывались новые

звуки, глухие и размеренные. Это было море. И вело оно себя тише всех остальных.

Утром, когда Надя уже вымыла руки во дворе под умывальником и собиралась мыть лицо, кто-то сказал:

— А у нас диван в конуре. Спорим?

Надя выплеснула воду из ладоней на землю и обернулась.

— Просил их, так нет — постригли на лысину!

И правда, голова у мальчишки, сказавшего все эти слова, была совсем голая, только спереди торчала челка, как накладной карман на фартуке.

— Какой диван? — спросила Надя.

— Лезь к нам, покажу, — сказал мальчишка.

Он стоял на соседнем дворе, за низким забором из сухих веток, натканных между двумя рядами протянутой проволоки.

— Тоже «дикарями» приехали? — спросил он, когда Надя протиснулась сквозь забор.

— Ага, — сказала Надя. — Покажи диван. Тебя как зовут?

— Слава, — сказал мальчишка. — Вот конура. Я подержу Туриста, а ты лезь.

Турист был большой и серый. Слава объяснил, что это помесь немецкой овчарки с кавказской, поэтому — видишь? — одно ухо длинное, а другое как будто обрубленное. Только его никто не рубил, оно само такое...

— Турист, а на цепи сидит, — сказала Надя. — Не укусит?

— Нет, — ответил Слава за Туриста.

А Турист так широко вилял хвостом, так радостно глядел на них, что Надя поверила и ему и Славе. Она согнулась и полезла в конуру.

Там было уютно и просторно. Пахло сеном, псиной и пылью, а справа у стенки стоял настоящий диван. Со спинкой и с пружинами наружу. Между пружинами лежала кошка.

— Ой! — закричала Надя. — Настоящая кошка! Держи Туриста!

— Они знаешь, какие друзья! — сказал Слава.

— Как кошка с собакой, да? — сказала Надя и погладила кошку. Потом посмотрела на круглое отверстие конуры и спросила: — Как же диван сюда пролез?

А сама, в это время подумала: вот интересно — собаки часто бывают у людей в доме, а человек у собак никогда. Ей захотелось вдруг побыть на месте собаки. Она

даже попробовала тихонько залаять. Потом Надя встала на четвереньки и выглянула из будки. Все вокруг показалось ей очень большим: соседский дом, Слава, Турист и цепь на нем... Цепь! Бр-р! Надя стала быстро вылезать из конуры, даже ударилась головой.

— Я вот думаю,— сказал Слава.— Сначала, наверно, диван поставили, а вокруг него уже конуру сделали. Спорим?..

В общем, Надя тут не скучала. Целыми днями на море, иногда на рынок с мамой ходила. На рынке было очень шумно, все говорили сразу: и продавцы и покупатели. Поэтому Надя больше всего запомнила одного старика — он продавал душистые травы и коренья. Старик сидел, не разжимая губ. За него говорил лист бумаги, приколотый к палке. Там было написано: «Купите, деньги уплатите. В вашем законном праве получить употребление».

Вечерами Надя, Слава и еще несколько ребят играли иногда в «буржу мадам». Это Костя их научил. Раздавалась вся колода карт, потом начинали открывать по одной, и первый, кто заметит одинаковую карту, должен кричать «Буржу мадам!». Почему именно «буржу мадам» и что это значит, никто не знал. Надин папа предлагал вместо «буржу мадам» кричать «держу — отдам» — все-таки хоть слова понятные, — но его не слушали.

Еще играли в названия животных — кто больше запомнит.

— Блоха! — крикнул Витя как-то под вечер.

— Блоха, гиена, — сказал Костя скучным голосом.

Они играли уже, наверно, целый час, и ему до смерти надоело.

— Пожалуйста, тише, — произнес чей-то голос, но ребята не обратили внимания.

— Блоха, гиена, антилопа, — сказала Надя.

А Слава продолжил:

— Блоха, гиена, антилопа, верб...

— Я ведь прошу: потише, — сказал тот же голос.

И тут ребята увидели, что из окна, под которым они сидели, на них глядит что-то странное — с выпученными глазами.

— Ой! — сказала Надя.

— Тетя, зачем вы смотрите на нас в бинокль? — спросил Слава. — Мы ведь близко.

— Чтобы лучше видеть, — ответила тетя, совсем как волк в сказке про Красную шапочку, и добавила уже не по сказке: —

Если вы будете так ужасно шуметь, отдых окажется невозможным.

В тот же вечер, когда Надя перед сном рассказывала маме, как она учит Тузика улыбаться, к ним постучали.

— Да! — сказал папа.

Но никто не вошел.

— Я за стеной, — произнес женский голос. — Пожалуйста, тише. Ужасный шум.

— Это которая в бинокль на нас глядела, я знаю, — сказала Надя шепотом. — Слава ее прозвал «Бинóкля»...

А через день прямо с утра начались неприятности. Во-первых, Тузик перестал выполнять команду «улыбнись». Да что там «улыбнись»! Его улыбку видела, может, одна только Надя, а вот что он лапу перестал давать, не вилял хвостом и вообще еле двигался — это было видно каждому.

— Чумка, наверно... или ангина, — сказал Слава. — Собаки, как люди, болеют, только реже, потому что собаки закаленной.

— Ладно тебе, — сказала Надя. — Что же делать?.. Тузик, встань! Ну, вставай! Тузик!

Тузик не встал. Он лежал на своем черно-белом боку, вытянув лапы, и с трудом открывал глаза, когда ему кричали прямо в уши.

Надя позвала хозяйку, но та не пошла, сказала, заживет, как на собаке, объелся, наверно, костей, к вечеру оживет.

— Может, он очень старый? — сказал Слава. — У них по зубам видно, сколько лет. Если желтые или стерлись...

Надя отвернула мягкую собачью губу. Тузик даже глаз не открыл. Но зубы у него были белее, чем на боках пятна.

— Не от старости, — сказала Надя. — Нужно к доктору, вот что. Только как его поведешь?

Слава сказал, что у них во дворе стоит тачка, он сейчас привезет, а заодно ребята там крикнет.

Пока Надя завтракала, пока подошли ребята и Слава притащил тачку, прошло больше часа. Тузик все не вставал. Надя даже подойти боялась: вдруг умер? Но Костя вынул из кармана осколок зеркала и поднес к собачьему носу.

— Запотело! — крикнул он — Поднимай! Я знаю, где ветеринарная больница! Мы свою козу туда водили.

Ребята с трудом подняли Тузика, он при этом слегка ворчал, а Надя поддерживала ушастую голову. Тузика положили в тачку. Слава взялся за обе ручки, но его оттолк-

Слава посоветовал положить Тузика на носилки.

нул Костя, потом Витя растопырил руки, как мотоциклист, но Слава и Костя не дали ему ухватиться, а взялись сами, справа и слева, и повезли быстро-быстро.

— Тише вы! — крикнула Надя.

Вместе со словом «вы» тачка опрокинулась, и Тузик начал сползать на траву. Но лишь только ноги его коснулись земли, он встал и отряхнулся с таким треском, словно это пастух хлопнул кнутом. Потом уселся, поглядел на ребят и сразу же лег.

— Интересно как отряхивается! — сказал Витя. — Сначала голова с ушами трясется, потом спина, а потом уже хвост. Как будто волнами...

— Ладно тебе, — сказала Надя. — Тузик, пойдем.

— Поднимай! — сказал Слава. — Повезем по очереди.

— Чур, первый! — крикнул Костя.

— С конца! — сказал Витя.

Костя взялся за обе ручки, но Витя от-

толкнул его, а Слава растопырил руки, как мотоциклист...

— Перестаньте! — крикнула Надя. — Опять уроните.

Но тут Тузик потянулся, громко зевнул и выпрыгнул из тачки. Он стоял, слегка покачивался и глядел на ребят, на деревья, на солнце, как будто хотел всем сказать: «Вот я опять с вами, а вы беспокоились».

— Выздоровел! — закричала Надя. — Дай лапу.

Тузик дал.

— Улыбнись!

Тузик улыбнулся. Но это видела одна только Надя.

Весь день Тузик был здоров и весел, как обычно. А на следующее утро повторилось то же самое: собака все время лежала, с трудом открывала глаза, и хвост ее был неподвижен, как обрывок бельевой веревки на земле.

Слава посоветовал положить Тузика на носилки. Собаку осторожно приподняли, положили и понесли.

И тогда вмешался Надин папа. Он сказал, пусть Костя покажет ему, где ветеринарная больница, надо немедленно вызвать врача на дом.

Слава и Витя сказали, что тоже пойдут в больницу, а Надя осталась около Тузика.

— Скорей приходите, — сказала она. — А то опять он встанет, и доктор скажет про него: «Обманщик».

Надя почти не ошиблась. Когда пришел доктор, Тузик был уже на ногах и встретил его, широко виляя хвостом.

— Ну что, симулянт? — сказал доктор и похлопал Тузика по черной спине. — Покажи язык!

Доктор пощупал Тузиков нос, посмотрел язык, подавил на уши, прослушал его трубкой, а потом поставил ему под хвост термометр.

— Может, он сонной травы наелся? — спросил Надин папа.

Доктор ответил, что собаки лучше людей знают, какие лекарства можно принимать, а какие нет. Это человек наглотается аспирина или там стрептоцида, сердце заколотится, как белье на ветру, — он и бежит к врачу... А собака лечить себя уме-

ет... Вот и температура нормальная... Да мы настоящие симулянты... А впрочем, не мешает проверить на клеща. Может, он глубоко в ухо забрался и безобразничает там. Завтра приведите, возьмем мазок... До свидания. Нет-нет, не надо, что вы!.. С собак денег не берем...

— Ну что, симулянт? — сказал доктор и принялся осматривать Тузика.

Конечно, и назавтра повторилось все то же. Но ребята были теперь научены. Они не стали поднимать Тузика на тачку или на носилки, а подождали, пока он сам встанет на лапы, и потом повели на поводке к ветеринару. По дороге Слава раз десять вырывал поводок у Кости, Витя — у Славы, а Костя — у них обоих. А на одиннадцатый раз Тузик вырвался и убежал, даже не оглянувшись.

...Дни из-за непонятной болезни Тузика стали намного суматошней, зато ночи гораздо спокойней. Никого уже больше не будил хриловатый лай, не слышно было криков хозяйки: «Замолчи, идивот!» — и, кажется, даже петух удивительной расцветки и тот умолк.

Соседка по прозвищу «Бинокля» по-прежнему смотрела на всех в бинокль и часто делала замечания. На пляже и то ей было шумно. Если б могла, она бы морю запретила шуметь, так говорил Надин папа.

Тузика отвели все-таки в больницу. Оказалось, никакого клеща нет и в помине.

— Если б мы жили в Африке, — сказал ветеринар, — я бы подумал, что его укусила сонная муха... А так просто уж не знаю. Будем давать витамины и понаблюдаем еще...

Наблюдать долго не пришлось, потому что через день случилось вот что.

Надя уже лежала в постели, когда услышала громкий лай и потом крики:

— Ой! Кто-нибудь!.. Сюда! Ой!

Крики были приглушенные, словно из-под земли.

Прежде чем Надя определила, откуда они несутся, она уже поняла, что кричит Бинокля, а заливается лаем Тузик.

Да не один.

Если б не собаки, то и Надя, и папа, и мама, наверно, долго бегали бы по двору и не понимали, откуда Бинокля зовет на помощь.

Но только они выскочили во двор, как сразу увидели, что Тузик и какая-то огромная собака стоят у курятника и лают в темное отверстие ши-

роко раскрытой двери.

— И чего в погреб пошла? — сказала подбежавшая хозяйка. — На ночь-то глядя. Неужто провалилась?

— Помогите! — кричала Бинокля. — Прогоните же-е-е!

Последнее слово тянулось очень долго, и Наде на минуту показалось, что это жужжит какая-то большая муха.

— Побегу за фонарем, — сказал папа.

Остальные уже подошли к сараю.

— Где вы? — сказала Надина мама в темноту.

Собаки лаяли без остановки.

Рядом с Тузиком Надя увидела Туриста. С его шеи что-то свисало, холодное и блестящее, как рыба чешуя. Это была оборванная цепь.

— Где вы? — повторила мама.

— Внизу, — ответил голос Бинокли. — Тут неглубоко. Я бы сама вылезла... Если б не эти ужасные собаки...

Подбежал Надин папа. И Слава оказался тут же. Он взял Туриста за ошейник, а На-

дин папа светил фонарем и помогал Бинокле подняться по лесенке из погреба.

— Ужасные доски,— говорила Бинокля, отряхиваясь правой рукой. В левой у нее была зажата какая-то бутылка.— Всегда выдерживали, а сегодня...

— Нечего ночью ходить,— проворчала хозяйка.— Хорошо, голова цела...

И тут раздалось сразу два вопля. Какой из них был громче, сказать трудно. Вскрикнули Бинокля и хозяйка. Бинокля потому, что Турист, который вместе со Славой вошел в курятник, потянулся к ее левой руке и зарычал. Бинокля выронила бутылку, она разбилась, и в сарае резко запахло водкой.

В то же время хозяйка нагнулась и с воплем подняла что-то с земли. Наде показалось, что это пестрая шаль. Но это был петух. Его перья удивительной расцветки переливались и горели в свете папиного фонаря. Голова с гребешком свисала, как у мертвого.

— Задушил, проклятый! — крикнула хозяйка Туристу.— Погодите, ответите вы мне все!

И тут петух вострепнулся, вырвался из ее рук, издал какое-то воронье карканье и взлетел на свой намест. Потом свалился оттуда, встал, шатаясь, прошел немного и упал набок, продолжая каркать по-вороньи.

— Ох, ты беда,— сказала хозяйка.— Взбесился никак?

Петух вскочил опять, выбежал из сарая, очень бодро прошелся по двору, потом упал как подкошенный, поднялся, сел и снова закаркал.

Все стали выходить во двор, а хозяйка взяла у Надиного папы фонарь, чтобы посмотреть на кур.

И опять послышался крик...

— Смотрите! — вопила хозяйка, выбегая из курятника.— В кормушке-то хлеб... мокрый весь... А пахнет чем? Новое дело придумали—кур спаивать. Еще женщина! Пили бы сами...

— Я в рот ее не беру,— сказала Бинокля.

— «Не беру», а сама с бутылочкой ходит! Стыд какой!

Зажженный фонарь так и прыгал в руке хозяйки, словно она подавала световые сигналы.

— Глупости! — сказала Бинокля.— Неужели вы подумали? Просто я...

— Фу! Фу, тебе говорят! Еще умрешь! — Это Слава кричал на Туриста.— Смотрите, лекарство какое-то подобрал в курятнике и съесть хочет. Отдай! Ну!

Слава тащил что-то белое прямо из собачьей пасти.

— Это совсем не опасно,— сказала Бинокля.

— Какое лекарство? — спросил Надин папа.— Ну-ка посмотрим.

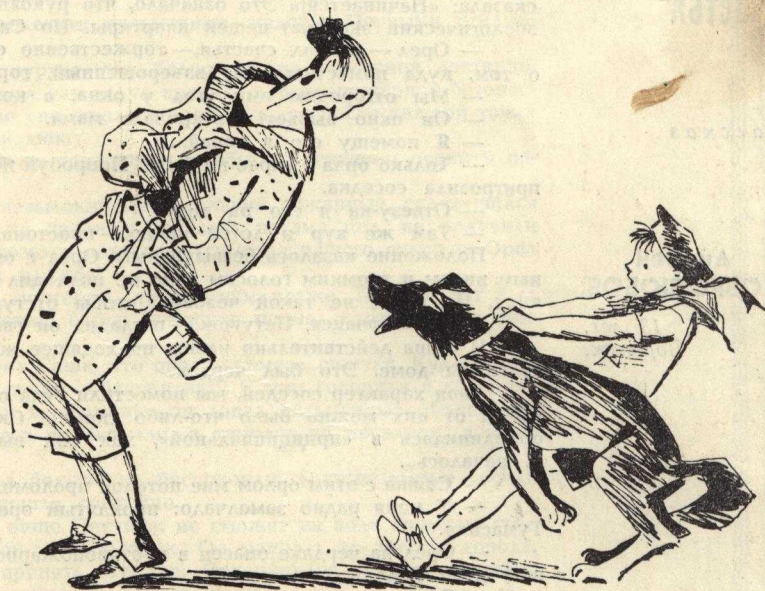
Он взял у хозяйки фонарь, а Слава подал ему порванный, обмусоленный пакетик.

— «Лю-ми-нал»,— прочел папа на пакетике.— Да это ведь сильное снотворное... Интересно, а зачем оно курам? Или может, собакам?... Кажется, я понимаю...

— Мне скрывать нечего! — крикнула Бинокля.— Я не только о себе пекаюсь... И вас тоже...

— Киньте его в море,— сказал папа и протянул Бинокле пакетик со снотворным.— Может, оно тоже уснет... Как Тузик...

Через день Бинокля переселилась на другую улицу.

Турист потянулся к левой руке Бинокли и зарычал...

Подснежники

Пахнут они весной,
Пахнут теплом и светом,
И неушедшей зимой,
И непришедшим летом.
Мужественны и просты...
Не стоит дарить их неженкам.
Тем не понять красоты
Подснежников.

Виктория БИЦЕНКО,

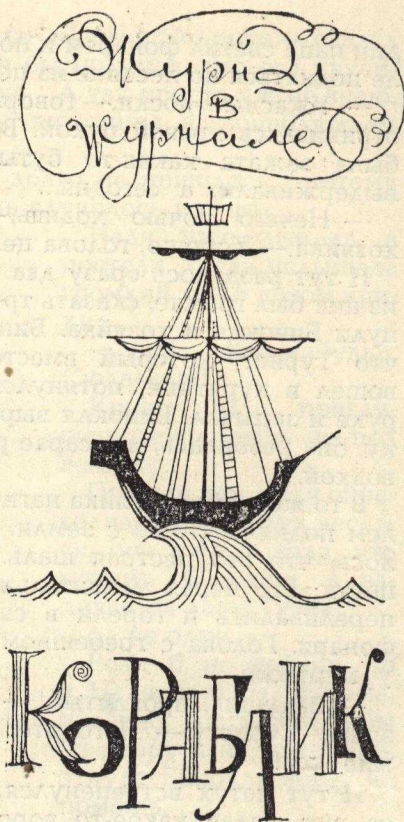
14 лет, поселок Борисовка,
Белгородской области.

*

Ветер воет и воет.
Скоро вечер придет.
Я сижу у окна и тоскую,
А весна не приходит.
И никто не играет в овраге,
И деревья дрожат на ветру,
На холме одинокая гнется
березка.
А ветер бушует сильнее
и сильнее.

Оля ЦАРИК,

9 лет, город Кишинев.

печатает только тебя

Символ счастья

Рассказ

**Андрей
ДОБРЮЛОВ,**

13 лет,
Воронеж.

Когда Саша принес домой молодого орла, бабушка проворчала: «Опять!», — мама сказала: «Начинается!» Это означало, что руководство семейством не одобряет новый зоологический экспонат нашей квартиры. Но Сашу, как всегда, это мало беспокоило.

— Орел — символ счастья, — торжественно объявил он и стал вслух рассуждать о том, куда поместить этот взъерошенный, горбоносый символ.

— Мы отгородим ему угол у окна, в комнате...

— Он окно выбьет! — закричала мама.

— Я помещу его в сарай...

— Только орла в сарае не было! Попробуй посади, так я до министерства дойду! — пригрозила соседка.

— Отвезу-ка я его на дачу!

— Там же кур и детей полно, — простонала бабушка.

Положение казалось безвыходным. Орел с огромным размахом крыльев, со страшным видом и громким голосом явно не подходил для жизни в мирных домашних условиях. Но Саша не такой человек, чтобы отступить!

— Не огорчайся, Петушок, — погладил он свое сокровище. — Подыщу тебе жилье! И Саша действительно нашел подходящее жилье для орла даже в нашем перенаселенном доме. Это был чердак.

Зная характер соседей, мы поместили туда орла тайно. Но не такие у нас соседи, чтобы от них можно было что-либо скрыть! Скоро добрая половина жильцов дома объединилась в «принципиальную», как они выражались, ненависти к царю птиц. И началось...

— Сашка с этим орлом мне потолок проломил! — вопила тетя Юля с первого этажа. — У меня радио замолчало: проклятый орел провода склевал! — пыхтела бабка Тумасиха.

— Орел на чердаке опасен в противопожарном отношении, — пояснял рассудительный дядя Володя.

— Он с чердака сорвется и Бореньку перепугает, — щебетала тетя Надя.

О ЗВЕЗДАХ

После фильма танцы в клубе были,
Но ко сну клонило нас. Спешили
Мы домой и, спотыкаясь в темноте,
По тропинке шли — и позабыли,
Что хотели спать. Дрожа от ветра,
Говорили о какой-нибудь звезде,
Той, что исчезала где-то в высоте,
Пролетая метры, километры
И сгорая голубым огнем во мгле.
Мы не думали, что есть и на земле
Не замеченные нами звезды, —
Может, оттого что было поздно
Вспоминать о них. Уже к порогу
Подходили мы, — тут только рассмотрел
Я уснувшую деревню: у дороги
Фонари светили тускло: долетел
С поля звук: работал где-то трактор;
Луч его, пересекая небо,
Так бродил в июльской темноте!..
Становилось веселее как-то.
Выпив кружку молока парного с хлебом,
Я спешил — и выбегал наружу
Снова, — и боялся, что не обнаружу
Светлой полосы среди ярких звезд,
По которой я гадал стремленья,
Смысл которых был, конечно, прост:
Написать потом стихотворенье.

Толя КУЗНЕЦОВ,

15 лет, город Куйбышев.

Стихи Лены ПЕЧЕРСКОЙ

РУЧЕЕК

Шумный, звонкий ручеек,
Ты бежишь меж двух дорог.
Ты спешишь: «Скорей, скорей!
Там большой течет ручей!»
Напоить спешишь водой
Воробьев шумливый рой.
Пересохнуть ты боишься,
Оттого вперед стремишься.

РЕКА

Ветер колышет тростник,
И за поселком река
Катит воды свои,
Катит издалека.
Может, по глади ее
Выдра за рыбой плывет
Или медведи по ней.
Перебираются вброд...
Ветер колышет тростник,
И за поселком река
Катит воды свои,
Катит издалека.

Лена—москвичка, ей 11 лет.

— Орел законно может голову пробить, — авторитетно заявлял всезнающий Славка.

...В разные учреждения города полетели письменные жалобы. Первыми откликнулись пожарные.

Здоровый парень в брезентовой куртке уже бодро лез по чердачной лестнице, когда его маленький собрат все еще читал нам вслух правила противопожарной безопасности. И хотя ни в одном из пунктов не упоминалось про орлов, он после каждой точки укоризненно поглядывал на чердачный люк.

Наконец и низенький последовал за товарищем, чтобы коллективно оценить нависшую над домом опасность.

Очень хорошо, что потолок у нас невысокий. Ни маленький пожарный, скатившийся кубарем, ни длинный, который чуть не из люка доставал ногами пол, не получили увечий, когда летели с чердака под грозным натиском «символа нашего счастья». Орел страшно не любил светлых тонов в одежде!

Примерно то же случилось и с монтером, пришедшим позже. Правда, тот был в темной куртке. Но, видно, по наущению бабки Тумасихи посмел дерзко вести себя на территории Петушка.

Вот тут-то и оправдалось заявление Саши, что орел — символ счастья. Куда только не таскали моего брата за нарушения правил общежития!!! С ним говорили в комитете комсомола университета, его вызывали в милицию, он давал письменные объяснения райисполкому... Но из университета его не выгнали, в тюрьму не посадили, вообще ничего ему не сделали.

После пожарных и монтера орла больше не беспокоили. Благоразумные соседи ругали его заочно. Так что зима прошла спокойно.

Боясь, что привыкший к готовой пище Петушок не сможет на воле добывать себе еду, Саша хотел передать его в какой-либо зоопарк. Он написал во многие города, но зоопарки почему-то не спешили принять его дар. Откликнулся только одесский, но это было уже после того, как Саша выпустил орла на волю.

О ЧЕМ НАША КАРТА

Раскройте, ребята, нашу цветную вкладку. Вы увидите там карту, на ней рисунки-значки. Каждый значок — это огромный завод, электростанция, рудник, промысел, которые получит наша страна в юбилейном 1967 году.

Значков много. Но строек гораздо больше — целых тысяча сто! Их просто не уместить все на карте. Однако и такая карта очень интересна. Особенно если повесить ее на стенку и в течение года прикалывать флажки на булавках там, где строительство закончено (а об этом обязательно сообщат газеты).

Вот электростанции. Знаете, сколько электрической силы прибавится за один этот год? Десять миллионов киловатт! Такую мощность имели все до единой электростанции в довоенном 1940 году. Самая большая в мире Красноярская ГЭС получит еще два турбоагрегата. Наберутся сил Саратовская и Киевская гидроэлектростанции. Войдут в строй две Кубанские и самая северная — Вилуйская ГЭС.

За границу по единой энергетической системе «Мир» потечет ток Буштынской тепловой станции (у города Ивано-Франковска). Приступит к работе крупнейшая в СССР и Европе Старобешевская ГРЭС. Ее заслонила на нашей карте Криворожская домна. Эта домна, ребята, будет самая громадная в мире.

Кто-то из вас, наверно, уже заметил, что на карте попадают и действующие заводы. Вот Карагандинский металлургический, а вот Павлодарский алюминиевый. Может, наш художник ошибся? Ничуть. Рисунок его означает, что здесь поднимается «завод у завода» — новый цех или группа цехов.

Каждый значок на карте — увлекательный рассказ. Вот, скажем, у Норильска. О чем он говорит, этот значок? О новых шахтах на рудниках Талнаха. Так называется богатейшее, недавно открытое месторождение ме-

ди, никеля да и почти всех других благородных металлов таблицы Менделеева. Говорит значок и о большом городе в заполярной тундре, о том, как трудно здесь прорубать стволы шахт.

К пятидесятой годовщине Октября откроются новые тысячи нефтяных и газовых скважин. Особенно заметно добавит нефти полуостров Мангышлак, настоящий полуостров сокровищ! Новая нефть — новые заводы, приготовляющие из нефти бензин и разные химические продукты. Найдите на карте Рязанский завод. Тут начнет действовать величайшая в мире установка, перерабатывающая миллионы тонн нефти в год. Если всю эту нефть налить в цистерны и цистерны поставить на рельсы, то поезд этот протянется от Москвы до Урала!

А что дадут новые химические заводы? Всего не перечтешь. И пластмассы, и синтетическое волокно, и каучук, и шины, и полиэтилен, и минеральные удобрения. Еще больше задач у заводов машиностроительных.

А вот что еще замечательно. В день юбилея начнут передачи тринадцать новых телевизионных центров. И среди них знаменитый Московский телецентр с пятисоттридцатитрехметровой башней — самой высокой на земном шаре.

Повсюду строятся текстильные фабрики. Множество растет пищевых предприятий. Пять новых сахарных заводов — это ежегодно пятнадцать тысяч центнеров сахара. Попробуйте-ка сами перевести эти цифры на килограммы варенья, конфет, мороженого.

Стройки жилых домов, поселков и городов на карте не обозначены. Однако интересно знать, что год 1967-й будет рекорсменом по числу новоселов: в новые квартиры переедет тринадцать миллионов человек!

рассказывает

Вилюйские чудодееи

Эти смелые люди живут далеко на Северо-Востоке. Там, где течет Вилюй, приток реки Лены. Где уже в конце лета лиственницы рыжие, будто лисьи хвосты, а зимой обычный мороз — минус пятьдесят восемь. Люди добывают алмазы, строят города и невиданную в мире гидроэлектростанцию на вечной мерзлоте.

Два месяца гостил у этих людей художник Юлий ВЕЧЕРСКИЙ. Наблюдал, как творят они свои чудеса. И рисовал...

На верхнем рисунке — плотина гидроэлектростанции. Строители перекрыли, обуздали дикий Вилюй. Они сооружают теперь туннели и башни, в которых разместятся громадные электроагрегаты.

Справа — начало новых работ. Громовой взрыв разламывает скалы, а бульдозер сбрасывает их осколки с крутого берега. Расчищает строительную площадку.

Если бы видел все это Николай Гаврилович Чернышевский, двенадцать лет томившийся в Вилюйском остроге! Видел бы, как хорош юный город его имени — город Чернышевский, что растет неподалеку от плотины...

БОЛЬШИЕ СТРОЙКИ

ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЕ
ЗАВОДЫ

ПРЕДПРИЯТИЯ
ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

ПРЕДПРИЯТИЯ
ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

ХИМИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ

ТЕПЛОВЫЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

ГАЗОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ
И ЗАВОДЫ

НЕФТЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

АВТОМОБИЛЬНЫЕ
ЗАВОДЫ

ЗАВОДЫ ТРАКТОРНЫЕ
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ МАШИН

ЗАВОДЫ ТЯЖЕЛОГО
МАШИНОСТРОЕНИЯ

ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНЫЕ
КОМБИНАТЫ

ЗАВОДЫ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ

ПРЕДПРИЯТИЯ
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЗАВОДЫ ПИЩЕВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕЦЕНТР

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЕ
И ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ
ЖЕЛЕЗОРУДНЫЕ
ОБОГАТИТЕЛЬНЫЕ КОМБИНАТЫ

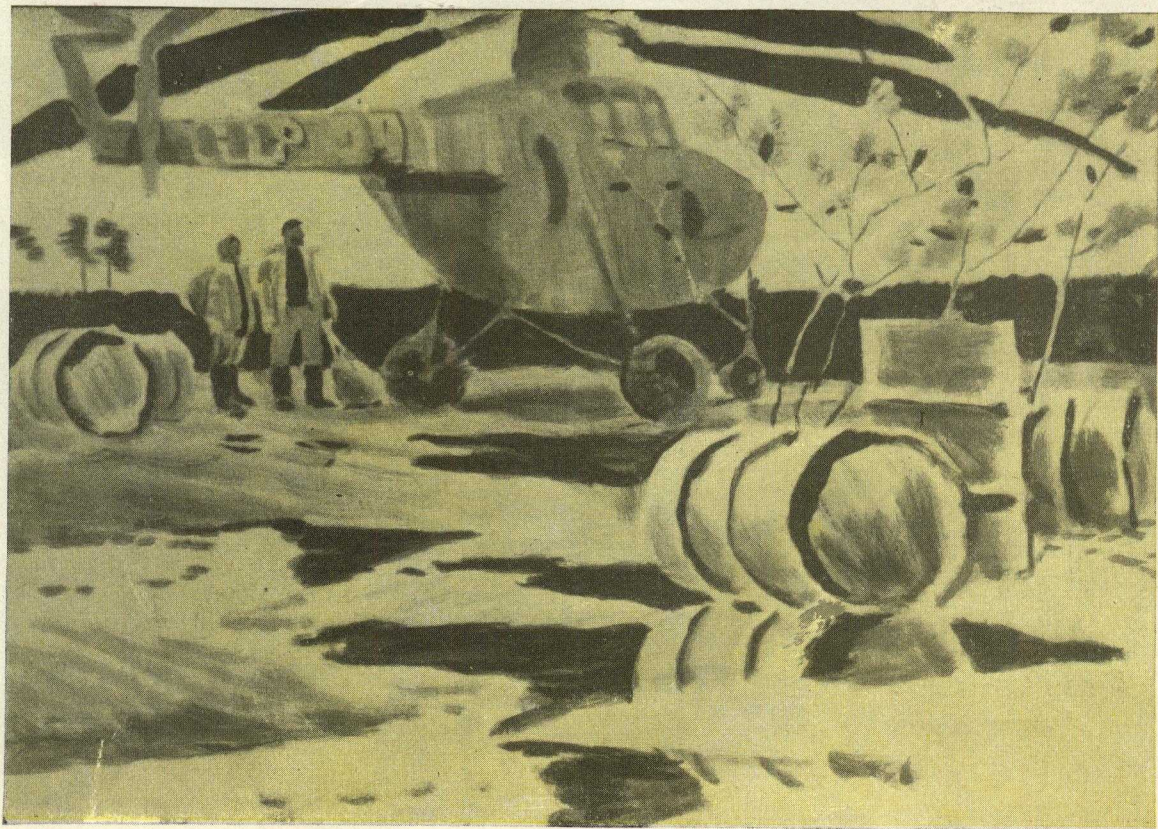
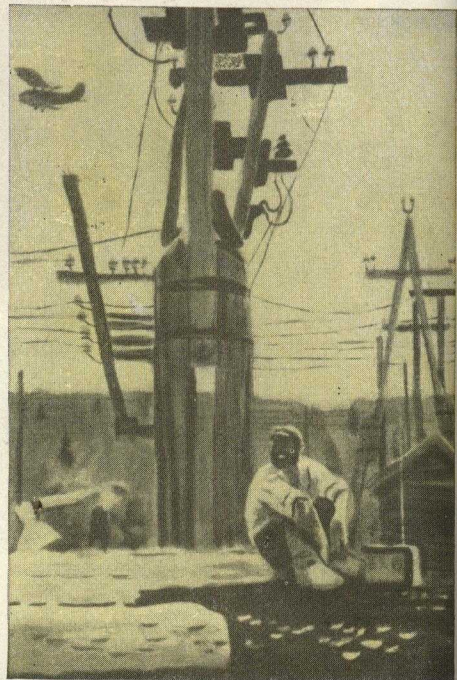

Вилюйские чудодей

А так выглядит столица алмазных промыслов город Мирный. Смотрите, как ярко покрасили художники все дома. Сразу видно, какой молодой и веселый народ тут работает.

Говорят, что главные вилюйские герои — экскаваторщики, которые добывают в карьерах алмазную руду, или машинисты драги, промывающие алмазный грунт. Это не совсем верно. Плотники (рисунок справа)

тоже главные. Ведь кто, как не они, первыми ставят в тайге жилье да опоры линии электропередач? И вертолетчики главные. Тут и объяснять нечего. Вон они высадили экспедицию геологов. Экспедиция будет искать здесь, таежной глухомани, новые месторождения алмазов.

Слава ЕРЕМЕЕВ

«На небе сгущались тучи. Вот-вот должен был пойти дождь. Мы сидели у пещеры и ждали. Мы ждали охотников. Вдруг из-за туч к земле метнулась молния и раздался страшный грохот. Мы в страхе попрятались. Когда же мы вылезли и посмотрели туда, куда ударила молния, то удивились. Мы увидели ЭТО. Оно стояло близко и было похоже на длинную тыкву на четырех ножках. Когда пришли охотники, они удивились. Никто из нас никогда не видел ничего подобного. Даже Кху-старейший.

Вдруг ЭТО само раскрылось, и из него вышли ОНИ. Мы опять испугались, но ОНИ только смотрели на нас.

Потом один заговорил.

Наш вождь заговорил тоже.

ОНИ нам ничего не сделали, и мы перестали бояться их.

Пошел дождь, а мы все стояли и смотрели на них.

Ночью они что-то делали. Там, где стояло ЭТО, был слышен треск и виден свет. Утром мы опять удивились. Рядом с ЭТО лежал большой паук. ОНИ влезли в него, и паук побежал очень быстро.

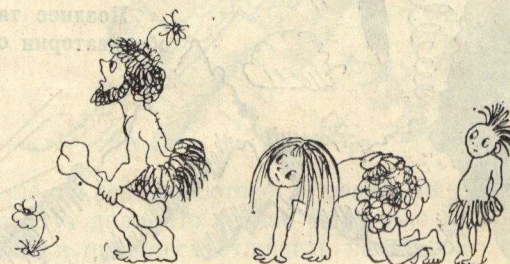
ОНИ были на Земле три луны. Когда третья луна зашла, ОНИ сели в ЭТО и вернулись в небо.

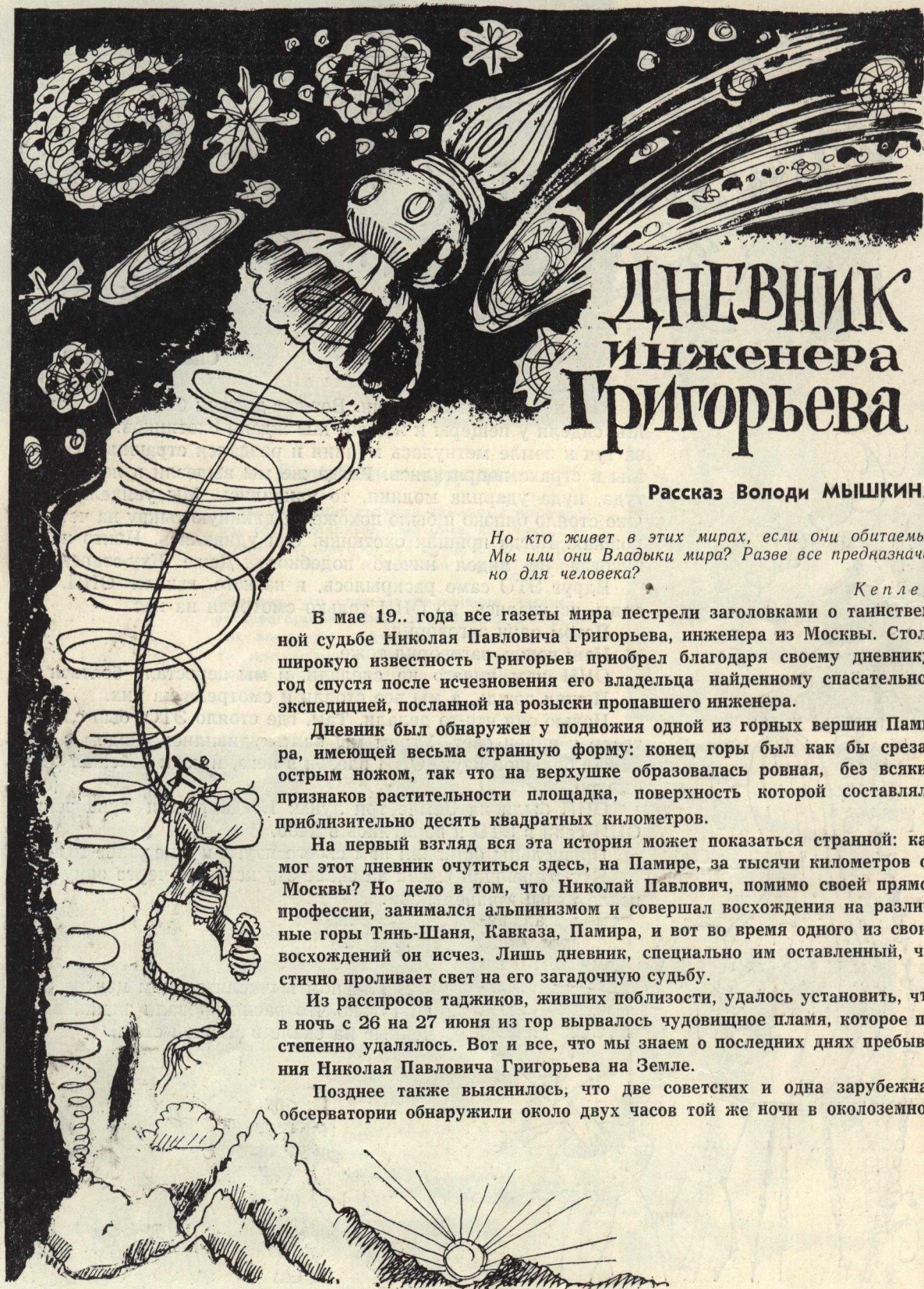
Пришельцы оставили нам своего паука и еще какие-то вещи.

Кху-старейший высек на скале эту историю через одну луну после ухода пришельцев».

*

В Главном вычислительном центре Земли только что расшифровали знаки, высеченные на скале в Черной степи.

ДНЕВНИК инженера Григорьева

Рассказ Володи МЫШКИНА

Но кто живет в этих мирах, если они обитаемы? Мы или они Владыки мира? Разве все предназначено для человека?

Кеплер.

В мае 19.. года все газеты мира пестрели заголовками о таинственной судьбе Николая Павловича Григорьева, инженера из Москвы. Столь широкую известность Григорьев приобрел благодаря своему дневнику, год спустя после исчезновения его владельца найденному спасательной экспедицией, посланной на розыски пропавшего инженера.

Дневник был обнаружен у подножия одной из горных вершин Памира, имеющей весьма странную форму: конец горы был как бы срезан острым ножом, так что на верхушке образовалась ровная, без всяких признаков растительности площадка, поверхность которой составляла приблизительно десять квадратных километров.

На первый взгляд вся эта история может показаться странной: как мог этот дневник очутиться здесь, на Памире, за тысячи километров от Москвы? Но дело в том, что Николай Павлович, помимо своей прямой профессии, занимался альпинизмом и совершал восхождения на различные горы Тянь-Шаня, Кавказа, Памира, и вот во время одного из своих восхождений он исчез. Лишь дневник, специально им оставленный, частично проливает свет на его загадочную судьбу.

Из расспросов таджиков, живших поблизости, удалось установить, что в ночь с 26 на 27 июня из гор вырвалось чудовищное пламя, которое постепенно удалялось. Вот и все, что мы знаем о последних днях пребывания Николая Павловича Григорьева на Земле.

Позднее также выяснилось, что две советских и одна зарубежная обсерватории обнаружили около двух часов той же ночи в околоземном

пространстве неизвестное космическое тело, по-видимому, искусственно-го происхождения, удалявшееся от Солнца к центру Галактики.

Откуда прилетел этот космический корабль? На планете какой из бесчисленных звезд, разбросанных по всем уголкам Вселенной, он был создан? Кто его создатели? По воле каких разумных существ (а это очевидно) осуществлен этот замысел? Все это, как и дальнейшая судьба Николая Павловича, остается и долго еще будет оставаться загадкой, решить которую суждено будущим поколениям Земли!

Ниже мы приводим последние записи, сделанные рукой Григорьева.

11 июня

Наконец-то выхлопотал себе месячный отпуск. Начинаю готовиться к давно задуманной экспедиции на Памир. В самом его центре находится еще никем не исследованный уголок. Вот туда-то я и хочу отправиться.

13 июня

Вещи уложены, билеты куплены.

17 июня

В Душанбе я приехал около двенадцати часов. Мне нужно было идти договариваться насчет машины, которая подвезла бы меня до Хорога. Оказалось, что машина пойдет не скоро, и я, рассудив, что не хотелось бы мне очутиться сейчас в больнице с солнечным ударом, поспешил укрыться в тени. В пять часов подошла машина. В полночь я уже был в тихом горном городке, откуда начиналась моя экспедиция.

21 июня

До своей конечной цели я добирался три дня. Шел по горным ущельям, переходил бурные реки, которые, перекатывая огромные камни, играли с ними, словно маленькие дети с мячами. Наконец к вечеру этого дня я достиг того глухого и мрачного района, к которому так стремился. Обломки скал, каким-то чудом держащиеся на краю пропастей, в вечернем сумраке принимали зловещие очертания. Теперь ясно, почему местное население избегало посещать эти места. Первое время мне стало немного не по себе. Но потом, справившись со своим страхом, я стал готовиться ко сну. Надо сказать, что здешние ночи бывают очень холодными, так что я натянул на себя самые теплые вещи. Скоро все окутала непроглядная темнота. На небе появились яркие звезды. Лежа в расщелине скалы, я смотрел на небо, отыскивая знакомые созвездия. Вон кучкой столпились Плеяды, вон Персей, держащий в руке голову убитой Медузы-Горгоны, а вон и Большая Медведица. Я видел только часть этого созвездия;

другую мешали видеть горы. Вдруг я ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, я услышал тихое удаляющееся жужжание, и почти одновременно с этим я увидел какое-то темное пятно,двигающееся на фоне звездного неба. Подумав, что это просто ночная птица, я повернулся на другой бок и уснул.

22 июня

На следующий день, занятый исследованиями, я совсем забыл бы о ночном происшествии, если бы не одно обстоятельство. Часов около шести вечера я вновь услышал странный жужжащий звук. Посмотрев на небо, я увидел какой-то черный предмет, имевший форму тарелочки. Он летел в на-

правлении северо-востока. Я решил выяснить, в чем тут дело. Но сейчас было уже поздно, и поиски пришлось отложить на завтра.

24 июня

После двух дней бесплодных исканий я остановился на отдых у одной горы высотой примерно шесть километров. Как вдруг откуда ни-возмись появилась «летающая тарелочка» (так я окрестил тот странный предмет, виденный мной накануне). Она опустилась на вершину горы, у подножия которой я расположился. Немного отдохнув, я начал восхождение. Ночь застала меня на середине пути.

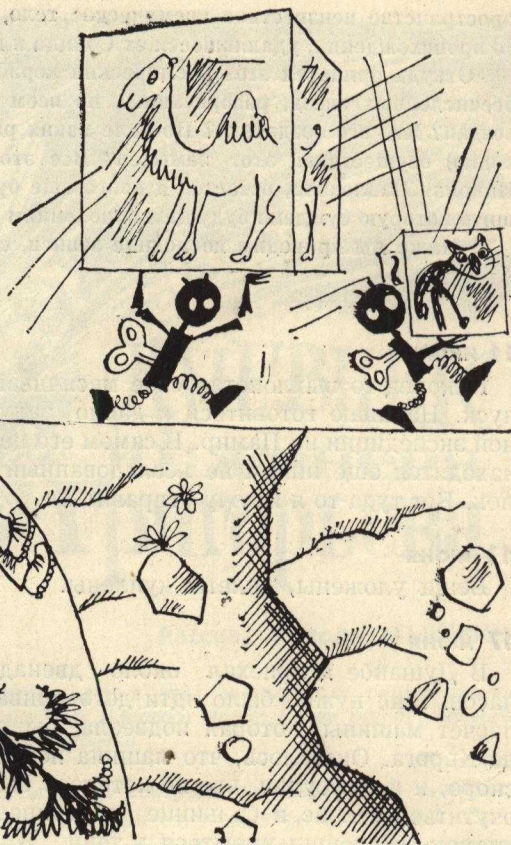
25 июня, 2 часа дня

Кое-как перекусив, я отправился дальше. Яркие краски разгоравшейся зари скрадывали унылый ландшафт окрестных гор. На высоте четырех километров начались луга с сочной зеленой травой, среди которой кое-где пестрели разноцветные цветочки. И вот отсюда я увидел, что форма горы не совсем обычна: у нее не было верхушки. Вероятно, на ее месте была большая площадка (впоследствии так и оказалось). Вскоре на смену травам пришла каменистая почва. До цели оставалось метров 200—300, и я остановился, чтобы сделать привал.

**25 июня,
7 часов вечера**

Когда я забрался на гору, то перед моими глазами предстала удивительная, скорее даже фантастическая картина. Как я уже писал, вершина горы представляла собой ровную площадку из оплавленного камня. В центре ее стоял предмет, напоминающий космический корабль, рядом с которым в воздухе неподвижно повисла «летающая тарелочка», другая такая же «тарелка» виднелась далеко на горизонте. На земле молча копошились

какие-то странные существа. Приблизившись, я понял, что они не были живыми, скорее всего это были роботы или автоматы. Кроме роботов, возле корабля находились различные машины, назначение которых я совсем не понимал. Затем мое внимание привлекли «стеклянные ящики» разного размера. В каждом из них что-то находилось. Внимательно взглядевшись, я увидел такое, что не поверил своим глазам. В этих «ящиках» были всевозможные земные животные: тигры и олени, коровы и слоны, собаки и кошки. А в двух «ящиках» даже были трактор «Беларусь» и легковая машина «Шкода». Все эти предметы погружались в ракету.

26 июня

Я долгое время не мог заснуть, размышляя о событиях дня.

И вот у меня созрело решение, я решил лететь на этом корабле. Проникнуть туда было сравнительно легко, так как загрузка ракеты производилась при помощи сооружения, похожего на лифт. Дневник я решил оставить как объяснение своего исчезновения. Пусть простят меня родные и близкие за этот шаг...

Ивар- бизнесмен

Охотники за автографами начеку.

Мороз был градусов двадцать. А мальчишка прибежал на каток без шапки, в одной куртке. Пробрался на скамейку, где спортсмены побросали чехлы от своих сверкающих «ножей», и терпеливо прыгал то на одной, то на другой ноге, дожидаясь конца тренировки.

— Закаленные тут ребяташки, — заметил тренер нашей команды. — Я прежде думал, что только бедняки у них так легко одеты.

— Нет-нет, — отозвался стоявший рядом врач, — в Швеции вообще-то народ состоятельный. А этот мальчик — сын хозяина нашей гостиницы.

Мальчик догадался, что говорят о нем, и, вежливо улыбнувшись, подошел поближе.

— Коситшкин? — показал он на пролетавшего мимо конькобежца.

— Правильно, Косичкин, — кивнул тренер.

— Антос?

— О, всех знаешь! А тебя как зовут?

— Ивар.

Когда Ивар на следующий день явился на тренировку, его встретили как приятеля: кто-то подарил значок, кто-то потрепал по румяным щекам... Ивар всем улыбался и протягивал блокнотик.

— Пожалуйста, автограф.

Вскоре настал день стартов. Кажется, весь маленький шведский городок собрался на трибунах. О, тут умели ценить быстрый бег! Когда наш конькобежец стал чемпионом мира, его провожали восторженным гулом. Пока счастливый победитель в лавровом венке стоял на пьедестале почета, вокруг сверкали молнии репортерских «блицев». А через несколько часов в газетном киоске уже продавали его портреты.

Наутро спортсмены собирались домой. У подъезда уже нетерпеливо гудел автобус.

— Садитесь, ребята, к поезду опоздаем, — торопил тренер.

Ивар тоже подошел к автобусу и выжидающе остановился у дверцы.

— Ты хочешь нас проводить? Ну, так забирайся! — пригласили конькобежцы.

Ивар проворно проскочил на заднюю скамейку, где сидел чемпион мира, и вытащил из школьного ранца толстую пачку фотографий.

— Автограф! — протянул он.

Чемпион схватился за голову.

— Да здесь работы часа на два! Не успею: вон уже вокзал виден. Сейчас мы на поезд, и прощай!

— Парень-то, наверное, разорился на этих фото. — покачал головой другой спортсмен. — Должно быть, весь киоск скупил. И зачем ему столько!

Ивар только улыбался и умоляюще переводил взгляд с фотографий на своего кумира. Но тот успел подписать не больше десятка: приехали. Мальчик не огорчился. Собрал свое богатство и устремился вслед за всеми в вагон. В купе он снова подсел к нашему чемпиону. Тот покорно взялся за работу.

Их окружили смеющиеся друзья.

— Нашелся поклонник! Готов до самой Москвы провожать!

Наконец был подписан последний снимок. Спортсмен помахал в воздухе уставшей рукой. А Ивар с удовлетворением похлопал по тяжелому ранцу.

Поезд не спеша постукивал по рельсам. Городок давно уже скрылся за снежными холмами.

— Смотри, Ивар, не потеряйся, на этой станции сходи — и домой, — заботливо сказал тренер. — А зачем тебе все-таки такая коллекция? Что ты с ней будешь делать?

— Может, он приятелям раздарит? — предположил кто-то.

Ивар еще раз просиял своей белозубой улыбкой и ответил коротко:

— Бизнес.

— При чем тут бизнес? — не поняли наши. — Ты же эти фото купил!

Мальчик кивнул, и лицо его стало по-взрослому озабоченным:

— Купил. По полкроны за штуку. Теперь продам по кроне. Ведь они с автографом чемпиона!

— Знал бы, не подписывал, — помрачнел чемпион и, хлопнув дверью, вышел в коридор.

Поезд остановился. Мы смотрели в окно на Ивара, шагавшего вдоль платформы.

Всем почему-то стало грустно. Почему? Быть может, оттого, что мы ошиблись в маль-

Чемпион покорно взялся за работу.

чишке: расчет и корысть приняли за дружбу. А может, потому, что этот жизнерадостный, бойкий Ивар не знал, оказывается, счастливой беспечности детства. Автографы, игра, в которую с увлечением играют и дети и взрослые, вовсе не была для него игрой.

Голубые лыжи

Мари

Мы живем в горной хижине. Это деревянный двухэтажный домик под тяжелой шапкой снега. Окна хижины, обросшие сосульками, глядят на вершины гор.

Залитые ярким морозным солнцем снежные горы — Альпы. Они очень красивы. Незря Австрия, Швейцария, Италия, Франция, которым досталось по кусочку Альп, очень гордятся ими. И гордятся совсем не бескорыстно. Чудесные горы приносят немалый доход странам, которые они осча-

стливили своим местожительством. Зимой сюда приезжают туристы из Америки, Скандинавии, Англии, чтобы покататься на лыжах, позагорать, подышать горным воздухом.

Вот и мы, лыжники из Москвы, Ленинграда, Свердловска, приехали потренироваться в Альпах. Наша хижина стоит в долине, неподалеку от курортного французского городка Шамони. В городе есть дорогие отели — для тех, кто побогаче, а на окраине, как наш,

предназначены для тех, кто победнее. И хозяева их соответственно одни побогаче, другие победнее.

В нашем домике, например, хозяин, хозяйка и Мари — их дочка, девочка лет четырнадцати, — обходятся без горничных и кухарки.

Едва солнце поднимается над вершинами Альп, Мари, повязав вышитый передник на свою широкую крестьянскую юбку, подает нам завтрак. Ее мать хлопочет на кухне. А отец во дворе запрягает Рыжего в санки с колокольчиками, чтобы ехать в городок за продуктами.

Очень славные люди наши хозяева. Всегда спокойны, приветливы. Их чистенькая хижина со скрипучими лестницами, с гостиной, где стоит посередине тяжелый дубовый стол, а у стен — деревянные лавки, их старинные наряды (хозяин, например, ходит в коротких, до колен, штанах, зеленых чулках и толстом зеленом жилете) — все это как будто явилось из старой сказки братьев Гримм.

Да и мы, туристы, живем как в сказке, — так тихо, спокойно в этом царстве снега!.. Невольно забываешь, что есть на свете другие заботы, кроме того, какой мазью намазать лыжи да какой выбрать маршрут для катания.

Когда вечером, усталые, с обветренными, загорелыми лицами, мы собираемся за дубовым столом, только и разговоров, кто какой спуск одолел да куда отправиться завтра.

Мари убирает посуду, подбрасывает дров в печку и тихонько садится на краешек лавки посмотреть на гостей. Ей, наверное, очень скучно здесь, в хижине на краю света. Вечером за окнами темные горы, а огни городка мерцают далеко-далеко, в нескольких километрах.

Раз в неделю Мари ездит с отцом в Шамони: учится на каких-то курсах. Дом да хозяйство — вот и вся ее жизнь... Может, потому и глаза у нее такие грустные.

Однажды вечером мы собрались в гостиной озабоченные: у Нины Куликовой, девушки из нашей группы, случилась беда. Нина упустила лыжу. Не послушалась инструктора, не привязала ее шнуром к ботинку, крепление расстегнулось, и лыжа умчалась в ущелье. Только ее и видели! Теперь не достанешь. В этом ущелье скорее голову свернешь, чем доберешься до дна. Да и от лыжи, наверное, остались одни обломки.

Так и приковыляла плачущая Нина на одной лыже к хижине. Весь отдых испорчен, без лыж в Шамони нечего делать... Купить

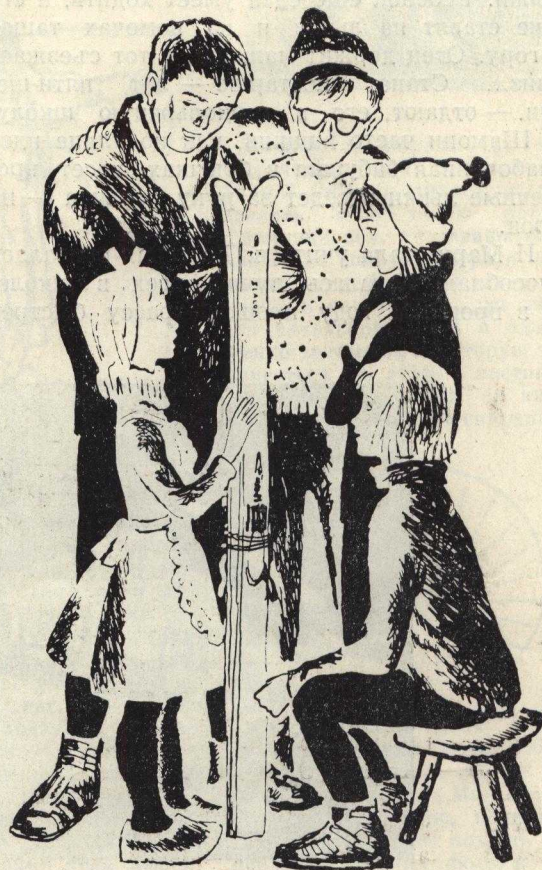
новые? Но горные лыжи стоят больших денег, всех наших туристских сбережений, пожалуй, не хватит на покупку.

Хозяева сочувственно качали головами: как помочь такой беде? Вдруг Мари накинула материнскую шаль, сунула ноги в стоящие у порога деревянные башмаки-сабои, сверкнув улыбкой, выбежала за дверь. Через минуту она вернулась вся в снегу, с голубыми лыжами в руках.

Лыжи Мари протянула Нине. Девочка вся светилась радостью и говорила быстро-быстро, краснея от смущения: это ее лыжи, видите, они немножко поцарапаны, но на них еще можно кататься, нужно только натереть, они всю зиму лежат в сарае, пусть Нина возьмет их, русская мадемуазель такая изящная, ей хороши будут эти лыжи...

— А ты, Мари, раз у тебя есть лыжи, почему ты сама не катаешься?

— Но, но! — еще заметней смутилась девочка. — Я больше не катаюсь.

Лыжи Мари протянула Нине.

Сюда, в Альпы, приезжают туристы из Америки, Скандинавии, Англии...

И убежала. Мать ушла за ней. А отец достал инструменты и стал подгонять крепления к Нининым ботинкам. За работой он и рассказал нам историю голубых лыж.

В Шамони, да и повсюду в Альпах, любят лыжи. Ребенок еще едва умеет ходить, а его уже ставят на лыжи и на помочах тащат в гору. Отец держит малыша, и тот съезжает вниз... Станет постарше — лет пяти-шести, — отдают его в горнолыжную школу. В Шамони часто видишь, как по улице идет озабоченная бабушка в брючках, несет крошечные лыжи и ведет за руку малыша — на урок.

И Мари стала учиться. Да такая оказалась способная! Каталась лучше всех в школе. А в прошлом году прошла трассу быстрее

всех девушек в округе. Смотреть на нее была радость: мчится с горы легонькая, грациозная, как балерина. Как только ей удавалось так ловко поворачивать эти тяжеленные лыжи! Обходила все флажки на трассе, ни один не падал. «Ваша дочка будет чемпионок!» — говорил тренер.

Беда пришла уже весной, когда снегу на склонах стало мало, но самые ярые любители еще находили местечки для тренировки. Мари, конечно, тоже тренировалась. Все говорила: «Папа, сегодня в последний раз...» Вот и вышло в последний. Лыжи налетели на камень. Девочка испугалась — сломаются, других ей не купят — и подставила руку.

Месяцы в больнице, рентген, гипс: перелом был сложный. О, сколько это стоило! Слава богу, рука срослась хорошо.

Но насчет лыж на семейном совете решили: хватит. Кто знает, станет ли еще дочка чемпионкой! Пусть-ка лучше помогает матери да учится на парикмахерских курсах. Можно будет открыть в хижине свой салон, и гостям не придется ездить к мастеру в город.

Жалко, что бросила лыжи? О, конечно, для девочки это большое горе! Но она поняла: так будет лучше. Мы не богатые люди, и спорт не для нас. Лыжи, горы — это для туристов.

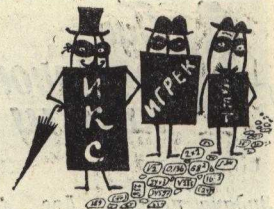
— Пожалуйста, все готово, пусть мадемуазель Нина покатается как следует и расскажет в своем Свердловске про Французские Альпы...

Голубые, в боевых царапинах лыжи лежали на дубовой лавке.

В этом уютном домике мы жили будто в сказке.

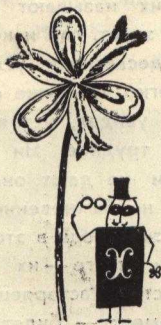
Встреча с тремя неизвестными

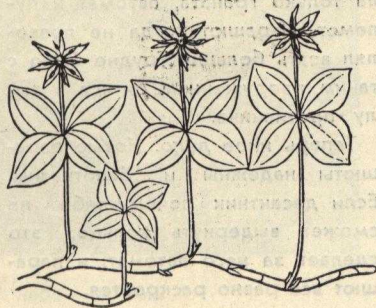
Улитки, бабочки и МАТЕМАТИКА

Ты, наверное, удивился, увидев на этой «математической» страничке изображение цветов и ракушек. Оказывается, они имеют самое прямое отношение к математике. Послушай, что писал об этом известный немецкий математик Вальтер Литцман:

Деление круга на равные части напоминает нам формы цветов, в частности деление на три и на шесть частей мы видим у большинства лилий и у одного из скромных водяных цветков (он как раз и изображен на нашем рисунке); деление на четыре ча-

сти — у крестоцветных, у роз и многих других цветов, особенно красивым примером может слу-

жить вот эта, обычная у нас, *Papav quadrifolis*; деление на пять частей встречается у гвоздик и у многих других цветков. В мире животных звездообразные формы встречаются реже, тут нам надо обратиться к низшим организмам — к медузам и иглокожим. Зато симметричное построение является правилом для животных — замечательные формы оно принимает у бабочек; в мире растений, среди цветов, мы тоже встречаем его на каждом шагу.

Художники пытались открыть как у людей, так и у животных определенные соотношения размеров; в более близкие к нам времена обращались к золотому се-

чению. Уже египтяне в эпоху Древнего Царства рисовали человеческие фигуры, применяя сетку вспомогательных линий, построенных согласно известным пропорциям. Что у человека с распростертыми руками расстояние от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой руки такое же, каков его рост, известно издавна.

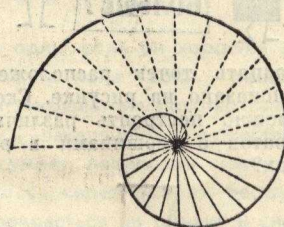
Здесь воспроизведен набросок, принадлежащий, насколько нам известно, Рембрандту и изображающий человека с описанным около него квадратом. Всеобщую известность приобрели неутомимые исследования Леонардо да Винчи и прежде всего Дюрера в изучении пропорций тела людей и животных.

Укажем в заключение по крайней мере на одну кривую, кото-

рая часто встречается в природе, — на спираль. Мы усматриваем ее в завитках улитки. Если ограничиться плоской спиралью, то примеров достаточно как среди живых форм, так и среди окаменелостей. Прекрасные спирали получаются в сечении различных ракушек, аммонитов, оболочек многих ископаемых, монетообразных нуммулитов. На этом рисунке хорошо различимы окаменевшие спирали.

Почему в природе так часто встречается эта замечательная линия? Она объединяет, если позволить себе такую наивную формулировку, вращательное движение вокруг центра и непрерывно идущий рост в длину. Если вращать равномерно луч вокруг его начальной точки и одновременно заставить некоторую точку двигаться по лучу с постоянной скоростью, удаляясь от начала, то эта точка опишет спираль.

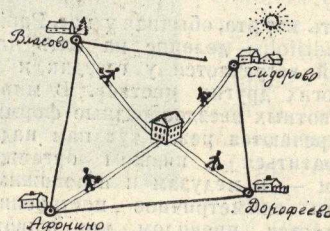

Существование этих простых, красивых и правильных образов в царстве природы ставит перед нами новые задачи. Мы хотели бы исследовать вопрос, почему это так, мы хотели бы познать закон образования этих форм в таком виде, чтобы замечательное и особенное стало необходимым и само собой понятным.

Уже построить школу?

Задача первая. Две деревни, Антоновское и Васильевское, расположены у шоссе. Расстояние между ними — два километра. В Антоновском — пятьдесят школьников, в Васильевском — на пять больше. Хотелось бы, чтобы общее расстояние, которое проходят все сто пять ребят по дороге в школу, было наименьшим. Где в таком случае надо построить школу? На каком расстоянии от Антоновского?

Задача вторая. А эти четыре деревни — Афонино, Власово, Сидорово и Дорофеево — расположены как бы в вершинах выпуклого четырехугольника. Это хорошо видно на рисунке. В каждой деревне — двадцать пять школьников. Где надо построить школу, чтобы ребята из этих четырех деревень тоже проходили наименьшее расстояние?

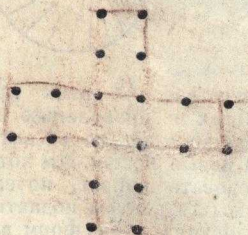
Сосчитайка

● Семеро ребят отравились в лес за грибами. Одним повезло меньше, другим больше. Дома грибники подсчитали «трофеи» — всего собрали девяносто восемь грибов. Докажите, что среди семерых было четверо, которые вместе собрали не меньше пятидесяти шести грибов.

● Не производя деления, докажите, что двадцатисемизначное число
111 111 111 111 111 111 111 111
делится на 27.

Двадцать точек расположены, как показано на рисунке. Сколько можно построить различных квадратов с вершинами в этих точках?

Какие шесть точек надо удалить, чтобы нельзя было по-

строить уже ни одного квадрата с вершинами в оставшихся точках?

ИКС, ПГРЕК, ЗЕТ: Да это те самые мыши, которые так изгрызли древнюю рукопись, что ее теперь трудно прочесть. Математические примеры из этой рукописи с недостающими знаками мы предложили ребятам в № 9 «Пионера» — и надо сказать, что почти все ребята решили эти задачи. Предлагаем вам новые:

$$\begin{array}{r}
 213 \\
 8*4 \\
 28* \\
 *46 \\
 \hline
 *870 \\
 \hline
 \begin{array}{r}
 * * * 7 \\
 \times \quad * * * \\
 * * * \\
 * * * 6 \\
 * * 203 \\
 * 37 * * \\
 \hline
 * * * * * *
 \end{array}
 \end{array}$$

В небе «крылатая» пехота!

Внезапность и дерзость — вот девиз десантников, солдат «крылатой» пехоты. Как снег на голову, обрушиваются они на врага, захватывают мосты, узлы дорог, склады боеприпасов, стартовые площадки ракет. И все это далеко от своих, в глубоком тылу противника... На самолетах перебираются они через линию фронта, а в нужном районе выбрасываются на парашютах — так что «крылатыми» их называют недаром.

Враг не знает, где и когда приземлятся десантники: уследить за ними нелегко. Но даже если противник их увидел, устоять перед ними еще труднее. Ни секунды передышки не дают они врагу, атакуют с необыкновенной стремительностью. Ведь в этом — внезапности и отваге — их основное преимущество. Растеряешься, упустишь момент — будет трудно: ведь свои далеко, за линией фронта, помочь не смогут...

Было время, когда десантник отправлялся в тыл, и при нем была только граната, автомат и пулемет. Парашют тогда не позволял взять больше. Трудно было с таким вооружением биться в тылу противника.

Теперь иное дело. Новые парашюты надежны и безотказны. Если десантник почему-либо не сможет выдернуть кольцо, это сделает за него автомат, и парашют все равно раскроется.

Но самое главное — появились грузовые парашюты! Теперь в тыл врага можно забрасывать пушки и даже танки. Конечно, технику выбрасывают на другую площадку и с другого самолета, чем самих десантников. А приземлившись, солдаты немедленно направляются к танкам, машинам и пушкам, чтобы занять свои места.

Вот и получается, что десантник — это воин-универсал. Он должен метко стрелять из пулемета, автомата и гранатомета. А если будет ранен водитель машины или самоходного орудия, любой десантник обязан заменить его. Пострадал радист — занять его место. А ориентироваться на незнакомой местности, отыскать по карте объект? И это надо делать быстро и точно.

Ну, и, конечно, каждый солдат «крылатой» пехоты отлично прыгает с парашютом — прыгает в любую погоду, днем и ночью. Некоторые воины носят значки, на которых выбито число прыжков — 25, а то и 50. А есть ветераны, которые ведут счет сотнями.

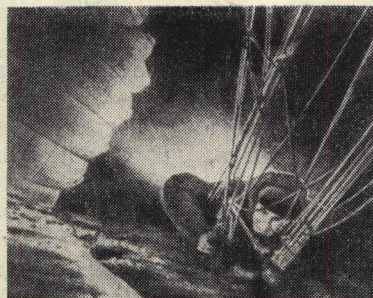
...Десантнику приходится действовать и в одиночку. Еще в годы войны советские воины доказали,

Приземлившись в тылу врага, десантники бегут к боевым машинам, сброшенным с другого самолета.

С неба — в бой!

И такое приземление бывает!

что и один, если он хороший десантник, в поле воин. Каждый солдат «крылатой» пехоты, выносливый, закаленный, мужественный, сумеет переплыть реку, перебраться через болото, бесшумно прокрасться на объект и снять часового. Не удастся быть незамеченным — вступит в неравную схватку. Недаром говорят, что солдат «крылатой» пехоты действует за двоих и даже за троих.

Подполковник Н. Васильев

**Фото Р. РЯЗАНОВА,
А. СЕРГЕЕВА,
Г. ОМЕЛЬЧУКА.**

В давние времена Кусам, что значит на языке индейцев «Ласточка», была птицей гордой и самонадеянной. Она очень гордилась красивым раздвоенным хвостом и тем, что летала быстрее всех птиц. И поэтому она считала недостойным для себя выполнять домашние обязанности. Каждый год, когда наступала пора строить гнезда, Кусам летала по лесу в поисках какого-нибудь гнезда, куда она подкладывала свои яйца.

Но однажды собрались все птицы и пошли к царю птиц с жалобой на Кусам.

— Может быть, бедняжка не умеет построить гнезда? — сказал царь. — Почему вы не покажете ей, как это сделать? Ласточка — птица умная, и она будет вам очень благодарна.

На следующее утро несколько птиц полетели к Кусам. Голубка первой обратилась к ней:

— Гнездо лучше всего выстлать зеленой травой. Сначала возьми несколько маленьких веточек...

— Ах, да, да, — прервала ее Ласточка. — Я знаю все, о чем ты говоришь...

Голубка возмутилась: если Кусам знает, как строить гнездо, то почему она не делает этого? И улетела к своим птенцам.

— Я могу тебе посоветовать, как сделать гнездышко удобным, — обратился к Кусам Дрозд, — возьми веточки, мягкий мох...

— Ах, да, да! Знаю я и это, — закричала Ласточка, топая от злости ногами, и, прежде чем Дрозд успел сказать что-либо, перелетела на другую ветку.

Потом прилетела птичка Колибри и своим тоненьким голоском тоже начала объяснять Кусам, как нужно строить гнездо:

— Сначала ты должна вырвать несколько перышек из своей грудки...

— Ах, как вы мне все надоели! — прервала ее Ласточка. — Я знаю все, что нужно знать, чтобы построить гнездо, мне просто не нравится этим заниматься! — И улетела в лес искать где-нибудь гнездо.

Царь птиц узнал обо всем и позвал Кусам:

— Кусам, мы хотим научить тебя быть доброй матерью, а ты не ценишь этого. Мое терпение кончилось. И отныне я разрешаю всем

Легенды индейцев Мексики
перевела с испанского
Т. КАМИНСКАЯ

Рисунки Н. СТЕПАНОВА

птицам выбрасывать твои яйца из их гнезд. Если хочешь растить птенцов, ты должна сама построить свое собственное гнездо.

Первый раз в жизни Кусам испугалась и полетела к Голубке просить помощи.

— Я очень тебе сочувствую, — ответила Голубка, — но ведь ты сказала, что умеешь это делать сама. — Вспорхнула и улетела.

Полетела Кусам к Колибри, но и та отказалась помочь ей. Все птицы, к которым обращалась Кусам, отказались помочь ей, они не поверили, что Кусам всерьез просит о помощи.

Опечаленная Кусам полетела в глубь леса и принялась за работу. Долго она работала, и наконец ей удалось построить гнездо, но когда она попыталась положить в него первое яйцо, гнездо развалилось на куски.

Кусам не знала, что делать, и в панике металась по лесу. Рано утром она спустилась в канаву к ручью напиться и услышала, что кто-то зовет на помощь.

— Вытащите меня! Вытащите! — кричал кто-то.

Кусам не верила своим ушам.

«Кто это зовет меня на помощь?» — подумала она и вдруг увидела на листке, который уносило течением, маленькое насекомое. Ласточка никогда ничего не делала даром. Вспомнила она про свою беду и сказала:

— Я тебя вытащу из воды, если ты обещаешь показать мне, как нужно строить гнездо.

Оса — это ее уносило течением — согласилась. Кусам вытащила Осу из воды и посадила на берег. Когда Оса отряхнулась от воды, Ласточка напомнила о ее обещании.

— Для начала, — сказала Оса, расправляя тоненькие крылышки под лучами солнца, — возьми немного влажной глины и прилепи ее к стенке этой канавы.

Кусам заколебалась, она никогда не слышала, что глину можно использовать для строительства гнезда, но сделала так, как ей сказала Оса.

— А теперь, — продолжала та, — возьми пучок травы и...

Ласточка работала, как никогда в жизни; в конце концов у нее получилось уродливое сооружение из глины и мусора, прилепленное к стене канавы.

— Ты сделала прелестное гнездышко, — сказала довольная Оса.

— Нет... нет... — залепетала Ласточка. — Это гнездо не закончено. Посмотри на обрывки травы. Они торчат отовсюду. Нет! Надо сделать что-то другое, что будет достойно меня...

— Ну, что ты, — воскликнула удивленная Оса. — Это гнездо достойно самой царицы!

Кусам, фыкая и шипя от злости, бросилась к уродливому гнезду, чтобы разрушить его, но в этот момент вспомнила слова царя птиц: «Если хочешь растить птенцов, ты должна сама построить себе собственное гнездо».

И с тех пор ласточки строят свои гнезда из глины и травы под навесом крыш и больше не подбрасывают своих яиц в чужие гнезда.

легенда • Ксочитл • тонатиу

Много лет тому назад в одной деревушке жила индейская девочка по имени Ксочитл, что на языке индейцев значит «Цветок». Ксочитл очень любила солнце, она любовалась им с утра до вечера. А когда солнце скрывалось за горизонтом, она шла домой и, засыпая, думала о солнце, о том, что завтра она опять увидит его.

В то лето Ксочитл была особенно счастлива — солнце светило все дни подряд, на небе не было ни облачка, на землю не выпало ни одной капли дождя. Но от жажды поникли цветы и травы, в полях не колосилась пшеница, амбары были пусты, люди страдали от голода. Жители деревни просили у неба дождя, но дождя не было. И тогда маленькая Ксочитл поняла, что людям нужен дождь, и она сказала своему любимому Тонатиу, что значит на языке индейцев «Солнце»:

— Тонатиу, ты знаешь, как я тебя люблю, ты знаешь, какое для меня счастье видеть тебя, любоваться тобой, но людям нужен дождь. Посмотри, как страдают люди, сжалься над ними!

И Тонатиу выполнил просьбу маленькой Ксочитл. Ковер из облаков покрыл все небо, и пошел дождь. Он шел много дней. Поля зазеленели, цветы и травы выпрямились, люди были счастливы. Только бедняжка Ксочитл становилась с каждым днем все бледнее и печальнее — ведь она столько времени не видела солнца! А лучи солнца были ей нужнее всего на свете. Девочка совсем уже ослабела, когда вдруг из-за туч появился солнечный луч и обогрел свою любимицу. Он сказал ей:

— Идем, Ксочитл, со мной в страну, где никогда не заходит солнце, в страну, где всегда цветут цветы. Отныне имя твое будет — «Ксочитл-Тонатиу» — «Цветок Солнца».

И девочка превратилась в прекрасный золотистый цветок, только серединка у него была черная, как глаза и волосы девочки. Этот цветок на рассвете поворачивается в сторону восходящего солнца и следует за ним, пока оно не зайдет.

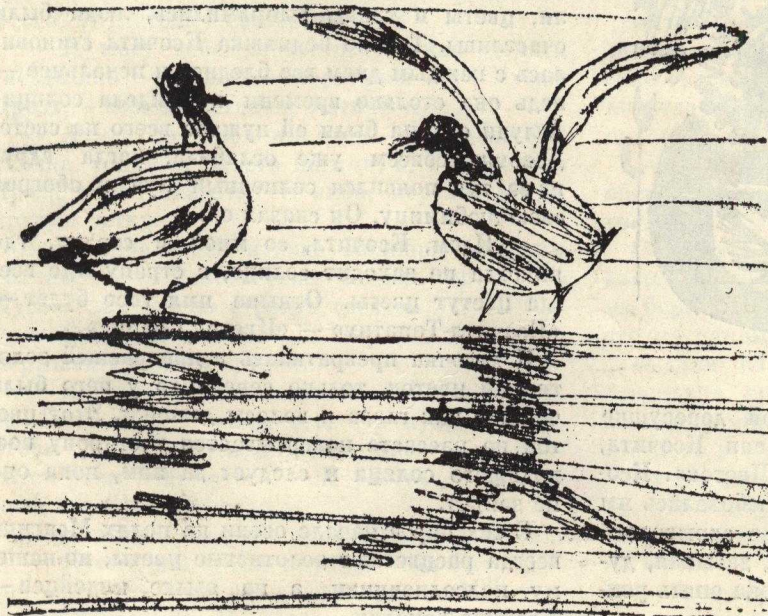
С тех пор в начале осени на полях Мексики всегда расцветают золотистые цветы, по-нашему подсолнечники, а на языке индейцев — Ксочитл-Тонатиу.

Вл. СУДОМА

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Выдренок

РАССКАЗ

В весеннее солнце посадило снега. Вода забродила по лугам, прорываясь в канавы, а оттуда вгрызлась в реку и вскрыла старые полыньи.

В крученых корнях ивняка темнело овальное отверстие — вход в выдриную нору.

В полдень, когда выдры обычно спят, в норе зашуршало. В воду вошло гибкое тело. Выдра прошла под самым льдом и подняла над водой голову в широкой полынье. В зубах она держала выдренка.

Выдренок был рыженький, величиной с небольшую варежку. Выдра осторожно положила его на лед. Выдренок встал на задние лапы, как суслик, и закачался.

Казалось, он вот-вот упадет в воду. Ему было страшно и любопытно. Он впервые видел мир: солнце, лед, воду. Глазенки моргали, налимья мордочка вертелась из стороны в сторону.

Выдренку нравилось солнце, оно ласково грело, как живот матери. Воздух был чист. В норе он был не такой, там пахло рыбой и водорослями.

Выдра оставила выдренка на льду и нырнула: надо было расширять нору, к которой подступала вода.

Выдренок качался, как будто что-то напевал.

Внезапно на берегу появились два зверя. Они шагали на задних лапах.

Хотя выдренок еще и не знал, что это самая большая опасность — человек, но вжался в лед, пытаясь стать незаметным. Страх напряг мускулы.

Человек что-то крикнул, перепрыгнул закраек и побежал по хлюпающему льду прямо к выдренку.

Выдренок сделал шаг к воде, но прыгнуть не решался. Он еще ни разу не нырял. Вода казалась страшной. Она клокотала, пузырилась, лезла на лед. Матери не было.

Человек был уже в нескольких шагах от выдренка, когда из воды выросла усатая, оскаленная пасть. Выдра свистнула. Выдренок, повинувшись приказу, прыгнул к ней. Мать подхватила его на лету и, как штопор, вкрутилась в воду...

Ледоход отшуршал льдинами по веткам ивняка. Вода с каждым днем садилась. Из толстых корней кувшинок потянулись вверх зеленые побеги.

Мать охотилась за щуками. Она до того гонялась за ними, что вода мутнела. Щуки выходили на поверхность: им нужно было хлебнуть воздуха. Выдра вылезала и, как кошка, стояла на берегу. Ждала, когда покажутся выпуклые щучьи глаза и полоска носа. Тогда она летела вниз, глушила телом, рвала зубами.

В начале лета река стала зарастать водорослями. В них пряталась рыба. Выдры продвинулись вниз по реке, останавливаясь на глубоких, чистых от водорослей местах. Дневали в старых норах или в корнях ивняка.

В теплую лунную ночь выдры остановились на глубокой яме под гремящим перекастом.

На перекаст по вечерам выходила крупная рыба. Выдра выносила на берег язей, широких, как лист кувшинки.

Выдренку тоже встретился язь. Выдренок попробовал прижать его лапой ко дну, но язь вырвался, ударив тяжелым хвостом по морде. Выдренок вылез на камень, что был неподалеку от ямы, и долго тер мордочку лапой.

На другом, круглом камне грелась на утреннем солнце мать. Она внимательно следила за ним. Скоро нужно было уходить в темную нору.

Выдренок захотел получше рассмотреть яму и весело нырнул.

На дне ямы было темно. Лежали валуны, обросшие мхом, громоздились черные коряги. Выдренок заглядывал под них, но там ничего не было. Казалось, все живое в яме вымерло.

Но вот одна коряга шевельнулась, блеснули два жадных глаза, открылась пасть.

Выдренок рванулся наверх к матери. Но в глубине словно что-то разорвалось, взлетел песок, и качнулась вода. Позади мелькнула серая тень, и выдренок попал в тиски.

Щука по инерции вынеслась наверх, но выдренок не мог заверещать, только задние ноги его и голова торчали из рта щуки, как усы.

Щука медленно занырнула под обомшелую, занесенную илом колоду. Перевернула полузадушенного выдренка головой к себе — так легче заглатывать добычу, но остановилась и еще глубже впихнула свое громоздкое тело под колоду: рядом плыл кто-то большой и сильный.

Это была старая выдра. Она заметила, что выдренок исчез. Увидела водоворот, поднятый щукой, и бросилась на помощь своему детенышу.

Щука забилась еще дальше, в темноту.

Выдра заметила движение воды, и глаза ее блеснули, как вечернее солнце. Она скользнула под колоду и впилась зубами в скользкую щучью шею.

От напряжения изогнутых тел колода поднялась и откатилась в сторону, запрыгали сбитые коряги.

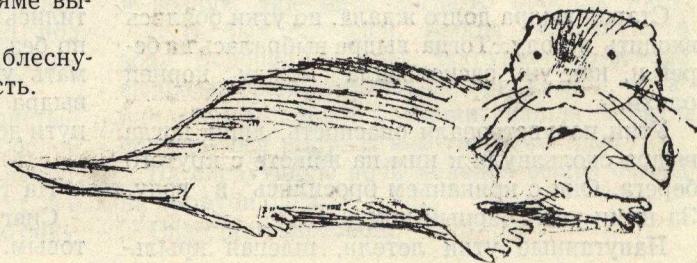
Щука выплюнула выдренка. Он выплыл на поверхность и взглянул вниз.

В глубине метались две тени, вода чернела от поднятого ила и крови. Тени близились к поверхности. Вода расступилась. Выдра, как большая пиявка, висела на белом щучьем горле. Щука трясла головой, щелкая пастью и пытаясь захватить хвост выдры.

Все решилось мгновенно. Выдра сложилась в кольцо. Кольцо разогнулось с такой силой, что щука взлетела в воздух.

Выдра схватила зубами выдренка и поплыла к берегу. На берегу она долго и недовольно фыркала, как бы упрекая выдренка в глупости. Лапы у нее дрожали.

Подступала осень. По реке плыли желтые ивовые листья. Ночи становились длиннее и были черны, как взмученный ил. Молодая выдра подросла, стала величиной со взрослую кошку. Выдры поднимались вверх по реке. Старая выдра чувствовала, что скоро зима. Нужно продвигаться к зимней норе под запрудой. В прошлую зиму она не успела дой-

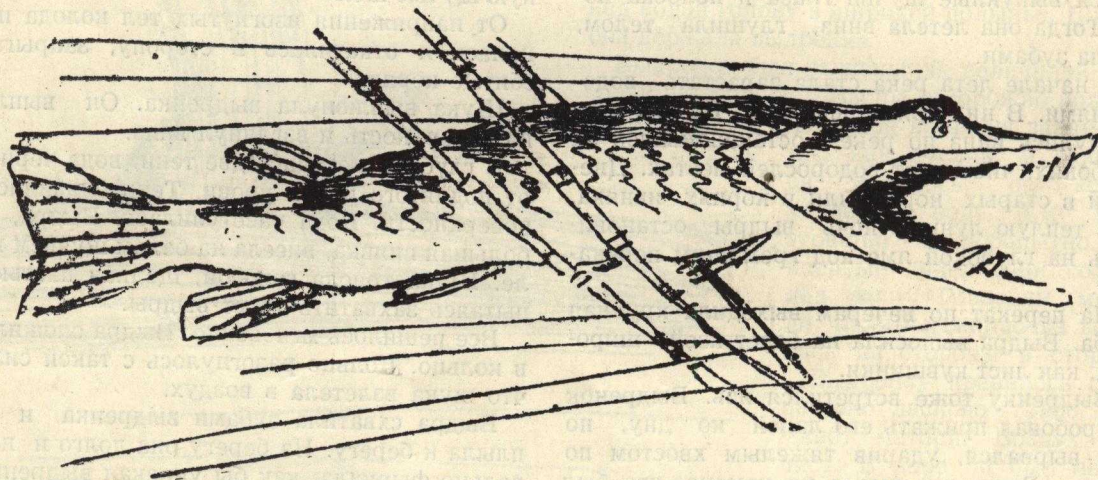
ти: на реку рано лег лед, и выдра осталась в устье незамерзающего ручья. Рыбы было немного, но тогда она была одна.

Они остановились у деревни. Молодую выдру тревожил деревенский шум, но старая выдра была спокойна. Это спокойствие перешлось молодой.

Выдры выплыли на плес, когда солнце ушло за берег. Деревня еще не спала. У крайней избы посреди реки плавал табунок домашних уток. Впереди важно скользил разряженный селезень, за ним болтливой гурьбой тянулись серенькие утки.

Глаза у старой выдры загорелись, и она бесшумно ушла под воду. К табуну побежала стрелка лопающихся пузырей.

Селезень встрепнулся, с ужасом жвякнул и, как камень, ушел под воду. Табун с беспокойным криканием вылетел на берег.

Старая выдра показалась на поверхности: селезень мешал плыть под водой. На берег выскочило несколько человек, и в выдру полетели камни.

Выдра ушла под воду. Выплыла под прикрытие ольшаника, мочившего в воде корни.

Стемнело. Человеческие голоса не пошли дальше деревни.

Выдры разодрали селезня на части.

Утром табун уток сидел на берегу.

Старая выдра долго ждала, но утки боялись входить в воду. Тогда выдра выбралась на берег и, как уж, заскользила между корней ольхи.

Утки почувствовали опасность, лишь когда выдра скользнула к ним на животе с крутого берега. Они с криканием бросились в воду. За ними упал черный ком.

Напуганные утки летели, шлепая крыль-

ями по воде. Одна из них неслась мимо молодой выдры. Та неожиданно для себя рванулась наперерез. Утка от испуга взлетела. Выдра подпрыгнула и ухватила за красную утиную лапу.

Казалось, на воде заплесал крупный поплавок. Выдра тянула утку под воду. Утка была тугим крылом выдру по носу, вытаскивая наверх. Она так оглушительно крикала, что выдра не слышала, как на берег выбежал человек и поднял короткую палку.

Мелькнуло пламя. Гром ударил в реку.

Сильный удар вышиб изо рта выдры утку. В птицу попал весь заряд дробин.

Просидев до глубокой ночи в норе, выдры проплыли деревню под водой, изредка выставляя на поверхность нос и глаза — три маленьких точки.

По утрам на реку падали заморозки. В за-

водях кружились тонкие льдинки. Они больно резали нос и лапы. Рыба стала сонной, неповоротливой.

Однажды днем небо почернело, как дно глубокой ямы, и посыпалась крупа, светлая, как чешуя уклейки. Поднялся ветер. Даже в глубокой норе, вход в которую был упрятан под водой, слышалось, как скрипели корневища деревьев.

Выдры жили в одной норе, но иногда охотились порознь. Молодой выдре было страшно без матери, и ее успокаивало лишь то, что мать уплывала не очень далеко. Но старая выдра приучала ее к самостоятельности. Их пути должны были разойтись.

На темный лед упала мягкая пороша.

Снег под луной не искрился, казался матовым.

Молодая выдра вынесла на лед лягушку, которую выкопала в придонном иле. Выдра поиграла с ней, съела, а после, разбежавшись по неслышному снегу, на пузе въехала в полынью.

В яме под корягой она наткнулась на косяк голавлей. Толстые, лобастые, черные, как голавешки, они сонно тыкались под коряги. Молодая выдра прижала одного лапой ко дну и, взяв в зубы, вынесла на лед.

Звонко хрустнули шейные позвонки. Выдра начала есть. Какой-то шорох заставил ее оглянуться: прямо на нее летело что-то громадное, рыжее.

Выдра шарахнулась в воду, оставив добычу, и лишь у противоположного края полыньи подняла голову.

На льду стояла матерая лиса и ела рыбу. Съев, облизала даже рыжую лапу, которой придерживала голавля.

Лисы часто следят за полыньями, надеясь, что выдры будут таскать рыбу и оставлять головы, которые потом можно подобрать. Но

эта лиса, увидев, что выдра мала, не больше зайца-листопадника, решила напасть.

Выдра успокоилась. Она понимала, что хотя лиса и сильнее ее, но в воду она не сунется. Разыскав косяк, выдра опять схватила голавля и вылезла на лед — из предосторожности на другую сторону полыньи.

В кустах что-то треснуло. Выдра оглянулась: на нее снова летело рыжее пламя. Опять пришлось занырнуть.

Лиса ела рыбу медленно. Потом затрусила на другую сторону. Там забралась в куст и стала ждать.

Выдра вынырнула вновь, она казалась бо́льшей, чем в предыдущие разы. Но под луной все искажается, и лиса не почувствовала подвоха.

Лиса прыгнула, красиво откинув пушистый хвост, и очутилась нос к носу с взрослой выдрой. Отступать было поздно. Лиса попробовала рвануть зубами загривок, но тут же почувствовала сильный удар когтями по боку,

неведомая сила подняла ее вверх и кинула в воду. Ошарашенная лиса выскочила на лед, мокрая и оттого наполовину похудевшая, без оглядки бросилась в кусты.

Это была не первая встреча старой выдры с лисой.

Выдра никогда не отступала. Когда-то давно первая лиса помяла зубами ей бок, но выдра отгрызла ей лапу. Потом выдра научилась расправляться с лисицами: она втаскивала их в воду.

Только человека боялась выдра. Он издалека мог так ударить, что уши закладывало от грохота.

Особенно боялась выдра человека на сухопутных переходах. Похожая на коротконогую собаку, она идет очень медленно, цепляясь ногой за ногу. Легче ползти по глубокому снегу: он мягок и податлив, как вода.

Полынья, в которой остановились выдры, с каждым днем становилась меньше. Выдры перебрались ближе к мельнице.

Теперь потянулись голодные дни. На поверхности стоял лютый мороз, и выдры целыми сутками спали. Если какая выходила на поверхность, то возвращалась с обледенелым хвостом, на котором висел комками обмерзший снег.

Пришла долгожданная оттепель. Голодные выдры целыми ночами бороздили воду.

Выше падающей с плотины воды были проруби. Туда ходили деревенские женщины по утрам за водой. Днем они громко колотили вальками по белью. Старая выдра стала наведываться туда, за ней потянулась молодая. Выходили они поздно ночью, возвращались перед появлением женщин.

Но однажды молодая выдра замешкалась, вытаскивая из-под валуна крупного налима.

И тут в деревне послышались голоса. Это женщины шли за водой. Впереди бежал крупный шестимесячный щенок. Он издалека заметил черное пятно на снегу и залаял.

Выдра поползла. Щенок, приняв ее за собаку, поскакал наперерез.

Выдра была уже в десяти шагах от плотины, когда он забежал вперед и лег на передние лапы, явно желая поиграть.

Выдра прыгнула. Щенок с визгом взлетел в воздух: так мать когда-то бросила лису.

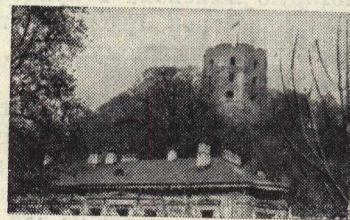
Путь был свободен. Выдра скользнула в воду. Водопад завертел, закружил, но вскоре выдра выбралась на спокойную воду и, устала, поцарапанная о камни, нашла первую попавшуюся нору. В ней улеглась спать.

На следующую ночь молодая выдра пошла на проруби одна.

Она стала взрослой.

В ГОД ПЯТИДЕСЯТЫЙ,
ЮБИЛЕЙНЫЙ

У горы Гедиминаса

А это и есть тот «далекий потомок».

Таков давний обычай. Каждый год на льду Зарасайских озер идут состязания рысаков.

Эти фотографии — из Вильнюса. Ребята прислали и рассказы о них. Вот что пишет, например, о своем снимке Виолета Лейгайте: «Много горя испытал наш город от крестоносцев. Но в 1410 году произошла битва при Грюнвальде, по-литовски Жальгирисе, и крестоносцы были разбиты. Проходя мимо памятника в честь этой битвы, я увидела девочку. Она играла. Я подумала, что девочка — далекий потомок тех, кто сражался при Жальгирисе».

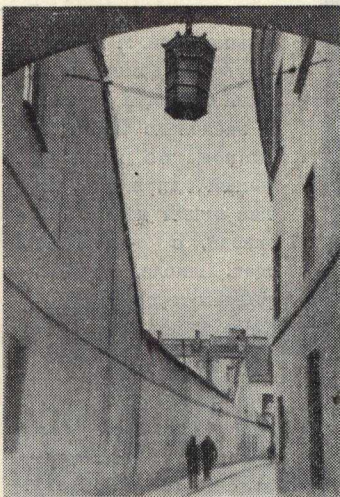
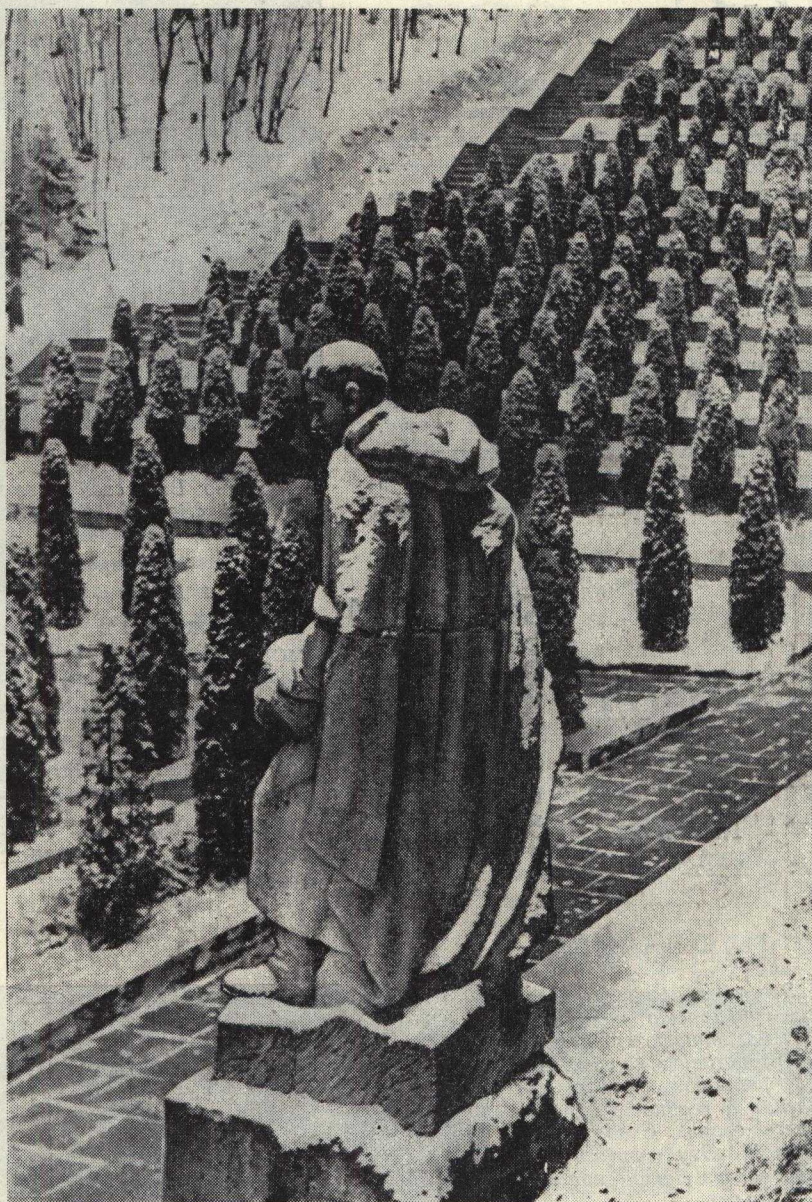
Столица Литвы — очень древний и очень красивый город. Над ним на горе Гедиминаса возвышается старинная башня. Враги часто разрушали Вильнюс. Особенно он пострадал от гитлеровцев. Литовский народ свято хранит память о воинах-освободителях.

Авторы фотографий и рассказов Гриша Стражас, Виолета Лейгайте, Ричард Межокис, Леня Кап, Василий Дегтярев, Дима Новиков и Витя Абрамсон хотят, чтобы всем вам, ребята, понравился их родной город Вильнюс. И вы тоже не забывайте о нашем фотопутешествии. Присылайте снимки из своих городов и сел!

Этот собор редкой красоты
Наполеон мечтал «поставить
на ладонь и отнести в Париж».

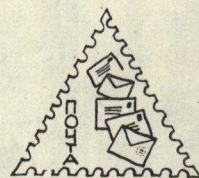
На воинском кладбище.

Средневековая
улочка.

С ПОМЕТКОЙ
«МЕЖДУ-
НАРОДНОЕ»

А У НАС...

Весна пришла

Как красиво в Забайкалье весной! На горах лиловым пламенем полыхают заросли багульника. В лесу на проталинках появились первые вестники весны — нежные пушистые подснежники, их называют здесь ургуй.

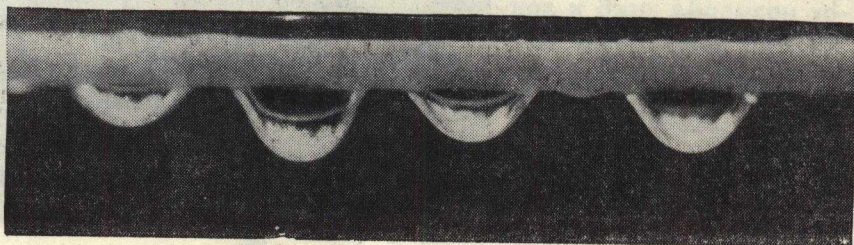
Первые листочки тянут свои изумрудно-зеленые кончики навстречу лучам солнца. В лесу перезваниваются первые весенние ручейки, вытекают хрустальными струйками из-под снега, серого и жухлого. На пригретых солнцем пригорках зеленеют стрелочки первой зелени. В мае все вокруг тонет в белоснежной кипении черемухи. Здесь очень любят это дерево, его встретишь возле каждого дома.

Люся Ячmeneва,
с. В-Ульхун, Читинская область.

ГОРОД У МОРЯ

Это тоже весна. Это капли. Тут хорошо видно, как они накапливаются, и можно представить, как падают, как сверкают на лету, как звенят и разбиваются, ударяясь оземь. Скоро будет тепло! Эту фотографию прислал из Ленинграда Миша Шалыт.

Уважаемая редакция!
Посылаю Вам свой снимок — фотозтюд «Весна». Если можно, пожалуйста, поместите.

Владимир Селин,
г. Оренбург.

Всякий раз, когда почтальон приносит почту, я с нетерпением ищу долгожданный конверт с пометкой «Международное». Письма с такой пометкой и заграничными марками приходят мне из Варшавы, от польской школьницы Евы Стыковской. И хотя между моим домом и польской столицей расстояние в несколько тысяч километров, это не мешает нашей дружбе с Евой. Ева пишет мне о своей жизни, о своих товарищах, школе, дружбе, о родном городе.

Из писем Евы я узнал много нового о Польше.

Саша Яранцев,
ст. Фаленки,
Кировская область.

Мы живем в городе Находка. Это молодой приморский город. На рейде в порту часто развешаются флаги японских, английских, греческих, немецких, американских судов.

Наш город окружен сопками. Они придают морю величественный вид. Осенью море самое красивое. Оно синее-синее, вода чиста и прозрачна. Стаи белокрылых чаек кружат над морем. Ласковым наше море бывает не всегда. Иногда оно волнуется.

Елена Кузнецова, Лариса и
Светлана Репко,
г. Находка.

НАШИ

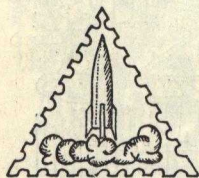
ящерята

Прошлым летом мы поймали двух ящериц. На воле они, наверно, жили вместе. Мы поместили ящериц в аквариум. Одну стенку аквариума сделали из глины, придав ей форму горки. На дно террариума положили чистый песок, а на него пласты дерна. Сверху по краям террариума закрепили стекла, а в центре оставили место для воздуха. Около горки на стекла положили камни, чтобы ящерицы не могли (и такое бывает!) убежать.

Ящерицы скоро обжились.

Прошло двенадцать дней, и у-самки родились пять ящерят длиною в полспички. Рождение ящерят в неволе — явление довольно редкое. Еще реже ящерята выживают в неволе. Часто сами родители съедают их. Но наши ящерята выжили. Правда, хлопот с ними было много. Кормить их приходилось самой мелкой и нежной пищей: маленькими сенокосцами и земляными пауками. В террариум положили несколько сухих сучков и прошлогодних листьев. Ящеркам очень нравилось лазить по сучкам. Малыши часто пытались убежать. Тут была опасна каждая щелка. К счастью, ящерята много ели и поэтому быстро росли и толстели. Побег их стали реже — они не могли уже пролезть в щелки.

Саша Соловьев,
г. Ленинград.

«Союз пяти»

«Союз пяти» — это союз ребят из пяти технических кружков. Авиамodelисты, создатели морских моделей, радисты, ракетостроители, автолюбители собираются по

МЫ ТАК ХОРОШО ДРУЖИЛИ

Меня зовут Игорь. Мне девять лет. Я живу в городе Вельске. Я дружил с одной девочкой. Ее зовут Света. Света уехала в другой город. Два месяца мы с ней переписывались. Но вдруг на мое письмо она не ответила. Я послал ей еще одно письмо. Она написала, что подружилась с другим мальчиком и не будет мне писать, потому что я маленький.

Ей двенадцать лет. Я очень обиделся и чуть не заплакал. И даже стал в школе учиться хуже. Ведь мы так с ней хорошо дружили, и она никогда не намекала, что я маленький. Когда уезжала, она говорила, что никогда меня не забудет. Мне очень горько. Поместите, пожалуйста, мое письмо в журнал.

Игорь Карельский,
Архангельская область.

Не беда, что весь строительный материал — бумага, клей и дерево. Планеры Вити Кабарова самые «летучие».

Саша Степец построил ракету. Первый критик и судья — Андрей Иванович Комаров. Андрей Иванович — наш учитель. Он большой друг всех ребят из «Союза пяти».

Олег Визгалин,
восьмилетняя школа
№ 76, г. Хабаровск.

вечерам в школьной мастерской. Приходят старожилы — восьмиклассники и новички, в мастерской долго не гаснет свет.

Когда Леня Моисеев пришел в мастерскую, он даже деталь по чертежу не мог сделать. А сейчас даже автомобиль собрал с настоящим мотором.

А У ВАС?

П.А. ТРАВЕРС

МЭРИ ПОППИНС

Перевод с английского Б. ЗАХОДЕРА.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛИЦКОГО.

Восточный ветер

Если ты хочешь отыскать Вишневый переулок, просто-напросто спроси у Полисмена на перекрестке. Он слегка сдвинет каску набок, задумчиво почесет в затылке, а потом вытянет палец своей ручищи в белой перчатке.

— Направо, потом налево, потом опять сразу направо — вот ты и там! Счастливого пути!

И, будь уверен, если ты ничего не перепутаешь, ты окажешься там — в самой середине Вишневого переулка; по одной стороне там идут дома, на другой — тянется парк, а посредине ведут свой хоровод вишневые деревья...

А если ты ищешь Дом Номер Семнадцать, — а скорее всего, так и будет, потому что ведь эта книжка как раз про этот дом, — ты его сразу найдешь. Во-первых, это самый маленький домик во всем переулке. Кроме того, это единственный дом, который порядком облез и явно нуждается в покраске. Дело в том, что его нынешний хозяин мистер Бэнкс сказал своей жене миссис Бэнкс:

— Выбирай, дорогая, одно из двух: или чистенький, хорошенький, новенький домик, или четверо детей. Обеспечить тебе и то и другое я не могу.

И, хорошенько обдумав его предложение, м-с Бэнкс пришла к выводу, что пусть уж лучше у нее будет Джейн (старшая), и Майк (младший), и Джон с Барби. Они Близнецы и самые-самые младшие.

Вот так все и решилось, и вот почему семейство Бэнксов поселилось в Доме Номер Семнадцать, а с ними — м-с Брилла, которая для них готовила, и Элен, которая накрывала на стол, и Робертсон Эй, который стриг газон, и чистил ножи и ботинки, и, как не устал повторять м-р Бэнкс, «зря тратил свое время и мои деньги».

И, конечно, там была еще няня Кэти, которая, по правде говоря, не заслуживает того, чтобы о ней писали в этой книжке, потому что в то время, когда начался наш рассказ, она уже ушла из Дома Номер Семнадцать.

«Не сказав ни здрасте, ни до свидания, — как выразилась м-с Бэнкс. — Без предупреждения! А что мне теперь делать?»

— Дать объявление, дорогая, — ответил м-р Бэнкс, натягивая ботинки. — И я бы не возражал, если бы Робертсон Эй тоже ушел, не сказав ни здрасте, ни до свидания, потому что он опять почистил один ботинок, а к другому не прикоснулся. Люди могут подумать, что я очень односторонний человек!

— Это совершенно неважно, — сказала м-с Бэнкс. — Ты так и не сказал, что мне делать с няней Кэти.

— Не знаю, что ты с ней можешь делать, поскольку ее нет на месте, — возразил м-р Бэнкс. — Но на ее месте — я хочу сказать, на твоём месте — я послал бы кого-нибудь в Утреннюю Газету дать объявление, что Джейн, и Майк, и Джон, и Барбара (не говоря уже об их маме) нуждаются в Самой Лучшей Няньке с Самым Маленьким Жалованьем и Немедленно! А потом я бы сидел и любовался на то, как няньки выст-

раиваются в очередь у нашей калитки, и я бы очень рассердился на них за то, что они задерживают уличное движение и создают пробку, так что мне пришлось бы дать полисмену шиллинг за труды. А теперь мне пора бежать. Брр, как холодно! Как на Северном полюсе! Откуда ветер дует?

С этими словами м-р Бэнкс высунул голову в окно и посмотрел в сторону дома Адмирала Бума. Адмиральский дом стоял на углу. Это был самый большой дом в переулке, и весь переулок очень гордился им, потому что он выглядел точь-в-точь как корабль. Даже в палисаднике стояла мачта с флагом, а на крыше был позолоченный флюгер в виде подозорной трубы.

— Ага! — сказал м-р Бэнкс, поспешно убрав голову. — Адмиральский телескоп говорит, что ветер Восточный. Я так и думал. То-то у меня кости ноют. Надо бы надеть два пальто.

И он задумчиво поцеловал жену в нос, помахал рукой детям и отправился в Сити.

Сити — это было такое место, куда м-р Бэнкс ходил каждый день — понятно, кроме воскресений и праздников, — и там он сидел с утра до вечера в большом кресле за большим столом и работал, или, как говорят у нас в Англии, делал деньги. И ребята твердо знали, что папа весь день без передышки трудится, вырезая шиллинги и пенсы и штампая монетки в полкроны и трехпенсовики. А по вечерам он приносил их домой в своем черном портфельчике. Иногда он давал монетку-другую Джейн и Майку (в копилку), а уж если он не мог, то говорил: «Банк лопнул», — и ребята понимали, что ничего не поделаешь, значит, папа сегодня сделал слишком мало денег...

Ну вот, значит, м-р Бэнкс ушел со своим черным портфелем, м-с Бэнкс ушла в гостиную и сидела там весь день и писала в газеты просьбы прислать ей поскорей несколько каких-нибудь нянек; а наверху, в детской, Джейн и Майк глядели в окошко

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ

Мне очень приятно, дорогие ребята, познакомить вас с Мэри Поппинс.

Должен вам сказать, что она очень знаменита: в Англии про нее написано целых четыре книги!

Может быть, сначала она покажется вам чересчур строгий...

Но это, уверяю вас, только кажется: на самом деле она очень добрая, и, кроме того, ведь она...

Чуть было не проболтался!

Нет, кто такая Мэри Поппинс на самом деле, я рассказывать не буду: ведь об этом-то и написана вся книга, вернее, все книги о ней!

Здесь вы прочтете несколько рассказов о ее приключениях.

Ну, и если вы ее полюбите и вам будет так же грустно с ней расставаться, как ее воспитанникам — Джейн и Майку, — наберитесь немножко терпения. В этом году в издательстве «Детская литература» выйдет книга «Мэри Поппинс». Тогда вы сможете снова встретиться с Мэри и узнать о ней побольше.

Ваш

Борис Заходер

и старались угадать, кого же им пришлют. Они были рады, что няня Кэти ушла, потому что они ее не очень любили. Она была старая и толстая, и от нее всегда неприятно пахло пивом. Кто бы ни пришел, думали ребята, все равно это будет лучше, чем няня Кэти, а может быть, и гораздо лучше.

Когда солнце уже собиралось закатиться за парк, пришли м-с Брилл и Элен накормить старших ужином и выкупать Близнецов. А после ужина Джейн и Майк опять уселись у окна, ожидая возвращения м-ра Бэнкса и слушая, как Восточный ветер свистит в голых ветках вишен в переулке. Вишни так гнулись и вертелись под его порывами, что в сумерках могло показаться, будто деревья сошли с ума и стараются вырвать, свои корни из земли и убежать...

— Вот он идет! — вдруг сказал Майк, показывая на темный силуэт, с размаху налетевший на калитку.

Джейн сверлила глазами сгущавшуюся темноту.

— Это не папа, — сказала она. — Это кто-то другой.

Тут силуэт, сгибаясь и пошатываясь под ударами ветра, поднял задвижку калитки, и они увидели, что он принадлежит женщине, которая одной рукой держит свою шляпу, а другой — большую сумку.

У меня правило:
никаких рекомендаций!
сказала
незнакомка
твердо

Майк и Джейн не сводили с нее глаз, и вдруг они увидели очень странную вещь: им показалось, что, как только эта женщина вошла в садик, она взлетела в воздух и подлетела прямо к дому. Да, было похоже на то, что ветер сперва донес ее до калитки, подождал, пока она ее откроет, а потом принес ее прямо к парадной двери. Ребята услышали, как она с размаху налетела на дверь.

Весь дом так и задрожал, когда она приземлилась.

— Вот это да! В жизни такого не видал! — сказал Майк.

— Пошли скорей, посмотрим, кто это! — сказала Джейн и, схватив Майка за руку, потащила его через всю детскую на лестничную площадку — их любимый наблюдательный пункт, откуда было прекрасно видно все.

И вот ребята увидели, что их мама выходит из гостиной, а незнакомка идет за ней. Сверху были видны ее гладкие, блестящие черные волосы. «Как у деревянной куклы», — шепнула Джейн.

Незнакомка была худая, с большими руками и ногами и довольно маленькими, пронзительными синими глазами.

— Вы увидите, они очень славные ребятки, — говорила ей м-с Бэнкс.

Майк сильно двинул Джейн локтем под ребро.

— С ними не будет никаких хлопот, — продолжала м-с Бэнкс не очень уверенно, поскольку она сама не слишком верила в то, что говорила. И ребята услышали, как гостья фыркнула, словно и она не очень поверила.

— Ну, а ваши рекомендации? — продолжала м-с Бэнкс.

— У меня правило — никаких рекомендаций, — сказала незнакомка твердо.

М-с Бэнкс остолбенела.

— Но, мне кажется, это принято, — сказала она. — Я имею в виду... Я хочу сказать, все люди так делают.

— Весьма старомодный обычай, по-моему! — отвечал суровый голос. — Весьма! Совершенно устарелый и несовременный!

Надо вам сказать, что м-с Бэнкс больше всего на свете боялась показаться старомодной и несовременной. Ужасно боялась. Поэтому она поспешно сказала:

— Тогда очень хорошо. Не будем говорить об этом. Я просто спросила, на тот случай, если... ммм... Вы в них нуждаетесь. Детская наверху.

И она пошла вперед, ни на минуту не переставая трещать. Потому-то она и не заметила того, что происходило за ее спиной. Зато Джейн и Майк, наблюдавшие с верхней площадки, превосходно видели, какую необыкновенную вещь сделала странная гостья.

Она поднялась следом за м-с Бэнкс, указывавшей ей дорогу. Но как! Держа в руке свою большую сумку, она просто-напросто села на перила... и... преспокойно въехала по перилам на верхнюю площадку!

Джейн и Майк прекрасно знали, что никто на свете этого сделать не может. Съехать по перилам вниз — пожалуйста, они сколько раз сами в этом упражнялись. Но въехать вверх?! Никогда в жизни!

Пораженные ребята усталились на посетительницу.

— Ну, значит, все улажено, — сказала мама со вздохом облегчения.

— Почти. Если, конечно, меня это устроит, — сказала незнакомка, вытерев нос большим платком в крупный красный горошек.

— Вы здесь, дети! — сказала м-с Бэнкс, наконец заметившая ребят. — Что вы тут делаете? Это ваша няня, Мэри Поппинс. Джейн, Майк, поздоровайтесь. А вот это, — она показала рукой на колыбельку, где спали малыши, — наши Близнецы.

Мэри Поппинс внимательно разглядывала ребят всех по очереди и как будто бы решала про себя, нравятся они ей или нет.

— Ну, как, подходим? — сказал Майк.

— Майк, веди себя прилично! — сказала мама.

Мэри Поппинс невозмутимо продолжала испытующим взором разглядывать ребят. Наконец, она с шумом выпустила воздух через нос, что, как видно, свидетельствовало о том, что она приняла решение, и сказала:

— Я принимаю ваше предложение.

— И клянусь тебе всем на свете, — рассказывала потом м-с Бэнкс своему супругу, — можно было подумать, что она оказала нам особую честь!

— Может, так и есть, — откликнулся м-р Бэнкс, на мгновение высунув нос из-за газеты и тут же спрятав его обратно.

Когда мать ушла, Джейн и Майк бочком двинулись к Мэри Поппинс, которая продолжала стоять неподвижно, как столб, сложив руки на животе.

— Как вы пришли? — спросила Джейн. — Нам казалось, как будто вас ветром принесло.

— Так и есть, — коротко ответила Мэри Поппинс. И она размотала шарф, сняла шляпу и повесила ее на спинку кровати.

Казалось, Мэри Поппинс не собирается больше ни о чем говорить, поэтому и Джейн тоже помалкивала. Но, когда Мэри Поппинс наклонилась, собираясь распаковать свою сумку, Майк не выдержал.

— Какая смешная сумка! — сказал он, потрогав ее пальцем.

— Ковер! — сказала Мэри Поппинс, вставляя ключ в замочек.

— Ковер?

— В ней ковер?

— Нет! Сделана из!

— Ох! — сказал Майк. — Понятно! — Хотя, по правде говоря, ему далеко не все было понятно.

Тем временем сумка открылась и, к величайшему удивлению Майка и Джейн, оказалась совершенно пустой.

— Вот так так! — сказала Джейн. — Там совсем ничего нет!

— Что значит ничего нет? — спросила Мэри Поппинс, выпрямляясь с таким видом, как будто слова Джейн ее кровно обидели. — Ты сказала: ничего нет?

И с этими словами она достала из совершенно пустой сумки накрахмаленный белый фартук и надела его. Затем она вынула оттуда большой кусок туалетного мыла, зубную щетку, пакетик шпилек, флакон духов, складной стул и коробочку с таблетками от кашля.

Джейн и Майк вытаращили глаза.

— Я же сам видел! — прошептал Майк. — Там совсем-совсем ничего не было!

— Тихо! — шепнула Джейн.

Мэри Поппинс достала из сумки большую бутылку с ярлыком: «Принимать по чайной ложке перед сном!»

К горлышку бутылки была привязана и ложка, и Мэри Поппинс налила в нее темно-малиновую жидкость.

— Это ваше лекарство? — спросил Майк, искренне интересуясь.

— Нет, твое, — сказала Мэри Поппинс, сунув ему ложку под самый нос.

Майк, как он ни был ошеломлен, сморщился и начал протестовать:

— Я не хочу! Мне не нужно! Я не буду!

Но Мэри Поппинс не сводила с него взгляда, и вдруг Майк почувствовал, что невозможно смотреть на Мэри Поппинс и не слушаться. Было в ней что-то такое странное и необыкновенное, что-то, от чего делалось и страшно и весело!

Ложка придвинулась еще ближе. Майк сделал глубокий вдох, закрыл глаза и глотнул.

Блаженная улыбка расплылась по всей его мор-

дашке. Восхитительно! Он проглотил лекарство и облизнулся.

— Клубничное мороженое! — сказал он в восторге. — Вот это да! Еще, еще, еще!

Но Мэри Поппинс все с тем же строгим выражением уже наливала новую порцию — для Джейн. Серебристая желтовато-зеленая жидкость наполнила ложку. Джейн снадобье тоже понравилось.

— Лимонный сок с сахаром, — сказала она и облизала ложку. Но, увидев, что Мэри Поппинс направляется с бутылкой к Близнацам, она попыталась ее остановить.

— Пожалуйста, не надо, ой, пожалуйста! Они еще маленькие! Им это вредно! Пожалуйста!

Однако на Мэри Поппинс это не произвело впечатления. Бросив предостерегающий, свирепый взгляд на Джейн, она поднесла ложку к губам Джона.

Он с жадностью проглотил питье, пролив несколько капель на свой нагрудник, и Джейн и Майк увидели, что на этот раз в ложке было молоко. Потом получила свою порцию Барбара; она почмокала губами и облизала ложку два раза.

А затем Мэри Поппинс налила новую дозу и торжественно приняла ее сама.

— Пунш с ромом, — сказала она, причмокнув, и закрыла бутылку пробкой.

У Майка и Джейн глаза прямо-таки вылезли на лоб от изумления, но только им не пришлось долго удивляться, потому что Мэри Поппинс, поставив чудесную бутылку на каминную полку, обернулась к ним.

— А теперь, — сказала она, — марш в кровати!

И она помогла им раздеться, причем они отметили, что те самые крючки и пуговицы, которые доставляли няне Кэти столько хлопот, у Мэри Поппинс разлетались сами, стоило ей на них взглянуть.

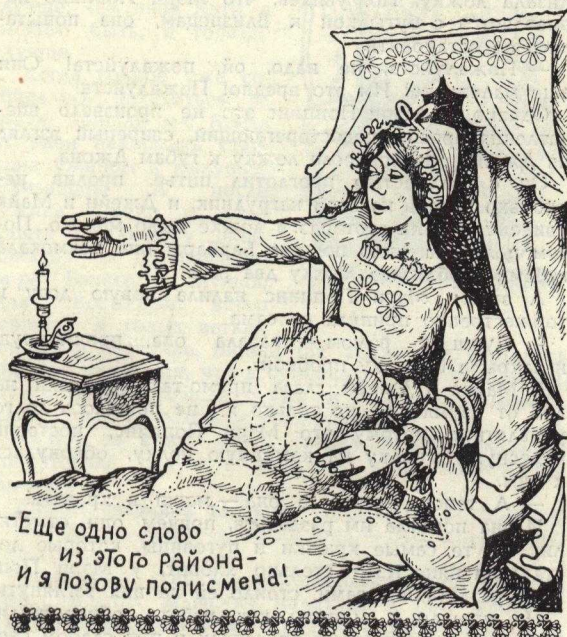
Не прошло и минуты, как ребята обнаружили, что они лежат в своих кроватках и при слабом све-

Она
просто-
напросто
села на перила
и преспокойно
въехала по ним
на верхнюю площадку

те ночника продолжают наблюдать, как Мэри Поппинс заканчивает распаковку вещей.

Из ковровой сумки она достала семь фланелевых ночных рубашек, четыре полотняных, пару туфель, коробку домино, две купальные шапочки и альбом с открытками. Наконец, она вытащила из сумки кровать — раскладушку с одеялами, простынями и даже балдахин — и поставила ее между колыбельками Джона и Барбары.

— Еще одно слово
из этого района —
и я позову полисмена! —

Джейн и Майк сидели в кроватях, поминутно толкая друг друга локтями, и таращили глаза. Сказать они ничего не могли: оба были слишком ошарашены. Но, конечно, оба они понимали, что в Доме Номер Семнадцать по Вишневому переулку происходит нечто поразительное и непостижимое.

А Мэри Поппинс, надев через голову фланелевую ночную рубашку, начала под ней раздеваться, как в палатке.

И тут Майк, совершенно очарованный всем происшедшим, нарушил молчание.

— Мэри Поппинс! — крикнул он. — Вы никогда от нас не уйдете, правда?

Ответа из-под ночной рубашки не последовало.

Встревоженный Майк снова не выдержал.

— Вы от нас не уйдете, правда? — повторил он.

Над ночной рубашкой вынырнула голова Мэри Поппинс. Вид у нее был очень свирепый.

— Еще одно слово из этого района, — угрожающе проговорила она, — и я вызову полисмена!

— Я же только хотел сказать, — начал Майк растерянно, — что мы надеемся, что вы долго-долго будете с нами...

Он заикнулся и замолчал, весь красный и сконфуженный.

Мэри Поппинс молча переводила взгляд с него на Джейн. Потом она презрительно фыркнула.

— Останусь, пока ветер не переменится, — сказала она лаконично, задула свечу и легла в постель.

— Тогда все в порядке, — сказал Майк наполовину про себя, наполовину обращаясь к Джейн.

Но Джейн его не слышала. Она думала обо всем, что произошло, и о том, что еще теперь будет...

*

Вот так Мэри Поппинс поселилась в Доме Номер Семнадцать, в Вишневом переулке. И хотя порой кое-кто вздыхал о тех, более обычных и спокойных днях, когда хозяйством правила няня Кэти, в общем, все же все были рады появлению Мэри Поппинс. М-р Бэнкс был рад, потому что она пришла сама и не задержала уличного движения и ему не пришлось давать шиллинг полисмену. М-с Бэнкс была рада, потому что она теперь могла всем рассказывать, что у ее детей няня настолько современная, что не признает даже рекомендаций. М-с Брилл и Элен были рады, что они могут теперь распивать целыми днями в кухне крепкий чай и не обязаны возглавлять ужины в детской. Робертсон Эй был рад, потому что у Мэри Поппинс была только одна пара ботинок, и она чистила ее сама...

Но никто не знал, что думала об этом сама Мэри Поппинс, потому что Мэри Поппинс никогда никому ничего не говорила...

Мисс Ларк и ее Эдуард

Мисс Ларк жила в соседнем доме.

Но прежде чем мы пойдем дальше, надо тебе обязательно рассказать, что это был за дом — Соседний Дом. Это был очень большой дом, самый, самый большой во всем Вишневом переулке. Даже Адмирал Бум не мог скрыть, что он завидует чудесному дому мисс Ларк, хотя в его собственном доме, как ты помнишь, трубы были, как на настоящем пароходе, а в палисаднике стояла мачта с флагом. И все-таки соседи то и дело слышали, как он, проходя мимо дома мисс Ларк, ворчит:

— Лопни моя селезенка! Зачем этой старой деве понадобились такие хоромы?

А завидовал Адмирал Бум тому, что в доме у мисс Ларк было два входа. Один парадный — для друзей и родственников мисс Ларк, а второй — для молочника, мясника и булочника.

Однажды булочник ошибся и вошел входом, предназначенным для друзей и знакомых, и мисс Ларк так рассердилась, что сказала, что больше никогда в жизни не будет есть хлеба!

В конце концов ей, правда, пришлось простить булочника, потому что только он один во всей округе умел печь маленькие булочки с хрустящей корочкой. И все-таки она с тех пор недолюбливала его, и, приходя с булками, он так натягивал шляпу на глаза, чтобы мисс Ларк могла подумать, что это не он, а кто-нибудь другой. Но она никогда этого не думала...

Джейн и Майк всегда знали, когда мисс Ларк ходит в сад или идет по переулку, потому что она носила столько брошек, ожерелий и серег, что вся звенела и гремела, как полковой оркестр.

И когда бы она ни встретила ребят, она всегда говорила одно и то же:

— Добрый день! (Или «доброе утро», если это было утром.) Ну, как мы себя чувствуем?

Ни Джейн, ни Майк так никогда и не могли до конца понять, о чем мисс Ларк спрашивает: как чувствуют себя Джейн и Майк или как чувствуют себя они сами — мисс Ларк и Эдуард.

Так что они просто отвечали:

— Доброе утро! (Или, естественно, «Добрый день!», если время было послеобеденное.)

День-деньской ребята, где бы они ни находились, слышали, как мисс Ларк кричит (очень громким голосом) что-нибудь вроде:

— Эдуард, где ты?

— Эдуард, не выходи без пальто!

— Эдик, иди к мамочке!

Посторонний человек, конечно, решил бы, что Эдуард — это мальчик. Между прочим, Джейн была уверена, что мисс Ларк и считает Эдуарда маленьким мальчиком. Но Эдуард — это был не мальчик. Это был песик, маленький, шелковистый, пушистый песик, из тех, кого вполне можно принять за меховую муфту, пока он не начнет лаять. Но, конечно, когда он залает, тут уж не ошибешься и поймешь, что это собачка. Никогда в жизни ни одна муфта не поднимала такого шума!

Так вот, этот Эдуард вел такую роскошную жизнь, что вы могли подумать, будто это Шах Персидский инкогнито. Он спал на шелковой подушке в комнате мисс Ларк; он два раза в неделю ездил на машине к парикмахеру — мыться шампунем; к обеду, завтраку и ужину ему подавали сливки, а иногда — устриц; и у него было четыре пальто, в полоску, и в клеточку, и все разных цветов! Словом, в будни у него было полным-полно таких вещей, которые у простых смертных бывают только в день рождения; а когда у Эдуарда был день рождения, на его именинный пирог ставили по две свечи за каждый прожитый им год, вместо одной, как делают обычно.

Результат всего этого был тот, что Эдуарда терпеть не могли во всей округе. Все соседи покатывались со смеху, когда Эдуард проезжал мимо них на заднем сиденье машины мисс Ларк, направляясь к парикмахеру, укрытый до колен меховой полостью, в своем шикарном пальто.

А в тот день, когда мисс Ларк купила ему две пары кожаных ботиночек, чтобы он мог гулять по парку в сырую погоду, — весь переулочек собрался возле ограды посмотреть на Эдуарда и похихикать в кулак.

— Фу! — сказал Майк в один прекрасный день, когда он и Джейн наблюдали за Эдуардом сквозь

изгородь, отделявшую Дом Номер Семнадцать от Соседнего Дома. — Фу! Он просто ничтожество!

— Откуда ты знаешь? — спросила Джейн, очень заинтересованная.

— Я знаю, потому что папа так его назвал сего дня утром.

— Он вовсе не ничтожество! — сказала Мэри Поппинс. — И весь разговор!

И Мэри Поппинс была права. Эдуард вовсе не был ничтожеством, как вы очень скоро увидите.

Не нужно думать, что он не уважал мисс Ларк. Он ее уважал. Он даже по-своему любил ее. Разве мог он плохо относиться к той, которая была так добра к нему всю жизнь — с тех пор, когда он был еще щеночком, даже если она и целовала его слишком часто. Но не было никакого сомнения в том, что жизнь, которую вел Эдуард, надоела ему хуже горькой редьки. Он с радостью отдал бы половину своего состояния, если бы оно у него было, за честный кусок простого сырого мяса, вместо куриной грудки или рубленых яиц, которыми его обычно потчевали.

Потому что в глубине своей души Эдуард мечтал стать нормальной, обыкновенной дворняжкой. Он никогда не мог пройти мимо своей родословной (висевшей на почетном месте в гостиной мисс Ларк) без дрожи стыда. Сколько раз он мечтал о том, чтобы у него не было ни отца, ни бабушки, ни прабабушки, и мисс Ларк не могла поднимать из-за них столько шума...

Недаром он и дружил только с одними дворнягами. Едва ему удавалось вырваться, он мчался к калитке и сидел там, поджидая какую-нибудь дворнягу, с которой он мог бы потолковать о жизни — о нормальной собачьей жизни. Но как только мисс Ларк замечала это, она непременно поднимала крик:

— Эдик, Эдик, иди домой, дорогой мой! Не приходи к этим ужасным уличным собакам!

Увы, Эдуарду приходилось идти домой, потому что иначе мисс Ларк не постеснялась бы принести его домой и тем самым осрамить навеки. И несчастный Эдуард краснел и мчался опрометью по лестнице, чтобы друзья не слышали, как она называет его своим Золотком, своей Радостью, своим Сахарочком...

Самый закадычный друг Эдуарда был не просто дворнягой — он был Притчей во языцех. Он был наполовину эрделем, наполовину легавой, причем обе половины были худшие. Где бы на улице ни происходила кража, он непременно оказывал-

ся в самой гуще; он постоянно имел неприятности с Почтальоном и Полисменом и больше всего на свете любил рыться в помойках и сточных канавах. Словом, он был действительно Притчей во языцех всего переулка, и многие вслух выражали свою радость, что это не их собака.

Но Эдуард любил его и постоянно с нетерпением ждал встречи со своим другом. По большей части им, правда, удавалось лишь мимолетно обнюхаться в парке, но иногда, если им везло, что бывало очень, очень редко, — они вели длинные беседы через забор. Тогда-то Эдуард узнавал от своего друга все городские новости и сплетни, причем грубый смех дворняги явно говорил о том, что рассказы его не особенно приличные..

И тут вдруг приятную беседу прерывал визгливый голос мисс Ларк, звавшей Эдуарда из окна, и гость, высунув ей язык, подмигивал Эдуарду и неторопливо удалялся, повиливая своей задней частью с видом полнейшего презрения.

Эдуарду, конечно, никогда не разрешалось выходить за ворота одному — он мог выйти либо с мисс Ларк на прогулку в парк, либо с одной из ее служанок к парикмахеру или маникюрье.

Представьте же себе удивление Джейн и Майка, когда они увидели, что Эдуард, один-одинешенек, мчится мимо них по парку, прижав уши и подняв хвост, словно он напал на след тигра. Мэри Поппинс рывком приподняла коляску, чтобы Эдуард не налетел на нее и не опрокинул вместе с Близнецами. А Джейн и Майк радостно завопили.

— Эй, Эдуард! Где твое пальто? — крикнул Майк, стараясь передразнить высокий, визгливый голос мисс Ларк.

— Эдуард! Ах ты, нехороший мальчик! — крикнула Джейн, и, конечно, так как она была девочка, голос мисс Ларк получился у нее гораздо лучше.

Но Эдуарда только презрительно покосился на них и громко пролаял что-то Мэри Поппинс.

— Гав-гав! Ррр-гав-гав-гав!

— Сейчас, дай подумать. Ага! По-моему, первый поворот направо, а там — второй дом на левой стороне, — сказала Мэри Поппинс.

— Гав? — сказал Эдуард.

— Нет, там нет садика. Просто задний двор. Ворота обычно открыты.

Эдуард опять залаял.

— Точно не знаю, — сказала Мэри Поппинс, — но думаю, что да. Он обычно дома в это время.

И Эдуард, кивнув головой, понесся галопом дальше.

От удивления глаза у Джейн и Майка были круглые, как блюдечки.

— Что он говорил? — спросили ребята хором.

— Да просто так, разные пустяки... — ответила Мэри Поппинс и сжала губы так плотно, словно твердо решила не выпустить изо рта больше ни одного слова. Джон и Барбара ворковали в коляске.

— Нет, не пустяки! — выпалил Майк.

— Не просто так! — поддержала Джейн.

— Ну, конечно, вы лучше знаете. Как всегда! — презрительно сказала Мэри Поппинс.

— Он, наверно, спрашивал вас, где кто-то живет, — начал Майк.

— Что ж, если ты сам знаешь, зачем приставать ко мне с вопросами? — фыркнула Мэри Поппинс. — Я не энциклопедия!

— Майк, — шепнула Джейн, — она нам ничего не скажет, если ты будешь так разговаривать. Пожалуйста, Мэри Поппинс, скажите нам, что Эдуард вам говорил, пожалуйста!

— Спроси у него! Он знает — мистер Всезнай-ка! — сказала Мэри Поппинс, сердито кивнув в сторону Майка.

— Ой, нет, я не знаю! Честное слово, не знаю! Скажите!

— Половина четвертого. Пора пить чай, — сказала Мэри Поппинс и, круто развернув коляску, покатила ее домой, сжав губы еще крепче, словно заперла рот на замок. И всю дорогу домой она не проронила ни слова.

Джейн с Майком немного отстали.

— Это ты виноват, — сказала Джейн. — Теперь мы никогда ничего не узнаем.

— Ну и ладно, — сказал Майк. И изо всех сил разогнал свой самокат. — Я и не хочу знать!

Но он, конечно, ужасно хотел знать. И случилось так, что и он, и Джейн, и все остальные все узнали еще до чая.

Они были уже напротив своего дома и собирались перейти улицу, как вдруг они услышали громкие крики в Соседнем Доме и увидели, удивительную картину. Обе горничные мисс Ларк носились как безумные по саду, то заглядывая под кусты, то на верхушки деревьев, как будто они разыскивали потерянное сокровище. Там же был и Робертсон Эй из Дома Номер Семнадцать, с деловым видом разметававший гравий на дорожке сада мисс Ларк, словно он надеялся найти пропажу под камушком. Сама мисс Ларк бегала по саду, ломая руки и крича:

— Эдуард, Эдуард! О боже, он пропал! Мой дорогой мальчик пропал! Надо послать за полицией! Я поеду к премьер-министру! Эдуард пропал! О боже! О боже!

— Бедная мисс Ларк! — крикнула Джейн и кинулась через дорогу. Ей было все-таки очень жалко мисс Ларк.

Но по-настоящему утешил мисс Ларк не кто иной, как Майк. Как раз подходя к своей калитке, он оглянулся и вдруг в конце переулка что-то увидел.

— Эй, вон Эдуард, мисс Ларк! Посмотрите, вон там, на углу, возле дома Адмирала Бума! — закричал Майк.

— Где, где он? Покажи мне! — задыхающимся голосом молила мисс Ларк и впиалась глазами туда, куда он ей показывал.

И там действительно был Эдуард. Он шел не спеша, с невозмутимым видом, словно ему наплевать на все на свете, а рядом с ним семенил огромный пес, казавшийся наполовину эрделем, наполовину легавой (причем обе половины были, как ты помнишь, худшие) ..

— О боже, какое счастье! — возопила мисс Ларк, громко вздыхая. — Какой камень свалился с моей души!

Мэри Поппинс и ребята приостановились у калитки; мисс Ларк и обе ее горничные перевесились через забор; Робертсон Эй, отдыхая от трудов праведных, оперся на щетку, и все в молчании ожидали возвращения Эдуарда.

А Эдуард и его друг важно шествовали по направлению к дому, небрежно повиливая хвостами и насторожив уши, и по выражению глаз Эдуарда вы могли понять: какие бы у него ни были намерения — это были серьезные намерения.

— Боже! Эта ужасная собака! — пролепетала мисс Ларк, разглядев спутника Эдуарда. — Пшел! Пшла! Марш отсюда! — закричала она.

Но пес вместо ответа просто-напросто уселся на тротуар, почесал правой ногой левое ухо и зевнул.

— Пшел! Вон! Пошел, говорят тебе! — сердито

замахала на него руками мисс Ларк — А ты, Эдуард, — продолжала она, — иди домой сию минуту! Как ты мог так уйти — совершенно один и без пальто! Я тобой очень недовольна!

Эдуард лениво тявкнул, но не двинулся с места. — Что это значит, Эдик? Иди немедленно домой! — настаивала мисс Ларк.

Эдуард опять тявкнул.

— Он говорит, — вмешалась Мэри Поппинс, — что он не собирается возвращаться домой.

Вон Эдуард, мисс Ларк!
Закричал Майк

Мисс Ларк обернулась и смерила Мэри Поппинс презрительным взглядом.

— Откуда это вы можете знать, что говорит моя собака, позвольте узнать? Конечно, он сейчас же пойдет домой.

Однако Эдуард только энергично затряс головой и что-то проворчал.

— Он не пойдет, — сказала Мэри Поппинс. — Не пойдет без своего друга.

— Какие глупости! — сердито сказала мисс Ларк. — Как будто я впусти эту безобразную дворнягу в свой садик!

Эдуард пролаял три или четыре раза.

— Он говорит, что он так решил, — сказала Мэри Поппинс. — И более того, он уйдет и будет жить со своим другом, если его другу не позволят жить здесь с ним.

— Эдуард, как ты можешь, как ты можешь так говорить, после всего, что я для тебя сделала! — Мисс Ларк чуть не плакала.

Эдуард тявкнул и отвернулся. Большой пес встал. — О боже, он уходит! Я вижу, он хочет уйти! — рыдала мисс Ларк.

Она минутку поплакала в платочек, потом высморкалась и сказала:

— Что ж, хорошо, Эдуард! Я сдаюсь. Пусть эта... эта дворняжка останется у нас. Пусть она спит в угольном погребе.

— Он заявляет, мэм, что это невозможно. Его друг тоже должен спать на шелковой подушке в вашей комнате, как и он. Иначе он будет спать в погребе со своим другом, — сказала Мэри Поппинс.

— Эдуард, как тебе не совестно! — простонала мисс Ларк. — Я никогда на это не соглашусь!

Эдуард ясно дал понять, что он собирается уходить. То же сделал и большой пес.

— О боже, он покидает меня! — взвизгнула мисс Ларк. — Эдик, Эдик, я согласна! Пусть будет так, как ты хочешь. Он будет спать в моей комнате, хорошо! Но моя жизнь теперь навсегда разбита, навсегда, навсегда! Такая ужасная дворняжка!

Она вытерла свои мокрые глаза и продолжала:

— Я никак этого от тебя не ожидала, Эдуард. Больше я ничего не скажу! Пусть все, что я думаю, останется у меня в груди. А это ммм... животное я буду звать Шариком, или Бобиком, или...

Тут большой пес взглянул на мисс Ларк с величайшим презрением, а Эдуард громко залаял.

— Они говорят, вы должны звать его Варфоломеем, и никак иначе, — сказала Мэри Поппинс. — Его имя Варфоломей!

— Варфоломей! Что за имя! Этого еще не хватало! — в отчаянии пролепетала мисс Ларк. — Что он еще говорит?

Эдуард опять лаял.

— Он говорит, что вернется только при условии, что вы никогда не будете заставлять его носить пальто и не станете посылать к парикмахеру. Это — его последнее слово! — сказала Мэри Поппинс.

Наступило молчание.

— Что ж, очень хорошо, — сказала мисс Ларк наконец. — Но я тебя предупреждаю, Эдуард: если ты простудишься и умрешь — пеняй на себя!

С этими словами она повернулась и с высоко поднятой головой пошла в дом, по дороге глотая слезы и шмыгая носом.

Эдуард наклонил голову к Варфоломею, словно говоря: «Пошли!»

И обе собаки бок о бок не спеша проследовали по садовой дорожке, подняв хвосты, как флаги, и вошли в дом следом за мисс Ларк.

— Да, как видишь, он оказался не таким уж ничтожеством, — сказала Джейн, когда ребята напились чаю.

— Нет! — согласился Майк, — но, как ты думаешь, откуда Мэри Поппинс это знала?

— Не знаю, — сказала Джейн. — А она нам никогда-никогда не скажет. Никогда...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

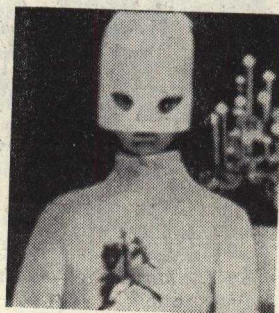
ПЕРВЫЕ ИЕРОГЛИФЫ

Знаете, когда в Японии начинается учебный год? Первого апреля. В этот день первый раз надевают желтые ранцы шестилетние малыши и вместе со старшими школьниками отправляются на урок.

Учиться в японской школе гораздо труднее, чем в русской. Уже в начальных классах ребята должны выучить почти тысячу иероглифов и две азбуки по семьдесят букв. Но маленькие японцы занимаются очень прилежно.

Метро в Каире

Число жителей Каира быстро растет, и автобусы уже не справляются с перевозкой пассажиров. Поэтому каирцы решили построить метро. Иностранные инженеры предложили им десятки разных проектов. Но почти все проекты каирцы отклонили как неудобные и дорогостоящие. И только один одобрили — проект советских метростроителей. По мысли наших инженеров, метро в египетской столице будет неглубоким (не глубже десяти метров), строить его будут с поверхности земли, как траншею, и лишь потом уложат над тоннелем железобетонные плиты.

Американская мода

Дженетт Хоулетт, дочь богача-скотопромышленника из Чикаго, вышла замуж за сына «короля гангстеров». На свадьбу собралось тысяча гостей — все «сливки» уголовного мира США. И переодетым агентам полиции удалось кое-кого из преступников сфотографировать.

Чтобы этого больше не повторилось, нью-йоркские законодатели моды придумали новые модели для бандитов и их невест под названием «гангстерские маски».

ОХОТА НА ЛЬВОВ

На автострате южнее французского города Лилля происходила необыкновенная охота. Двести пятьдесят полицейских ловили... львов. Эти львы — их было шесть — убежали из зоопарка.

Самый высокий человек

Как сообщает одна африканская газета, в Трансваале живет человек, рост которого — два метра семьдесят пять сантиметров. Зовут его Джон Камуянга.

Из-за своего огромного роста Камуянга не может кататься на велосипеде или мотоцикле. Не помещается великан и в легковом автомобиле. Зато пешком он передвигается быстрее всех.

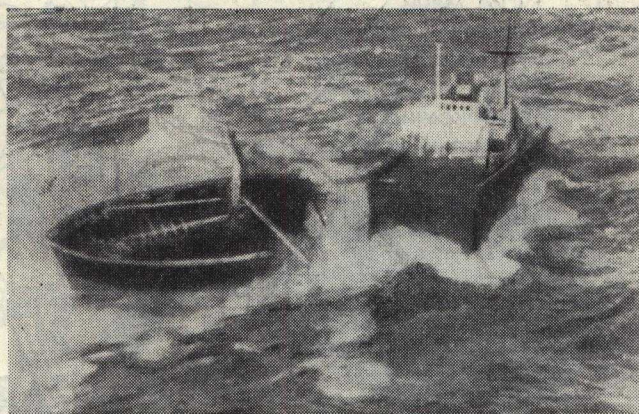
ОСЛИК - МАЛЮТКА

Обычно ослы носят поклажу, а этот сам уселся в саквояж. Может быть, малыш только что родился? Нет, он уже взрослый. Такую породу осликов-лилипотов вывел англичанин Рон Бревер. Специально для удовольствия и развлечения детей.

Черепаша Кука

В Нуку Альфа, главном городе тихоокеанских островов Тонга, скончалась черепаха Кука. Английский путешественник Джеймс Кук подарил ее королю Тонга в 1777 году. Почти двести лет жители острова заботливо ухаживали за исторической черепахой. У нее даже был особый привратник.

Кораблекрушение

Это случилось недалеко от канадской гавани Галифакс. Грузженный танкер наскочил на мель и сломался пополам. Люди спаслись. Но нефть, разлившаяся из танкера, грозит погубить богатейшие рыбные промыслы.

ПОЛМИЛЛИОНА РАБОВ

«Цветным и собакам вход воспрещен» — такую надпись в Южно-Африканской Республике можно прочесть на дверях и воротах магазинов, кинотеатров, стадионов, вокзалов, церквей, телефонных будок и кладбищ. «Цветные» живут на особой территории, за такими вот решетками, будто узники в тюрьме. Выходить в «белые районы» они могут только по пропускам.

Однажды Ионас Мбогво забыл дома свой пропуск. Полицейский поймал его и поволок в участок. Суд был скорый и неправый: Ионаса обвинили в бродяжничестве и приговорили к штрафу в тридцать шиллингов, или к десяти дням тюремного заключения, или принудительным работам. Наказание посчитали даже мягким: как-никак Ионасу было только тринадцать лет. Но откуда взять деньги? А в тюрьму идти страшно. И мальчик выбирает работу...

У зданий южноафриканских судов всегда стоят грузовики плантаторов, поджидающие бесплатных рабов. Ведь таких приговоров, как этот, судьи-расисты выносят полмиллиона в год!

К
Р
У
Г
О
С
В
Е
Т
К
А

Т. БЕЛОЗЕРОВ
Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

КРУГЛЫЙ ГОРОД

Есть город
На острове
Мимонепнут,
В котором одни
Футболисты живут.
Врачи, повара,
Водовозы, артисты,
Горнисты, художники —
Все футболисты.
У каждого дома
Разбиты бахчи,
Под листьями зреют
Тугие мячи.
Срывают, пинают их
Мимонепнутцы,
Мелькают в траве
Темнокожие бутсы!
И каждый, как музыку,
Слушать готов
Веселые трели
Судейских свистков!

И все здесь такое
Веселое, смуглое,
Как солнце,
Как спелое яблоко,
круглое!

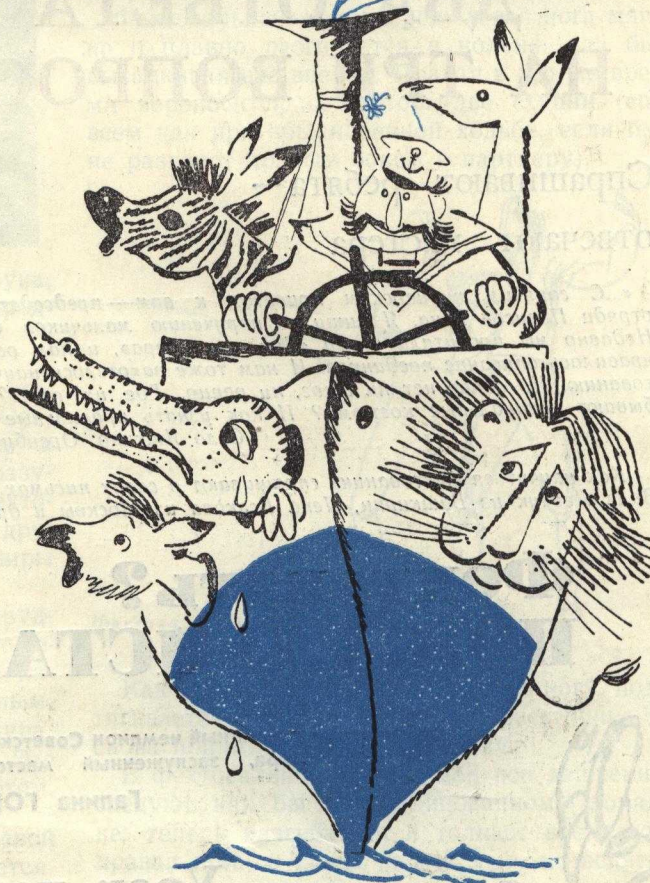
Круглые парки,
Фонтаны и площади,
Круглые окна,
Автобусы, лошади.
Круглые булки
С вареньем пекут
Жителям города
Мимонепнут!
А ночью под шорох
Далекой волны
Задумчиво катится
Шарик луны
По звездному полю
В ворота зари...
И машут руками
Во сне
Вратари!

На палубе,
Где ветром
Натянут каждый трос,
Весь день маячит зебра,
Как вахтенный матрос.
В проветренном салоне,
Усталые от сна,
Глядят на берег пони
Из круглого окна.
Похрустывают лани
Былинками травы,
Рычат в кают-компани
Вздохмаченные львы...
Грызет от злости пума
Березовый настил,
А в жарких недрах трюма
Тоскует

крокодил.
Зовет далекий берег...
И, сытые, в тепле,
Плывут в каютах звери,
Скучая
О земле.

КЛУБ ФОРВАРДОВ

ТРЕТИЙ ТУР (№ 8)

1. Первый матч первого чемпионата СССР состоялся 22 мая 1936 года в Ленинграде. Честь открытия чемпионата выпала на долю

московского «Локомотива» и ленинградского «Динамо». Первый гол в истории чемпионатов страны забил москвич Лавров, однако победили ленинградцы со счетом 3:1. Лучшим бомбардиром первого чемпионата стал московский динамовец М. Семичастный, забивший 6 мячей.

2. Рекорд результативности в одном матче установило московское «Динамо» в первом круге чемпионата страны 1945 года, выиграв у команды «Крылья Советов» (Москва) со счетом 10:0. Спустя четыре года эта же команда забила 10 мячей в ворота донецкого «Шахтера» (10:1), а в 1964 году достижение «Динамо» повторила команда ЦСКА в матче с ярославским «Шинником» (10:2).

3. Ногой выбивать мяч из рук вратаря нельзя. Это расценивается как опасная игра, и судья должен назначить свободный удар в сторону команды, игрок которой напал на вратаря.

4. Забитый со штрафного удара гол засчитывается, а со свободного — лишь в том случае, если мяч коснулся кого-нибудь из игроков.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТУР (№ 11)

1. В чемпионатах мира трижды участвовал Л. Яшин. Дважды участвовали: Л. Островский, В. Воронин, С. Метревели, И. Численко и Г. Хусаинов.

2. Самым результативным игроком нашей сборной в мировом чемпионате 1966 года был В. Паркуян. Играв в трех матчах, он забил 4 мяча: два в ворота сборной Чили, по одному в ворота Венгрии и ФРГ.

3. В матче Англия — ФРГ мяч, ударившись о перекладину, приземлился за линией ворот, а уже потом отскочил в поле. Это зафиксировал наш судья Т. Бахрамов, помогавший на линии.

4. В отличие от наших правил на чемпионатах мира не разрешаются никакие бы то ни было замены игроков во время игры.

ДВА ОТВЕТА НА ТРИ ВОПРОСА

Спрашивают ребята —
отвечают мастера

«...С горячим пионерским приветом к вам — председатель совета отряда Пелисов Гена. Я пишу по поручению мальчиков 6-6 класса. Недавно мы прочитали книгу «Три мушкетера», и нам особенно понравилось описание поединков. И нам тоже захотелось научиться фехтованию. Но у нас нет ни шпага, ни рапир. Где их взять? И какие бывают специальные костюмы? И как узнать правильные приемы?..»
* Село Яшкино, Оренбургской обл.

Как научиться фехтованию, спрашивают в своих письмах и девочки: Валя Левчук из Башкирии, Лена Есакдова из Москвы и другие.

Фехтовать? ПОЖАЛУЙСТА!

Отвечает пятикратный чемпион Советского Союза,
чемпион мира, заслуженный мастер спорта

Галина ГОРОХОВА

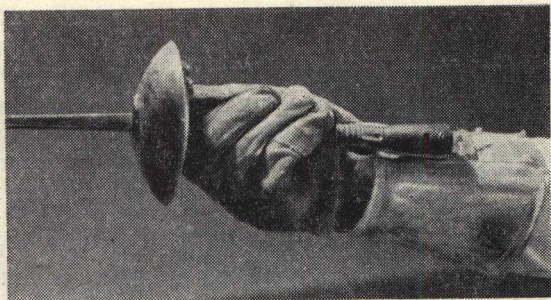

Урок первый

Давайте, друзья, сразу условимся: фехтование не драка. Это благородный, смелый и, я бы сказала, учтивый спорт. Фехтовальщик, потерявший хладнокровие, ослепленный яростью, имеет очень мало шансов победить. А между тем часто случается видеть, как фехтующие во дворах мальчишки беспорядочно наносят друг другу не уколы, а удары куда попало, в слепом азарте размахивая самодельными шпагами или заменяющими рапиры палками. Попросту говоря, лупят друг друга. Так в спортивном фехтовании не действуют. Фехтующим следует стоять друг против друга в боевой стойке на расстоянии выпада или на расстоянии, позволяющем соединить концы рапир. Однако начнем с начала, так сказать, с фехтовальной азбуки.

Вот перед вами три вида спортивного оружия: шпага, рапира, сабля. Обучение обычно начинают с рапиры. Рапира состоит из клинка, гарды, рукоятки и гайки. Клинок должен быть эластичным и гибким, с предохранительным наконечником на острие. Гарда защищает кисть руки.

Так держат рапиру. Вооруженная рука, как видите, в перчатке. И кисть и предплечье развернуты вверх.

Уколы рапирой засчитываются лишь те, что нанесены в поражаемую зону. Спереди — это корпус от ключиц до бедер, а сзади — спина до пояса. Само собой разумеется, что в спортивном поединке фехтовальщики не стремятся проткнуть друг друга. Укол — легкое касание концом рапиры какой-либо точки в поражаемой зоне.

Оба партнера защищены стеганным нагрудником, как тот, что вы видите на мне. Его нетрудно сделать самим. Тренировочный нагрудник не обязательно должен быть белым. Зато достаточно плотным, чтобы рапира, упершись в него, лишь слегка изогнулась. Это и есть укол. Но об уколах подробнее потом.

Фехтовальный поединок ведется в боевой стойке. Посмотрите, как она делается. Стопы ног ставятся под углом 90° , на расстоянии в полторы-две ступни одна от другой. Ноги сгибаются так, чтобы правое колено находилось над серединой правой стопы, а левое — над носком левой стопы. Тяжесть тела распределяется равномерно на обе ноги.

Рука с рапирой полусогнута. Локоть этой руки отстоит от туловища на расстоянии в одну-полторы ладони. Туловище правым боком повернуто к партнеру. Голова тоже обращена к нему.

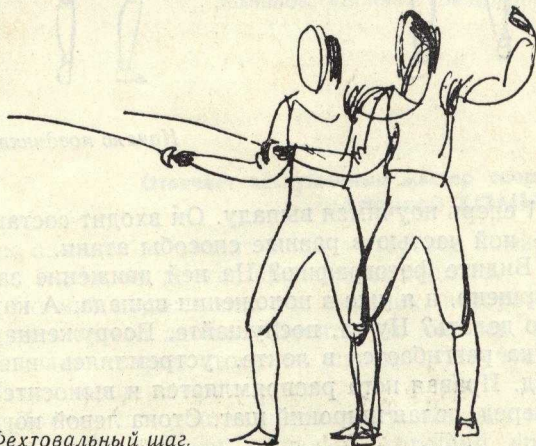
(Для левой — все «наоборот», как бы в зеркальном отражении. Это относится и ко всем следующим приемам.)

Очень важно, чтобы напряжение мышц в боевой стойке было не «окаменелым», а упругим, позволяющим непринужденно и быстро перейти к движению: к выпаду, к фехтовальному шагу.

Фехтуя, необходимо сближаться с противником для нанесения укола, а при его атаке — отходить назад. Основные приемы для

сближения и отхода — фехтовальный шаг вперед и шаг назад.

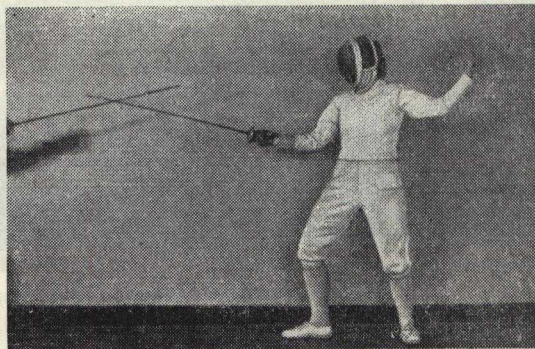
Фехтовальный шаг вперед: левая нога мягко и плавно разгибается в колене, как бы выталкивая вас вперед. Правая в это же время переносится на полторы-две ступни (совсем как при обыкновенной ходьбе, если бы не разворот правым боком к партнеру).

Фехтовальный шаг.

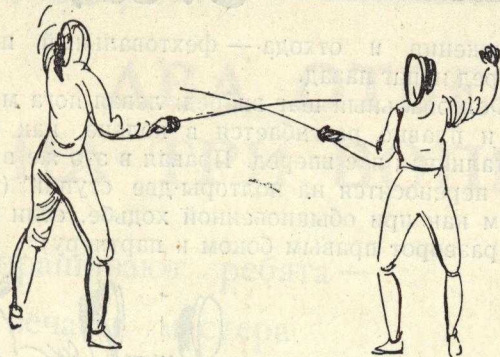
Как только вы перенесли правую ногу, подтягиваете левую на такое же расстояние и снова принимаете боевую стойку.

В фехтовальном шаге назад все движения следуют как бы в «перелицованном» порядке: теперь разгибается и толкает вас назад правая нога, а левая делает шаг, но вспять.

При отходе и правую и левую ногу ставят с носка на всю ступню, как бы перекачивая стопу.

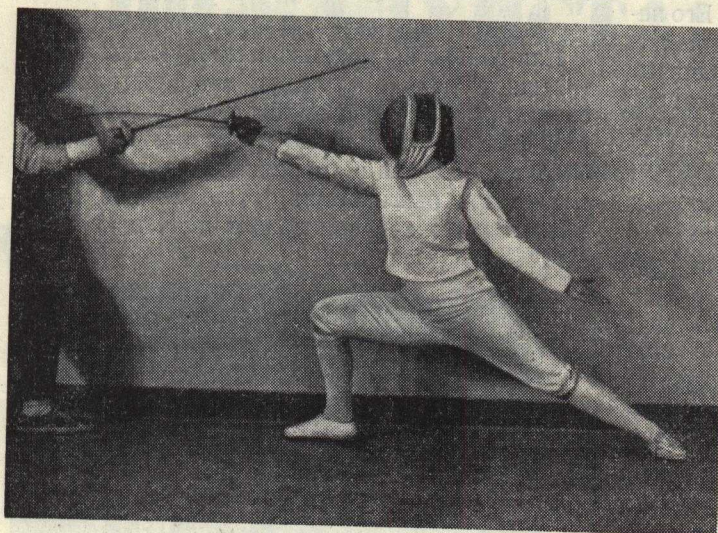
При передвижении фехтовальным шагом корпус не должен ни наклоняться вперед, ни откидываться назад, ни «нырять» вверх и вниз. Он как бы плавает все время на одной высоте от пола.

Начало поединка.

Теперь поучимся выпаду. Он входит составной частью в разные способы атаки.

Видите фотографию? На ней движение завершено, и я уже в положении выпада. А как его делать? Ну-ка, послушайте. Вооруженная рука разгибается в локте, устремляясь вперед. Правая нога распрямляется и выносится вперед, делая широкий шаг. Стопа левой ноги

остаётся на месте, в упоре, а нога выпрямляется до предела. Она при этом действует, как пружина, усиливая ваше движение вперед. Левая рука, разогнувшись в локте, тоже помогает этому. И вот — выпад. Посмотрите еще разок внимательно на фотографию. Видите? Правая нога согнута в колене под прямым углом. Корпус вертикален. Распрямленная левая нога опирается на всю ступню. Заметьте, что угол между левой и правой стопой по-прежнему 90° , как и в боевой стойке!

А как вернуться из выпада в боевую стойку? После атаки это обязательно. Левую ногу согните, а правую разогните до нужного положения (туловище при этом отваливать назад нельзя). В выпаде вооруженная рука была вытянута по движению; левая, тоже разогнутая, немного наклонена вниз. Не забудьте и руки «водворить на место».

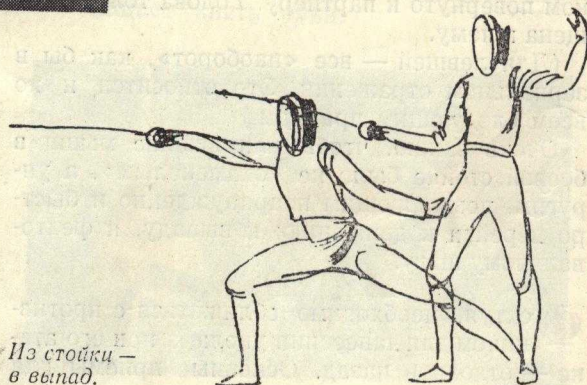
На первый раз хватит. Отрабатывайте эти движения, чтобы к следующему уроку исполнять их так же легко и уверенно, как несете ложку ко рту или раскрываете книгу. Для этого надо много раз повторять одно и то же движение, пока оно не станет привычным.

А тогда, на следующих уроках, перейдем к разучиванию приемов нападения и защиты.

Как быть с оружием? Могу вас порадовать. Создана модель гибкой, легкой и прочной пластмассовой рапиры для ребят. Сейчас ваши взрослые друзья хлопчут, чтобы ее пустить в производство. А что делать, пока этих рапир нет? Во всяком случае, не на палках драться! Они ведь не гибкие. Ими не научишься. Уж если самоделька, так лучше вырезать гибкий и прочный прут. Годится для этого и тальник, годится и орешина и рябина. Острие прута обмотайте изоляционной лентой, медицинским пластырем, в крайнем случае бинтом на клею. Как смастерить и приладить гарду, придумайте сами.

И еще уговор: каждое утро — зарядка; перед тренировкой — короткая разминка, вроде той, какую делают и лыжники и бегуны, чтобы придать суставам подвижность, а связкам эластичность.

Успехов вам!

Из стойки — в выпад.

«Дорогой Алексей Петрович Хомич! Я тоже вратарь. Конечно, у меня не всегда получается. Когда был недавно у нас матч с командой другого двора, я стоял в воротах. Хоть и старался, а все же мы проиграли со счетом 10:0! Ребята после игры мне сказали: «Ты хорошо стоял». Но какое это хорошо, если такой счет! А я обязательно добьюсь, чтобы не пропускать мячей...»

(Из письма Саши Чалева. Шахтинск.)

«...Просто не знаем, что делать! Наша команда «Волна» осталась без вратаря. То есть не совсем без вратаря. Вратарь есть, но, после того как ему забили гол, он не хочет становиться в ворота. А второй вратарь играет куда слабее первого. Как нам быть? И какие качества должен иметь вратарь? И можно ли их в себе развить?»

(Из коллективного письма дворовой команды «Волна». Белгород)

«ЧАСОВЫМ ТЫ ПОСТАВЛЕН У ВОРОТ...»

Надо сказать вам, ребята, что в этих двух письмах уже таится ответ, только не сразу его заметишь.

Да полно, так ли уж хорош ваш вратарь, ребята из Белгорода? Я имею в виду того, который не хочет становиться в ворота с тех пор, как ему забили гол. Либо это человек нестойкого характера, отступающий при первом поражении, либо это эгоист, который лич-

ное самолюбие ставит выше интересов команды. Ни то, ни другое вратарю не годится.

По мне куда лучше тот паренек, которому десять мячей забили. Десять! А он все не унывает, твердо стоит на своем: «Научусь! Стану хорошим вратарем!»

Вот мы и подошли к главному. Какими же качествами должен обладать хороший вратарь? Я не буду на этот раз говорить о пры-

Отвечает заслуженный мастер спорта
Алексей ХОМИЧ

История, написанная на льду

О мои юные друзья, любители гонять по льду черную лепешку, именуемую шайбой!

Когда хоккейная команда, организованная моим мудрым дру-

гом Волькой иби-Алешей (лучшим из Волек, когда-либо ломавших клюшки), одержала несколько побед, ее организатор решил для подготовки к следующим соревнованиям привлечь к тренировкам специалиста.

— Понимаешь, Хоттабыч, — обратился ко мне иби-Алеша, — пора нажать на технику. Сегодня вместе с нами на лед выйдет мой старый товарищ Женька, который играет в детской команде «Спартак». Он покажет нам много специальных приемов. А ты станешь за воротами и будешь зажигать красную лампочку каждый раз, когда шайба окажется в сетке.

— Слушаю и повинуюсь, — ответил я, — хотя мне не совсем понятно, как ты собираешься «нажимать» на технику. Я вполне допускаю, что твой Женька многому научился у знаменитого

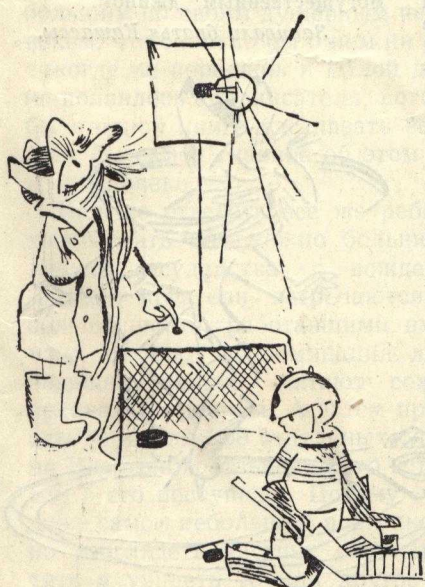
Спартак. Я только не стал бы зря расходовать так много электроэнергии, зажигая красную лампочку. Ведь если мы израсходуем красный свет, его не хватит для светофоров.

И тренировка началась. Все юные спортсмены бегали на коньках по льду, падали, бросали по воротам шайбу, но не все могли попасть. Некоторые после броска теряли равновесие и падали на лед. Стоявший около меня Женька все время сердито качал головой и укоризненно кричал что-то. Не выдержав я и обратился к нему: — Чем ты недоволен, о, светило ледяной площадки?

— Знаешь, Хоттабыч, очень уж у них примитивная техника.

— О первейший из параграфов хоккейных правил, — рассердился я, — забей шайбу знания в ворота моего невежества. Покажи, как нужно играть.

И Женька вышел на лед и стал показывать приемы, которым он научился у храброго и могучего Спартак. Он красиво водил шайбу по полю и метко бросал по воротам, ни разу не промахнувшись. Своей великолепной игрой он за-

Репортаж ведёт...
Хоттабыч

гучести, об акробатической ловкости, о молниеносной реакции, о «чувстве мяча», о точности движений. Поговорим о характере, о душевных качествах вратаря.

Начнем с того, что вратарю всего труднее в команде. Ему, как саперу, ошибаться нельзя. Каждая ошибка вратаря — гол! Ошибется защитник — его подстрахует партнер, да и вратарь за спиной стоит. Пробыл мимо ворот нападающий — начнет новую атаку. Только за спиной вратаря нет никого. Его промах никому исправить. Он последняя надежда, последний заслон. Вот отчего ему больше чем кому-либо другому в команде необходимы собранность, мужество, хладнокровие, умение сосредоточиться.

Всегда были необходимы, а сейчас, в современном футболе, — особенно. Сейчас вратарь не просто страж ворот. Он руководит действиями защитников и полузащитников, направляет их в наиболее опасные участки поля, разгадывает замыслы противника и помогает обороне разрушать их.

И запомните, ребята: вратарями не рожда-

ются, вратарями становятся. Обидно, конечно, пропустить мяч в свои ворота, но познавайтесь с историей футбола, и вы увидите, что каждый классный вратарь пропустил их не один десяток, прежде чем к нему пришли опыт и мастерство.

Недаром существует пословица «Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Конечно, тому мальчику никто не забудет гол, раз он не стоит в воротах. Но и спортивной победой это не назовешь.

Вратарю больше чем кому-либо нужно терпение и способность не падать духом от неудач. Если повесишь нос после первого же пропущенного гола, тебе не стать настоящим вратарем, потому что настоящий вратарь тот, кто даже после досадного промаха умеет мобилизовать свою волю, знания, мастерство, чтобы вновь и вновь отбивать безнадежные мячи, бросаться в ноги прорвавшемуся форварду, парировать штрафные. Зато после матча, предельно устав, чувствуешь, что для победы команды ты сделал все, что мог, и даже немного больше...

жег красный свет над воротами моего сомнения, и я, устыдившись, позвал Вольку и сказал ему:

— Не кажется ли тебе, о клюшка моей жизни, что нужно решить, как тренироваться дальше?

— Ты прав, Хоттабыч, — ответил мне самый мудрый из юных тренеров, — мы должны провести открытое собрание команды.

И тут Волька свистнул в свой тренерский свисток, и началось открытое собрание.

Все юные хоккеисты после долгих споров постановили «нажать на технику»: заняться фигурным катанием.

Целый месяц мы учились фигурному катанию. Мы вертелись подобно детской игрушке, которая называется волчком, хотя у нее нет ни хвоста, ни кльков. Мы делали прыжки и стойки на одной ноге, мы кружились, выписывая нули и восьмерки. Наконец наступил день соревнования.

Все наши мальчишки радовали глаза созерцающих своим красивым катанием. Они чертили коньками на льду сложнейшие фигуры и ни разу при том не упали. Только отрок по имени Гошка почему-то не сразу стал кататься, а сначала долго ползал по льду и что-то срисовывал на бумажку. А потом он вышел на лед, заглядывая в свою записку. Пытался

кататься. Но так как он больше глядел на бумажку, чем под ноги, коньки не держали его, и он все время падал. Все, кто видел это, смеялись, а Волька сказал ему:

— Эх ты, Гошка-сдувала! Уходи от нас, нам лодырей не надо.

И Гошка ушел, а я обратился к моему достопочтенному другу:

— О Волька, освети ночь моего непонимания лучом своего объяснения. Зачем ты прогнал Гошку и почему ты назвал его красивым словом «сдувала»? Ведь он не дул ни в какую сторону, а только смотрел в бумажку и падал.

— Эх, Хоттабыч, как ты не понимаешь? Сдувала — это человек, который не хочет думать, а только живет чужим умом. Мы все сами придумали себе фигуры, которые и рисовали коньками на льду. А Гошка лодырничал все время, а сейчас списал себе в

шпаргалку наши чертежи и думал всех обмануть. Но у него ничего не вышло.

И мне стало ясно, что лодыря прогнали правильно. Чужим умом ничего не добьешься ни в школе, ни на льду. Если бы я три тысячи лет назад, во время обучения искусству магии, стал списывать, то есть, выражаясь научно, сдувать, — никогда бы не сделался я могущественным джином.

Записали братья Кашаевы.

Старый вожатый и почетный пионер, никак не могу я отстать от пионерской тематики — недавно написал еще одну повесть о борьбе ребят в красных галстуках в тылу врага в годы Великой Отечественной войны. Называется она «Искатели сбитых самолетов» и вскоре появится в свет в издательстве «Молодая гвардия» в моем сборнике пионерских повестей под общим названием «Чудесники».

Когда я был в пионерском возрасте, посчастливилось мне видеть такие славные события, как свержение самодержавия, приход Великой Октябрьской революции, а затем и принять участие в организации комсомольских ячеек, в борьбе за становление Советской власти в родных рязанских краях.

Естественно, что к пятидесятилетию Советской власти захотелось мне написать о том, что ближе к моей юности, и взялся я за книгу об Октябрьских боях в Москве, о рождении московского комсомола. Называется она «Повесть о русском Гавроше».

В основу повести положена история подвига легендарного Павлика Андреева и его юных друзей, московских мальчишек и девчонок, помогавших своим отцам и старшим братьям победить белогвардейцев.

Много интересных материалов, которыми я пользовался, собрали московские пионеры — следопыты Октября. Спасибо им!

Николай БОГДАНОВ

ОН БЫЛ ТАКИМ

Часто ребята задают вопрос:

— А каким он был в жизни, товарищ Ленин?

Очень трудно на это ответить. Владимир Ильич Ленин был таким удивительным, таким большим по своим душевным качествам человеком, что сколько бы о нем ни рассказывать, никогда не передашь и малой доли. Недаром не появилось еще писателя, который решился бы в одной книге рассказать если не все, то хотя бы самое главное об этом необыкновенном человеке.

Как же ответить все же ребятам, которые хотят знать как можно больше о создателе нашего государства, о вожде революции?

И вот писатели встречаются со старыми большевиками, работавшими вместе с Лениным, изучают воспоминания людей, хорошо знавших Ленина, читают сохранившиеся в архивах документы. А затем пробуют рассказать читателям об отдельных случаях из жизни Владимира Ильича, о его встречах с людьми, о его поступках. Потому что в каждом, даже самом небольшом поступке Ленина можно разглядеть частицу его характера, ощутить и увидеть то или другое его свойство.

Такую книжку написал и писатель Леонид Радищев. Называется она «Делегат с Урала».

В этой небольшой книжке собрано несколько рассказов о людях, которым пришлось встречаться с Лениным в первые годы после Октября.

В одном рассказе мы встречаемся с Лениным в теплушке военного эшелона, беседующим с солдатами. В другом попадаем в рабочий кабинет Ленина вместе с мальчишечком-комсомольцем, который привез Ленину подарки с Урала. Один рассказ переносит нас в рабочий клуб на Выборгской стороне, куда Ленин приехал на встречу Нового года. Герои еще двух рассказов — неудачливый паренек-фотограф и старик портной, которому товарищи поручили сшить Владимиру Ильичу новый костюм. А в конце сборника мы слышим рассказ старика крестьянина, которому Ленин помог в трудную минуту.

Скажу откровенно: все эти рассказы я читал с большим волнением. Мне выпало большое счастье трижды слышать Ленина и один раз провести около него почти целый день.

И в Ленине, который описан в книжке Ра-

дищева, я узнал того Владимира Ильича, которого сам видел и слышал.

Вот почему я очень советую ребятам, которые хотят побольше узнать о Ленине, внимательно прочесть эту небольшую книжку.

А. ДОРОХОВ

Древняя книга

Кому не интересно узнать, как жили люди тысячу лет назад, что они ели, пили, во что одевались, какие строили дома, что веселило их, что заботило. Путешествие в прошлое увлекательно. Однако для того, чтобы его совершить, недостаточно знать только учебники по истории. В учебниках намечены лишь контуры картин минувших времен. Живые краски этих картин открываются нам при знакомстве с историческими источниками — непосредственными свидетелями прошлого.

Источники бывают археологические и письменные. Археологические — это остатки посуды, оружия, украшений, зданий, которые археологи находят при раскопках древних городов и селений. То, что найдено при раскопках, хранится в музеях и помогает нам увидеть прошлое. А вот услышать его живой голос можно в древних книгах. Это и есть письменные источники.

Древние книги не похожи на наши. Их не печатали, а писали на специально обработанной коже — пергаменте. Ученые обнаруживают такие книги и при раскопках и в древних архивах.

А бывает, что эти книги находят совсем случайно. Например, граф А. И. Мусин-Пушкин — любитель русской старины, живший в конце XVIII и в начале XIX века, — обнаружил в купленной им грудке бумаг драгоценную древнейшую летопись «Повесть временных лет».

«Временных» — это значит «минувших». В этой книге рассказывается, «откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла русская земля». Написали книгу летописцы, люди, которые частью сами видели то, о чем пишут, частично слышали об этом от свидетелей описанных событий, а частично знали об этом из каких-то еще более древних книг, не сохранившихся до наших дней.

Летопись — это живое слово старины.

Недавно на прилавках книжных магазинов и на полках библиотек появилась книга «Рассказы начальной русской летописи», вышедшая в издательстве «Детская литература». Это и есть «Повесть временных лет», переведенная на современный русский язык.

Книга эта познакомит тебя с людьми, живши-

ми на Руси в далеком прошлом. Читая книгу, мы как бы участвуем в делах этих людей, вместе с ними ходим походами, боремся с врагами, строим города, радуемся и печалимся.

В предисловии к книге, написанном Т. Михельсоном и Д. Лихачевым, ты найдешь много интересных сведений о том, как создавались летописи, в том числе и «Повесть временных лет». Все события, о которых рассказывает летописец, подробно объяснены в специальной главе. А приложение, состоящее из иллюстраций и пояснений к ним, познакомит тебя с искусством Древней Руси.

В. ВИШНЯКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Книги —

В своих письмах вы спрашиваете о самых разных вещах, задаете массу вопросов. Один просит рассказать, как ухаживать за комнатными растениями, другой хочет, чтобы в журнале завели уголок юного рыболова, третий — чтобы открыли школу фотолюбителей... Многие ребята просят посоветовать, как организовать в школе художественную самодеятельность, жалуются на то, что во дворе скучно и нечем заняться в свободное время. Книга в тысячу страниц не вместила бы ответы на все ваши вопросы.

Издательство «Детская литература» выпускает специальную серию «Знай и умей». Книжки этой серии наверняка найдутся в любой школьной библиотеке.

Недавно я пошла в библиотеку, и, чтобы просмотреть книжки этой серии, мне понадобился не

Оловянные солдатики,
 Что же это вы!
 Суровые и brave
 С ног до головы,
 И, нате-ка, попадали,
 И давите друг друга,
 И ставите друг друга
 В тугое положение!
 Ну как не понимаете
 Вы этого, солдатики,
 Что не к лицу солдату
 Такое
 Поражение!
 А на коне Сережка,

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Алла БЕРИДЗЕ

И все вокруг всерьез.
 Он пушку — не игрушку
 На поле перевез.
 Он ждет от вас сражения —
 Р-раз! Два!
 А вы не поднимаетесь —
 Ра-аз, два,
 А вы не поднимаетесь

И живы-то едва,
 И терпит поражение он
 И раз и два.
 Но терпит поражение он,
 Как тот же генерал,
 Который
 Генерального
 Как раз не проиграл.

Рисунки П. ПРОРОКОВА.

один час: каких книг здесь только не было!

И о том, какие танцы можно подготовить к школьному вечеру и как самому научиться танцевать, как сделать кукольный театр и какую выбрать пьесу.

Фотокорреспонденты рассказывают об искусстве фотографии. Для любителей химии и физики — книжка с описанием интересных опытов и фокусов. Для любителей природы — о том, как разводить комнатные растения и ухаживать за ними.

Я назову несколько книг.
ВАСЮТИН Н. «ВЫСТУПАЮТ ЮНЫЕ ГИМНАСТЫ».

Эта книга расскажет, как организовать школьный вечер, какие гимнастические упражнения и композиции выбрать для выступления и как их подготовить.

А книга **СУХОЦКОЙ Н., ТЕРЕЩЕКВИЧ В. «КАК ЧИТАТЬ**

СТИХИ» поможет вам подобрать стихи для концерта.

КОСИНСКИЙ И. «ЗОРКИЙ ОБЪЕКТИВ».

РАПКОВ В., ПЕКЕЛИС В. «ЮНЫЙ КИНОМЕХАНИК».

ОТЯШЕНКОВ Ю. «АЗБУКА РАДИОУПРАВЛЕНИЯ МОДЕЛЯМИ».

ШКУРКО Д. «ЗАБАВНАЯ ХИМИЯ».

ЧУБЕНКО П. «В МИРЕ НЕОЖИДАННЫХ ЗАГАДОК».

Эти книги для любителей техники, для тех, кто любит поломать голову над трудными задачами, показать своим друзьям интересные химические опыты, а также для тех, кто хочет научиться фотографировать.

ПОЛКАНОВ Ф. «ПОДВОДНЫЙ МИР В КОМНАТЕ».

ВАХМИСТРОВ Д. «РАСТЕНИЯ БЕЗ ПОЧВЫ».

А эти книги с удовольствием

прочитают натуралисты. Одна из них ответит на многочисленные вопросы любителей-аквариумистов. Другая познакомит с новыми методами выращивания растений.
БЕРЕЗИН А., ЛУКАШИН Ю. «СТО ИГР НА НАШЕМ ДВОРЕ».

В этой книге рассказывается о том, как ребята сумели прогнать скуку. Они придумали множество простых и интересных игр, сами оборудовали для них площадки. Может быть, практические советы, приведенные в книге, помогут и вам.

Как видите, в этом небольшом списке книги на разные вкусы и увлечения.

Хочу еще сказать: не ленись почаще заглядывать в библиотеку, где ждут вас на полках книги-помощники.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

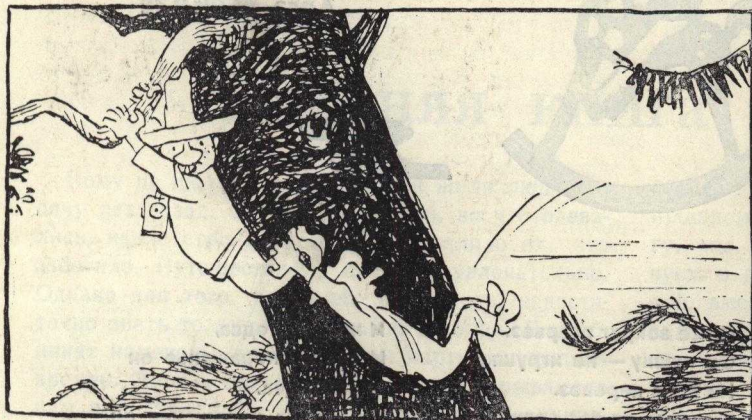

СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

Е. ВЕДЕРНИКОВ

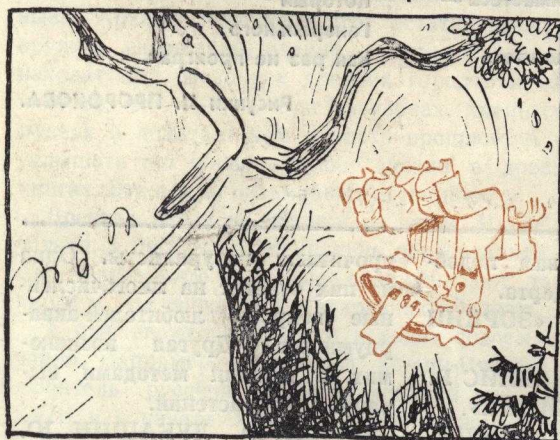
Продолжение.

...Итак, они скакали на мамонте, размахивая руками, пока Полиглот не вцепился в сук, а Смехотрон в его башмаки...

Но люди из дикой орды умели неплохо охотиться и...

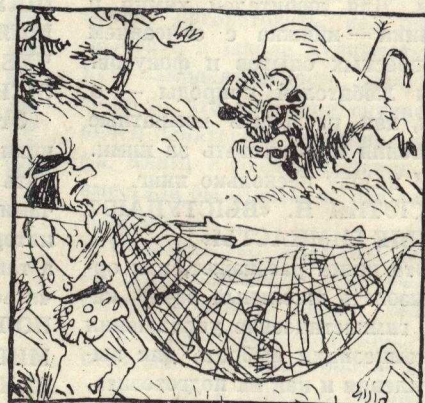
Это не сломанная баранка! Это хороший бросок бумеранга.

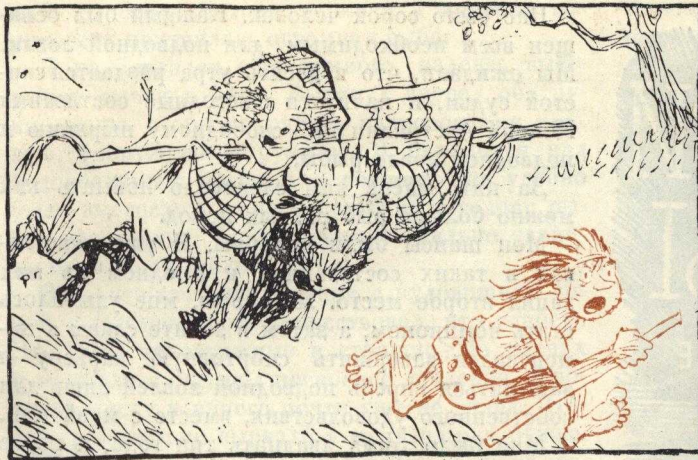
И наши приятели полетели, затем приземлились.

— Оказывается, и тогда уже были сумки-авоськи, Полиглот!
— Да, Смехотрон. Но в наше время в них носят овощи...

У носильщиков подкосились колени, а их ноша онемела...

Как говорится, на ловца и зубр бежит...

— По-русски это называется «гамак», — сказал Полиглот.

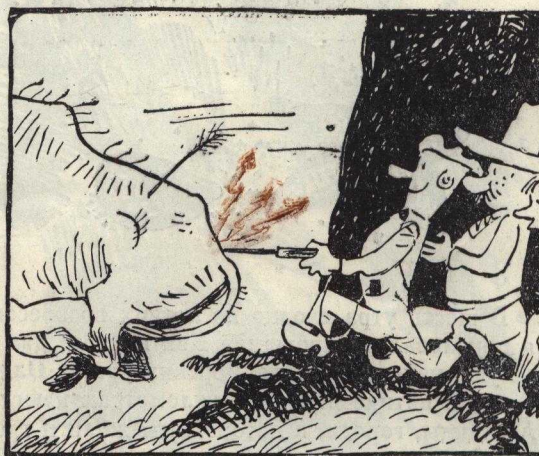
Кое-как они выпутались, но тут видят, бежит к ним один из охотников, от своей добычи спасается; — так сказать, от котлет удирает.

Правда, в каменном веке еще не знали карусели, но похоже...

— Учись, товарищ Дикарь, — сказал Смехотрон, — запоминай, пока я гощу в вашем времени. Это электропастух.. Так что изобретай ток!

— Видал! Думай теперь, дикий, про электричество. Шевели мозгами.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ НА IV СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ.)

Родни Фокс

В ПАСТИ АКУЛЫ

ПОДЛИННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В шесть утра в одно из летних воскресений я поцеловал на прощание Кей и через два часа уже находился у приморских утесов Олдинг Бича, в пятидесяти пяти километрах к югу от Аделаиды, города, в котором мы жили и где я работал страховым агентом.

Подводные скалы Олдинга — изумительное место. Это подлинный морской рай, место, о котором мечтает каждый рыболов.

Нас было сорок человек. Каждый был оснащен всем необходимым для подводной ловли. Мы ожидали, что в десять утра раздастся свисток судьбы, и начнутся ежегодные состязания Южной Австралии по свободному нырянию и подводной ловле рыбы.

За пять часов нам следовало поймать как можно больше рыб разных пород.

Мои шансы были недурны. Я уже участвовал в таких состязаниях и в одном из них занял второе место. Не скрою, мне улыбалось стать чемпионом, а затем в зените славы я намеревался завершить спортивную карьеру и заниматься впредь подводной ловлей лишь для собственного удовольствия, вместе с моей Кей.

Мне было тогда двадцать три года, и после нескольких месяцев тренировки я достиг блестящей формы. Я долго тренировался в погружении на глубину до тридцати метров, и мне удавалось продержаться под водой без вдоха до одной минуты.

В девять часов мы начали соревнование. Каждый из нас тянул за собой на бечевке, прикрепленной к поясу, закрытый пустой ящик от аккумулятора. Мы складывали туда нашу добычу для того, чтобы возможно меньше крови попало в воду. Кровь привлекает крупных морских хищников, особенно всегда голодных и чрезмерно любопытных акул.

Для большей безопасности район нашей ловли патрулировали два быстроходных катера. Погода была чудесная. Было жарко. Подгоняемые легким ветерком волны разбивались с шумом о рифы. Подводная видимость была, однако, не из лучших, и это усложняло задачу.

Около половины первого я доставил на берег свою первую добычу: двадцать семь килограммов рыбы четырнадцати пород. Это было неплохо. Но состязание еще не кончилось.

Поблизости рыбы оставалось все меньше, и я удалился от берега примерно на километр.

Когда я нырнул в последний раз, то у небольшой трехгранной скалы на глубине от семи до тринадцати метров увидел мелькнувшие силуэты двух или трех огромных рыб. Одной такой рыбины было бы вполне достаточно, чтобы выиграть состязание.

Погрузив лицо в воду, я стал намечать путь, который мне следовало избрать, чтобы захватить рыбину врасплох.

Через минуту, набрав в легкие побольше воздуха, я нырнул. Я спускался вниз не по вертикали, а наискось и, чтобы не спугнуть добычу, осторожно оплывал скалу. Время от времени я выныривал на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. В одно из очередных погружений я затрепетал от радости: всего в каких-

нибудь десяти метрах от меня в морских водорослях притаилась огромная рыба.

Я приблизился еще немного, надеясь выстрелить почти в упор. Вытянул вперед обе руки: левую, чтобы сохранять равновесие, и правую, вооруженную ружьем. Я находился над водорослями в позиции, с которой мне удобно было выстрелить непосредственно в голову рыбы, как вдруг... Что-то огромное сильно ударило меня и потащило.

Это «что-то» влекло меня с чудовищной силой и быстротой. Я почувствовал, что слабее. Это было непостижимо и страшно. На плечах и на груди я ощущал несносное давление. Я потерял маску и ничего почти уже не видел. Что-то стремительно вырвало у меня из рук ружье.

Я не понимал, что произошло. Собрав остатки сил, я попытался освободиться, но давление не прекращалось, и тело мое было словно сковано.

Наконец я сообразил, что меня схватила акула. Я не мог ее видеть, но, вероятно, она была огромной. Ее челюсти сомкнулись на моей груди и спине, а мое левое плечо оказалось в пасти акулы. Она уносила меня вперед.

Оцепенев от ужаса, я не ощущал еще никакой боли и не чувствовал ничего, кроме сильного давления в плечах. Я вытянул одну руку назад, пытаюсь нащупать голову акулы. Я намеревался выдавить ее глаза.

Неожиданно я почувствовал, что свободен. Акула разжала пасть. Я повернул назад, чтобы стремительным рывком уплыть подальше, но рука моя тут же застряла в пасти акулы. Теперь я впервые ощутил острую боль во всем теле. Я энергично пошевелил плечами, пытаюсь вырвать руку. Боль становилась невыносимой.

В конце концов мне удалось вырваться. Задышавшись, я устремился к поверхности. Вот моя голова оказалась над водой, и я глубоко вздохнул.

Было ясно, что акула тоже всплывет. Через минуту один из плавников ее коснулся моей ноги, и вслед за тем я ощутил боль под коленкой.

Обеими руками я ухватился за акулу и оседлал ее, надеясь, что подобный маневр, может быть, избавит меня от перспективы опять оказаться в ее пасти.

Не знаю уж как, но мне снова удалось глотнуть воздуха. Вероятно, во время этой молниеносной борьбы акула всплывала на поверхность моря. Но теперь она стремительно опускалась на дно, пытаюсь сбросить меня со своей спины.

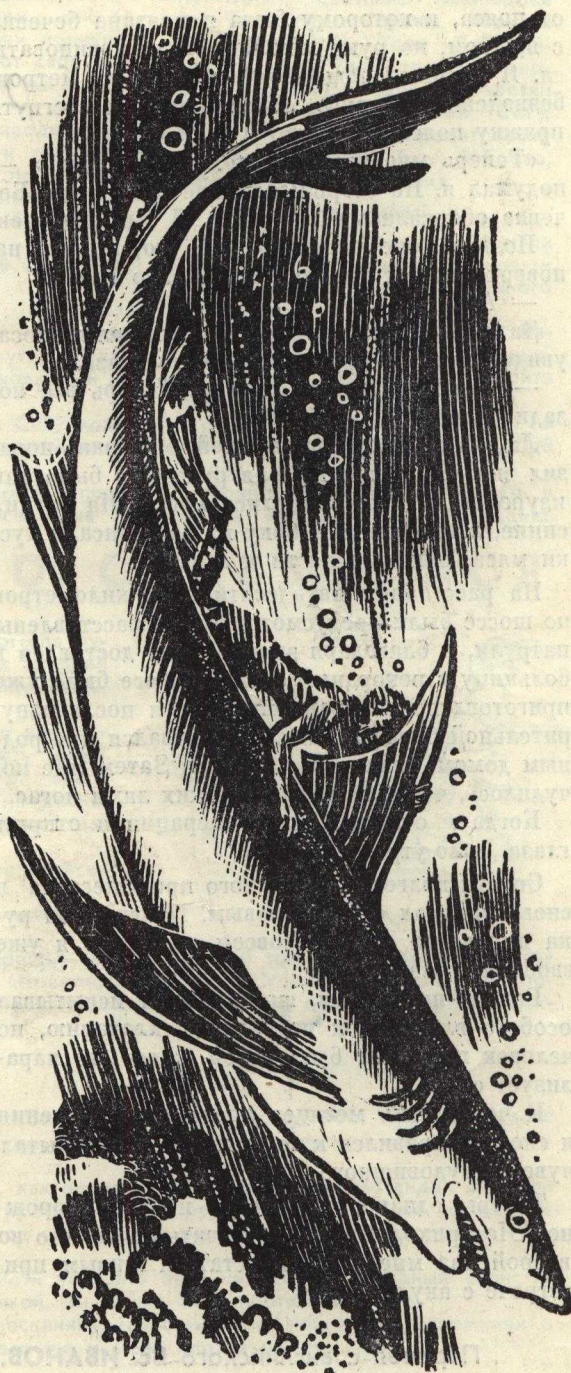
Собрав последние силы, я опять оторвался от моего врага и всплыл на поверхность моря. Вода вокруг стала розовой: раны мои крово-

точили. Акула вновь показалась всего лишь в каком-нибудь метре от меня.

Я увидел огромные плавники и грозную пасть. У меня не оставалось никаких шансов уцелеть.

«Ну, теперь конец!» — решил я. Еще мгновение, и я исчезну в ее прожорливой пасти.

И... случилось нечто непредвиденное. Вместо

того, чтобы броситься на меня, акула вдруг повернула в противоположную сторону. Я увидел лишь ее спинной плавник, на мгновение показавшийся из воды. Сделав в воде полукруг, акула вроде бы удалилась. Но что это? Бечевка, к которой был привязан ящик от аккумулятора, неожиданно натянулась, и меня снова увлекло под воду.

Оказалось, что акула атаковала мой ящик, чуя в нем добычу. Я попытался освободиться от пояса, к которому была привязана бечевка с ящиком, но руки мои перестали повиноваться. Я проплыл под водой несколько метров, безнадежно пытаясь левой рукой отстегнуть пряжку пояса.

«Теперь мне осталось только утонуть!» — подумал я. Но свершилось еще одно чудо. Бечевка оборвалась сама собой. Я был свободен.

Позднее мне рассказывали, что, всплыв на поверхность, я крикнул лишь одно слово:

— Акула!

Затем как сквозь сон я услышал голоса, увидел лодку с друзьями. Кто-то сказал:

— Счастлив же ты, парень! Теперь все позади! Крепись!

Людей из патрулировавшей моторки поразили вид моих ран. Правая рука моя была так изуродована, что виднелись кости. На груди, спине, левом плече и боку из ран свисали куски мяса, обнажая кости и легкие.

На расстоянии пятидесяти пяти километров по шоссе были предусмотрительно расставлены патрули, и благодаря этому я был доставлен в больницу в рекордный срок. Там все было уже приготовлено. Операционный стол после изнурительной борьбы с акулой показался мне родным домом, теплым и удобным. Затем мне поудилось, что свет хирургических ламп погас...

Когда я очнулся после операции и открыл глаза, было утро.

Спустя полгода после этого происшествия я снова ощущал себя здоровым. Правая моя рука выглядела еще не совсем ладно, но я уже свободно владел ею.

Говоря по совести, вначале я не испытывал особого влечения к подводному плаванию, но человек перестает быть собой, когда его парализует страх.

И через пять месяцев после выздоровления я снова отправился к тому месту, где испытал чувство чудовищного страха.

Теперь, однако, я действую иначе, осторожнее. Не приходится рассчитывать на то, что во второй раз мне удастся остаться живым при встрече с акулой.

Ответы на задачи Икса, Игрека и Зета

Начнем с серии «ИГРАЕМ В КАМЕШКИ». Первая задача «Сорок девять — на две кучки». В начале игры общее число камешков нечетное. Для того чтобы выиграть, начинающему нужно каждый раз брать камешки из той кучки, в которой их больше, причем так, чтобы обе кучки становились одинаковыми. Тогда он делает последний ход. В условиях этой задачи в № 1 недостаточно четко были сформулированы правила игры. Поэтому многие ребята не учитывали, что партнеры во время игры могут брать камешки из разных кучек, а не все время из одной.

Вторая задача «ДЕСЯТЬ — НА ТРИ КУЧКИ». Первый ход начинающего — взять 4 камешка из самой большой кучки. Теперь в одной кучке — 3 камешка, в другой — 2, в третьей — 1. Если второй партнер своим ходом возьмет одну из кучек полностью, то останутся две кучки, и начинающему следует играть, как в предыдущей задаче. Если же снова останутся три кучки, начинающий и своим вторым ходом должен взять целиком одну из них — так, чтобы остались две одинаковые. Дальше надо снова действовать, как в предыдущей игре.

Последняя задача этой серии — «Камешки в одной кучке». Начинаящий берет 1 камешек. Остается 48 камешков. Больше пяти брать нельзя, поэтому в любом случае после хода второго игрока останется не менее 43 камешков. Вторым ходом начинающему нужно довести число камешков в кучке до 42, третьим ходом — до 36, четвертым — до 30, пятым — до 24, шестым — до 18, седьмым — до 12, восьмым — до 6.

Первыми решение этой задачи прислали пятиклассник Володя Шинкин из города Калининграда (Володя прислал нам целую тетрадь, в которой были правильно решены почти все задачи из № 1) и Володя Смирнов из Москвы.

Следующая задача — «КАК РАСПИЛИТЬ СЕРЕБРЯНУЮ ЦЕПОЧКУ?». Распилить нужно третье звено так, чтобы цепочка распалась на три части по одному, два и четыре звена в каждой. С их помощью удастся расплатиться: ведь хозяин может давать сдачу звеньями, полученными им раньше. Ответы на эту задачу раньше всех прислали Володя Шинкин, шестиклассники ленинградцы Сережа Гордеев и Саша Гаськов, Марина Черная из Днепропетровска и Наташа Сильченко из Звенигорода.

Переходим к задачам из нашего постоянного раздела «СОСЧИТАЙ-КА». Задача про 5 листов бумаги. Когда мы разрезаем лист на 5 частей, общее число листов увеличивается на 4. Вначале у нас 5 листов. Если в конце концов получится N листов, то число $N - 5$ должно делиться на 4. Но число $1967 - 5$ на 4 не делится, значит, в любом случае 1967 кусков получить не может. Среди решивших эту задачу первыми были снова Володя Шинкин и шестиклассник Миша Файн из города Пушкина, Московской области. Задача про 25 копеек. Она сводится к тому, чтобы представить число 25 в виде суммы 10 слагаемых, каждое из которых равно 5, 3 или 1. Сумма 10 нечетных слагаемых является четной и, следовательно, не может равняться 25. Нет ничего удивительного в том, что трое неизвестных не смогли решить эту задачу: ее вообще нельзя решить.

Многие ребята хорошо справились с этой необычной задачей. Быстро прислали верные ответы уже знакомые нам Володя Шинкин, Володя Смирнов, ленинградцы Гаськов и Гордеев, Миша Файн и еще Шура Темникова из города Кольчугино.

Последняя задача — «ТРИ ЖАДНЫХ РАЗБОЙНИКА». Первый разбойник делит добычу на три, по его мнению, равные части, а второй и третий указывают каждый часть, которая им кажется большей. Если они указывают на разные части, то каждый берет свою, а первый — оставшуюся часть. Если же они указывают на одну и ту же часть, им надо поделить ее между собой так, как рассказано в условии задачи. После этого второй и третий должны указать на ту из двух оставшихся частей, которая им кажется большей. Если они покажут на одну и ту же часть, то вновь делят ее между собой, а первый берет оставшуюся часть. Если же они укажут на разные части, то каждый из них делит понравившуюся ему часть с первым разбойником способом, рассказанным в условии. Вот эту задачу никто правильно не решил. Володя Шинкин был на правильном пути в своем решении, но не довел его до конца.

Перевел с английского **Вс. ИВАНОВ.**

Далеко на Севере

Сотни километров отделяют небольшой сибирский городок Бодайбо от областного центра Иркутска. Но и здесь, далеко на Севере, есть много верных друзей у Пешкина.

Во многих классах средней школы города Бодайбо недавно введен урок шахмат. На уроке ребята знакомятся с правилами игры, основами теории. Представляете, сколько в этой школе шахматистов, готовых в любой момент сразиться с противниками?

Финиш близок!

Как преодолевают марафонскую дистанцию из десяти задач участники нашего первого конкурса? Кто из ребят получил спортивный разряд?

На эти вопросы мы ответим в ближайших номерах журнала. Поздравим победителей и снова отправимся в путь по трудному и увлекательному маршруту нового конкурса.

А сейчас расскажем, как решаются первые задачи конкурса, в котором проверяют свое шахматное умение более тысячи ребят.

В решениях мы приводим лишь основные варианты и тем ребятам, которые пошли по неверному пути, советуем снова внимательно проверить конкурсные позиции.

№ 1. 1. Kph8!; № 2. 1. Фh8! № 3. Kph2!

Многие участники соревнования споткнулись на «четвертом километре» маршрута. Задачу № 4 решает только коварный маневр 1. Cd1!

Красивым ходом 1. Cb2! можно заматовать в два хода черных в задаче № 5.

Среди ребят, которые успешно стартовали в конкурсе, Юра Па-

нов (Витебская область), Витя Перфильев (г. Петровск-Забайкальский), Оля Подпрятава (пос. Широкий, Магаданской области), Коля Нестеров (с. Янишево, Чувашской АССР), Рашид Нарбеков (с. Линейное, Астраханской области), Сережа Нащекин (Московская область), Саша Меладзе (г. Кобулет), Володя Мышкин (Тульская область), Саша Мазуренок (г. Москва), Олег Мусин (г. Орск), Светлана Неклюдова (г. Ташкент), Сережа Левизов (г. Кривой Рог), Толя Лебединский (с. Дм. Слобода, Владимирской области), Ашот Назаретян (с. Бурастан, Армянской ССР), Юра Лигун (г. Днепропетровск), Сережа Ларионов (пос. Боброво, Архангельской области).

Кто сумеет!

В «Железную клетку» загнали черного короля белые фигуры и пешки. Нет у бедняги ни одного хода.

Эту задачу составил Саша Ванеев (зерносовхоз «Молодежный», Целинного края). Смотрите диаграмму на странице 80.

Задачу решить нетрудно, в ней всего один вариант (1. Cg8 Kpg6; 2. Kf4 мат.

Можно, конечно, придумать и более интересную комбинацию.

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ

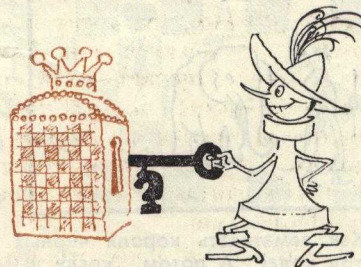
Побывал недавно Пешкин в далеких краях и привез оттуда чудо-ларчик. В нем полно смешных и грустных шахматных историй и загадок. Сначала кажется: хитро все придумано, а подумаешь, пораскинешь умом и с любым секретом справишься!

Вот, например, эта диаграмма, наверно, привела вас в изумление? Откуда взялось столько белых королей, что за напасть такая?

А Пешкин, увидев эту диаграмму, сразу догадался: да здесь просто три задачи. Когда будете расставлять позицию на доске, оставьте любого на выбор из белых королей и, начиная игру, заматуйте в три хода черных. Понятно?

А чтобы окончательно раскрылся ларчик, найдите решения всех трех задач и пришлите их Пешкину.

Что еще нашел сегодня в ларчике Пешкин? Занятные истории о шахматах и шахматистах. Вот они.

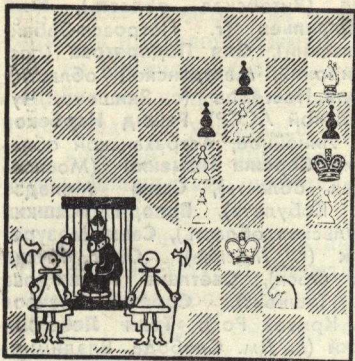
«Приятный товарищ» — так назвал свой трактат о шахматах итальянец Николаи. У «Приятного товарища» солидный возраст: он появился на свет в 1300 году, в нем было сто девяносто четыре шахматные задачи.

В 1925 году чехословацкий гроссмейстер Рети проводил сеанс одновременной игры. Он играл «вслепую» против двадцати девяти противников.

Представляете, как проходят такие сеансы? Рети сидел в одной комнате, все его противники — в другой. Рети сообщали шахматной нотацией, какой ход сделан и на какой доске, а он передавал свои ответные ходы.

И вот когда Рети успешно закончил свой рекордный сеанс и собрался идти домой, он забыл свой портфель.

— Спасибо, — воскликнул гроссмейстер, когда ему напомнили о портфеле, — до чего же у меня плохая память!...

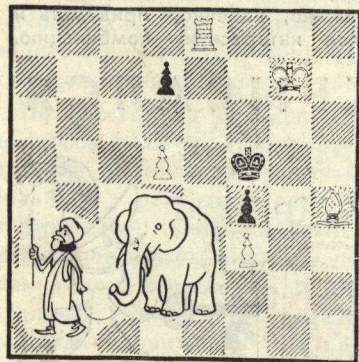

Пешкин советует Саше усложнить свою задачу. А вы, ребята, не поможете ему?

Только Пешкин поставил такое условие: к фигурам, что действуют сейчас на диаграмме, можно добавить не более двух фигур или пешек.

В решении должно быть по меньшей мере два варианта. Лучшие задачи мы напечатаем в журнале.

А теперь попробуйте ответить на вопросы, которые предлагает вам **Слава Замарацкий** (с. Оек, Иркутской области).

Как заматовать короля черных в три хода? А потом, когда вы найдете это решение, Слава просит вас назвать тему этой задачи.

Пешкин и оруженосцы шаха Саша Ванев и Слава Замарацкий с нетерпением ждут ваших писем.

Содержание

Право править. — Е. Рубцова	2
В том году. — Главы из повести Роберта Колотухина. Продолжение. Рисунки Н. Борисовой	4
Костер. Какое солнце во дворе! — Стихи Инны Заграевской. Рисунки Э. Булатова	13
Обычные необыкновенные операции. — Б. Володин. Фото В. Кузьмина, Л. Шерстеникова и корреспондентов ТАСС	14
Корабль-исследователь. — А. Юдович	17
Поэтическое море. — С. Артамонов	18
Мальчики. Черная речка. Баллада про верного пса. — Стихи Павла Антокольского. Рисунок В. Неклюдова	18
Надо посоветоваться	
Иду к доске. — А. В. Захарова. Гравюра В. Неклюдова	22
«Бинокля». — Рассказ Ю. Хазанова. Рисунки Е. Медведева	24
Кораблик	30
О чем наша карта рассказывает	32
Конкурс фантастических рассказов	
Значит, к нам прилетали. — Рассказ Славы Еремеева	33
Дневник инженера Григорьева. — Рассказ Володи Мышкина. Рисунки Н. Доброхотовой	34
Ивар-бизнесмен. Голубые лыжи Мари. — Рассказы Н. Колесниковой. Фото автора. Рисунки В. Перцова	37
Встреча с тремя неизвестными. Рисунки Б. Кыштымова	41
В небе «крылатая пехота». — Подполковник Н. Васильев. Фото Р. Рязанова, А. Сергеева, Г. Омельчука	42
Гнездо ласточки. Легенда о Ксочитл-тонатиу. — Перевела Т. Каминская. Рисунки Н. Степанова	44
Выдренок. — Рассказ Вл. Судомы. Рисунки Ю. Черепанова	46
Наше фотопутешествие	50
А у нас... А у вас?	52
Мэри Поппинс. — Повесть П. Л. Траверс. Перевел Б. Захoder. Рисунки Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого	54
Кругосветка	62
Круглый город. Плавающий зверинец. — Стихи Т. Белозерова. Рисунки Е. Медведева	64
Турнир знатоков. — Ответы на вопросы	65
Спорт	66
Что нам читать?	71
Оловянный солдатик. — Стихи Аллы Беридзе. Рисунки П. Пророкова	73
Смехотрон и Полиглот попадают в переплет. — Е. Ведерников	74
В пасти акулы. — Родни Фокс. Перевел Вс. Иванов. Рисунки О. Зотова	76
Ответы на задачи Икса, Игрека и Зета	78
В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международные мастера М. Юдович	79
На вклейках:	
Большие стройки юбилейного года.	
Репортаж художника Ю. Вечерского.	
На первой странице обложки:	
«Заря» в открытом море. Рисунок Н. Вечканова.	
На второй странице обложки:	
Делегаты слета красных следопытов, участники операции «Цветы на бруствере». Фото С. Лидова.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 330-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

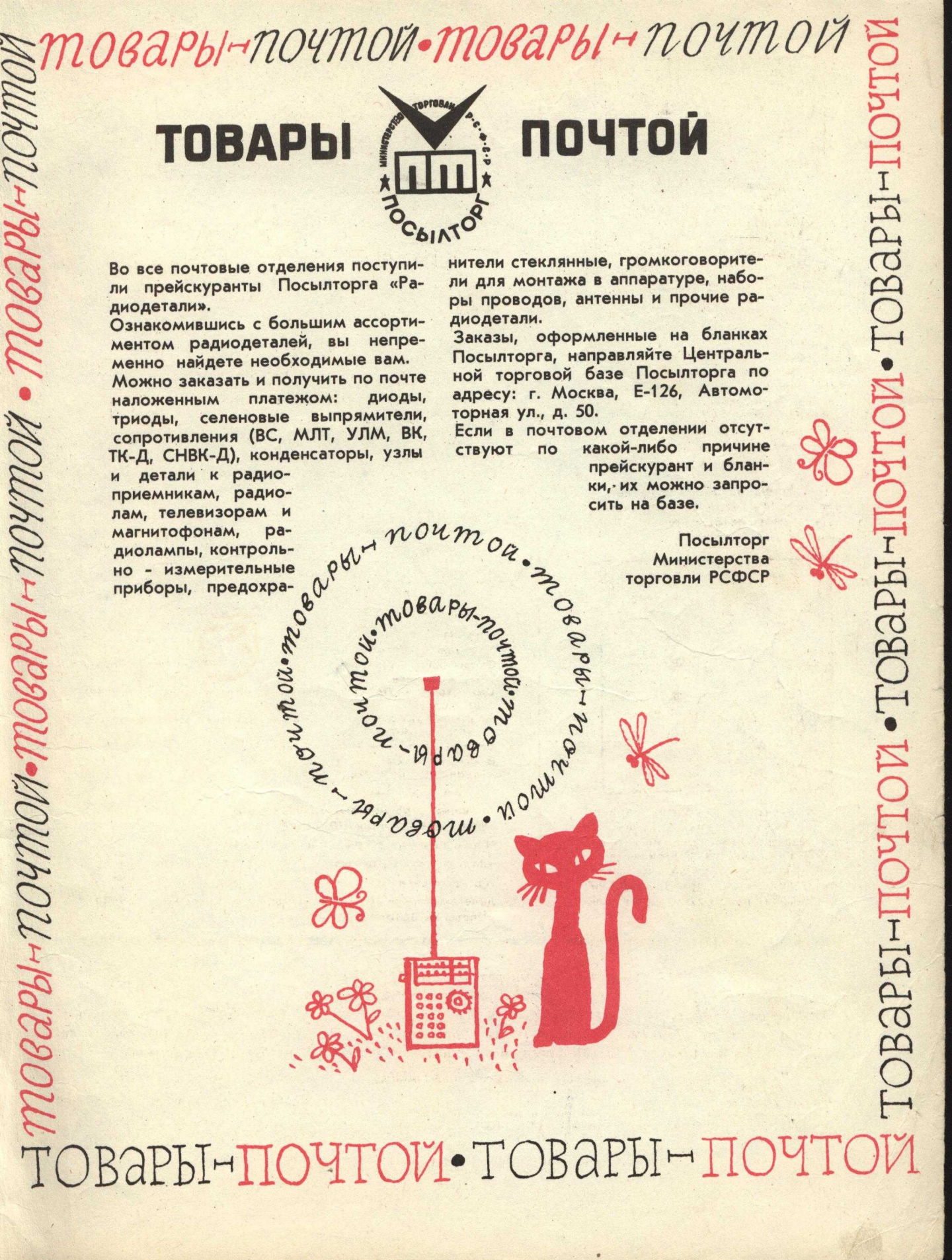
А 00045.
8,82 усл. п. л.

Подписано к печати 14/III 1967 г.
Тираж 852 500 экз.

Форм. бум. 84×108/16.
Изд. № 588.

Объем 5,25 физ. печ. л.
Заказ № 580.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ТОВАРЫ

ПОЧТОЙ

Во все почтовые отделения поступили преysкуранты Посылторга «Радиодетали».

Ознакомившись с большим ассортиментом радиодеталей, вы непременно найдете необходимые вам.

Можно заказать и получить по почте наложенным платежом: диоды, триоды, селеновые выпрямители, сопротивления (ВС, МЛТ, УЛМ, ВК, ТК-Д, СНВК-Д), конденсаторы, узлы

и детали к радиоприемникам, радиолам, телевизорам и магнитофонам, радиолампы, контрольно - измерительные приборы, предохра-

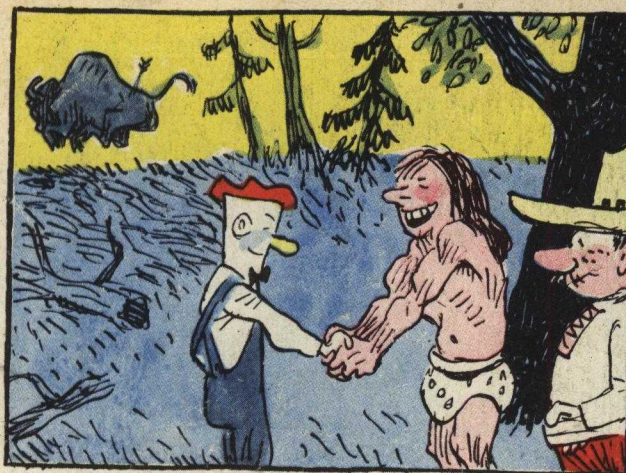
нители стеклянные, громкоговорители для монтажа в аппаратуре, наборы проводов, антенны и прочие радиодетали.

Заказы, оформленные на бланках Посылторга, направляйте Центральной торговой базе Посылторга по адресу: г. Москва, Е-126, Автомоторная ул., д. 50.

Если в почтовом отделении отсутствуют по какой-либо причине преysкурант и бланки, их можно запросить на базе.

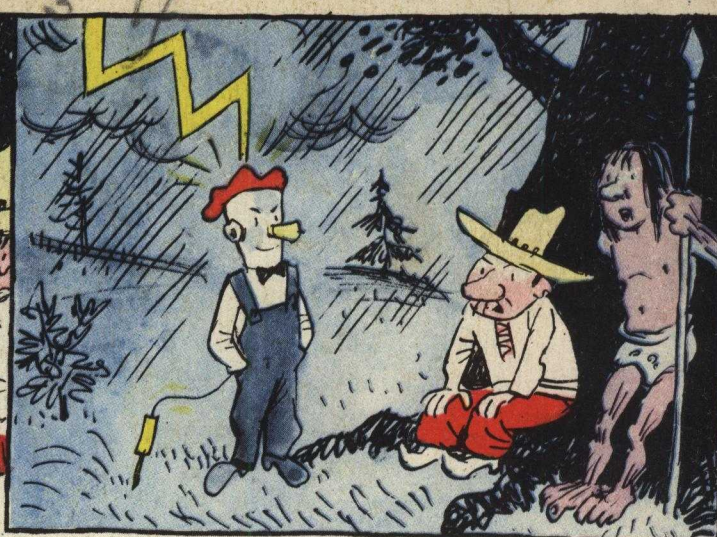
Посылторг
Министерства
торговли РСФСР

ТОВАРЫ-ПОЧТОЙ•ТОВАРЫ-ПОЧТОЙ

— Привет пришельцам! Меня зовут Пап-ри-ка — Великий Охотник.

— А я Смехотрон — Железная рука, а это мой друг, Полиглот.

— Молния — то же электричество. Важно вовремя заземлиться. Ясно!

— О, пришельцы, не позже, чем к утру, у вас будет огонь. Я клянусь!

— Я клянусь... О, проклятые дрова, они отсырели...

— Мы вам поможем, Железная рука, — сказал Полиглот на чистом дикарском, но чуть-чуть с акцентом. — У меня с собой зажигалка.

— Мамошка, вот так кошка! Саблезубая какая-то... Эй, не кусайся! — кричал Смехотрон, а Полиглот ему из-за дерева: это, мол, тигр!